ГУСТАВ ЯБС

ВЫБОР

ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА
ОБОРОНЫ
СССР

GUSTAV JABS

AUF DER RICHTIGEN SEITE

Als Deutscher bei sowjetischen Partisanen

VERLAG DES MINISTERIUMS FÜR NATIONALE VERTEIDIGUNG
BERLIN

ГУСТАВ ЯБС

ВЫБОР

ПОВЕСТЬ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
А. АРТЕМОВА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА – 1964

И (нем)
Я 13

ГУСТАВ ЯБС

ВЫБОР

Повесть

(Перевод с немецкого)

Повесть Густава Ябса посвящена немецким борцам против фашизма, отдавшим свою жизнь за демократическую, миролюбивую, социалистическую Германию.

Нелегко было сделать правильный выбор и встать на верный путь обер-фельдфебелю гитлеровского вермахта Курту Броземану, тяжело было отказаться от привычного взгляда на жизнь, от убеждений, которые годами вдалбливала в головы немецких солдат лживая фашистская пропаганда.

Но Курт, осознав преступный характер развязанной Гитлером войны, находит в себе силы встать на сторону тех, кто боролся за уничтожение коричневой чумы. Он бежал из тюрьмы, куда его посадили за «симпатию к коммунистам», и вступил в советский партизанский отряд. Найдена наконец цель жизни. Броземан мстит фашистам за поруганную и порабощенную родину, снискав любовь и уважение советских боевых друзей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Июнь 1942 года. Восточный фронт. Перед летним наступлением гитлеровских войск некоторые соединения 4-й немецкой армии были сменены свежими дивизиями, прибывшими из Франции и других стран Западной Европы. Полк, в котором служил обер-фельдфебель Курт Броземан, три дня назад был снят с передовых позиций и отведен в тыл на отдых.

Курт Броземан сидел на скамейке перед крестьянским домом и писал письмо родителям. С передовой время от времени доносился гул артиллерийской канонады. В тот момент, когда он раздумывал, стоит ли писать родителям о том, что его на год лишили отпуска, прибежал ефрейтор и передал приказание — срочно явиться к командиру роты.

Броземан встал и с досадой посмотрел в сторону своих товарищей, игравших в скат.

— Наверно, опять какое-нибудь особое задание командования,— недовольно проворчал он.— В последний день и то не дадут отдохнуть по-человечески.

Фельдфебель Кранц недоуменно пожал плечами. Глядя вслед коренастому обер-фельдфебелю, он иронически заметил:

— Любит пыль в глаза пустить...

— Брось, Гюнтер,— перебил Кранца унтер-офицер.— Последнее время он и так не лезет на рожон, от прежнего ухарства и следа не осталось. Посидишь шесть недель под арестом, так станешь другим.

В канцелярии был один командир роты — обер-лейтенант Гумме. Он встал, сделал несколько шагов навстречу вошедшему Броземану, протянул руку и сухо сказал:

— Обер-фельдфебель! Вам телеграмма.— Офицер показал глазами на лежавшую на столе бумажку.— Смертный случай в семье. Примите мое глубочайшее соболезнование.

Броземан недоверчиво взял телеграмму. На листке он прочитал: «Смертный случай в семье тчк срочно выезжай тчк». Ничего не понимая, обер-фельдфебель смотрел с недоумением на командира роты.

— Больше вы ничего не можете рассказать? — спросил он.

— К сожалению, нет. Больше мы тоже ничего не знаем,— ответил обер-лейтенант официальным тоном и добавил: — Господин генерал предоставляет вам отпуск по особым обстоятельствам. На трое суток. Несмотря на то что вы лишены на год очередного отпуска! Кроме того, в порядке исключения вы можете

воспользоваться почтовым самолетом. И еще. По поручению господина генерала я хотел бы напомнить вам: упаси вас бог совершить еще какую-нибудь глупость. Тогда вам несдобровать. Так легко, как в прошлый раз, не отделаетесь. Понятно?

— Так точно,— ответил Броземан и четко повернулся кругом.

Выйдя на улицу, Броземан начал лихорадочно думать. Смертный случай в семье? Кроме родителей, у него никого не было. Но что могло случиться с ними? Последнее письмо из дому он получил всего лишь два дня назад. Мать писала, что у них все в порядке. И вдруг — смертный случай! Наверно, умер кто-нибудь из дальних родственников. А может быть, командир роты сказал ему не все? А, черт бы его побрал! Какой теперь смысл ломать себе голову. Если ничего не случится, часов через пятнадцать он будет в Кёльне, и все выяснится.

Броземан быстро уложил свои вещи, получил в канцелярии роты необходимые документы и поехал на ближайший полевой аэродром.

Обер-фельдфебелю явно повезло: «юнкерс» летел до Варшавы. В Варшаве Курт пересел в другой самолет и вскоре был уже в Берлине.

Во время полета его мучила неизвестность: что ожидает его дома? До того дня, когда он за опоздание из отпуска получил шесть недель строгого ареста, Броземан смотрел на мир сквозь розовые очки. Несмотря на свои

двадцать три года, с серьезными трудностями в жизни он еще не встречался. Сильного и ловкого автомеханика из Кёльна любили и уважали в части.

Наказание, которое Броземан считал незаслуженным, глубоко потрясло его и наложило свой отпечаток на его поведение. На лице появилась складка, придававшая ему выражение задумчивости; Курт как-то сразу присмирел, стал замкнутым и неразговорчивым. Он и сам чувствовал это, но ничего не мог поделать. И это злило его.

А тут еще эта телеграмма! Она взволновала и расстроила его.

На следующий день, поздно вечером, Курт прибыл поездом в Кёльн. Как изменился город за последние три месяца! Казалось, даже люди стали совсем другими. Повсюду страшные следы воздушных бомбардировок. Почти бегом он бросился к потонувшему в садах небольшому поселку на окраине города.

Чтобы сократить путь, Броземан пошел по хорошо знакомой ему тропинке через сад. Вдруг он остановился и застыл на месте. Сердце учащенно забилось. Дома, к которому он так спешил, не было. Казалось, он бесследно исчез с лица земли. Среди фруктовых деревьев и цветов возвышалась груда развалин. Броземан подумал, что в темноте он сбился с пути и пошел не по той дороге. Но нет, рядом стоял дом соседей с кирпичной крышей, а на другой стороне — две липы. Нет, он не заблудился. Молодой человек прислонился к изгороди, чтобы не упасть. Лицо исказилось от внутренней боли. Этого было слишком много,

слишком много для того, чтобы могли выдержать нервы. Рассеянно он обошел вокруг развалин. Наконец сел на кучу кирпича, закрыл лицо руками и по-детски заплакал, не стесняясь слез. Так он сидел долго, беспомощный и неспособный думать.

Солнце уже давно взошло, и свежий утренний ветерок сдул пелену тумана с раскинувшихся вокруг садов. Но Броземан ничего не замечал. Не заметил он и того, как к нему подошел какой-то мужчина и что-то тихо сказал. Он не слышал его. И лишь когда старик положил ему на плечо руку, он вздрогнул и испуганно вскочил. Долго всматривался в лицо человека, пока не узнал в нем старого Петцольда, своего соседа. Кивнув в сторону развалин, Броземан спросил:

— Оба? — Его всегда звонкий голос прозвучал глухо.

— Да, Курт, оба,— ответил Петцольд и сочувственно пожал руку Броземану.— Англичане бомбили. Одна тяжелая бомба, видимо, случайно попала прямо в дом. Пожарникам удалось их раскопать, но оба были уже мертвые. Это ужасно! Сегодня в одиннадцать похороны.

— Как в одиннадцать?

— Сегодня уже пятый день пошел... Надо хоронить.

Броземан посмотрел на часы. Они стояли. Он вопросительно взглянул на Петцольда. Тот достал свои карманные часы и молча показал их Броземану.

— Еще целых четыре часа?

Старик утвердительно кивнул.

Выпив у Петцольда чашку кофе, Броземан снова пришел к развалинам родного дома. Долго он стоял там неподвижно и смотрел отсутствующим взглядом на бесформенную кучу кирпича. Подобная картина не казалась ему необычной — к этому он привык на фронте,— но весь ужас разрушения он понял только сейчас. Во рту горький, неприятный привкус. Он повернулся и пошел в военную комендатуру. Курт был убежден, что, учитывая его тяжелые семейные обстоятельства, ему продлят отпуск по меньшей мере на двое суток.

В комендатуре Броземана принял толстый майор. Обер-фельдфебель изложил ему свою просьбу: так как из всей семьи в живых остался только он, ему хотелось бы привести в порядок кое-какие дела, и поэтому он просит по возможности продлить отпуск.

Толстый офицер молча посмотрел на знаки отличия обер-фельдфебеля, не спеша полистал его документы и, изобразив на своем лице кислую мину, наконец проговорил:

— Я прекрасно понимаю ваше тяжелое положение, но, к сожалению, ничем помочь не могу. Вам и так, несмотря на запрещение на год очередного отпуска, командир дивизии великодушно предоставил отпуск по особым обстоятельствам на три дня.

— Видите ли, в моем положении...

Но майор, грубо оборвав его, не дал договорить:

— Что это будет за армия, если мы, с одной стороны, будем наказывать, а с другой —

щедро разбрасываться отпусками по особым обстоятельствам?!

— Но вы войдите в мое положение, господин майор. Можно же сделать исключение. Вы же знаете, что в таких случаях бывает очень много дел, которые необходимо привести в порядок.

— Об этом за вас позаботятся местные власти,— недовольно бросил толстый майор и начал сосредоточенно раскуривать сигару.

С трудом подавив гнев, Броземан попросил продлить отпуск хотя бы на одни сутки.

Поднявшись с кожаного кресла, майор короткими шажками подошел к окну. Броземан уже надеялся, что толстяк сейчас передумает и все будет улажено. Но тот, повернувшись к окну спиной, резко и сухо ответил:

— Нет, ничего не выйдет. Зачем нам лишние хлопоты?

Этого Броземан не ожидал. Слова майора подняли в нем волну злобы и ожесточения. «Эта тыловая крыса боится малейшей ответственности. Так бессердечно относиться к фронтовику!» С подобной несправедливостью Броземан еще никогда не встречался. Чтобы не нагрубить, он отдал майору честь и быстрыми шагами вышел из кабинета.

На улице, крепко сжав кулаки, он проговорил про себя: «С каким удовольствием я взорвал бы сейчас всю эту лавочку!»

Переживания последних дней, боль горькой утраты, гнев из-за отказа в продлении отпуска — все это заставило Броземана еще больше возненавидеть тыловых солдафонов. «Подержать бы всех этих негодяев на передо-

вой, тогда бы они относились к фронтовикам по-другому»,— с негодованием думал Броземан.

У входа на кладбище собрались коллеги отца по работе, соседи. Каждый выражал Курту соболезнование, пожимал руку, говорил слова утешения. Взбудораженный и обозленный, он принимал все это как-то рассеянно.

Подъехала легковая машина; из нее вышел сухощавый капитан.

— Господин капитан из военного округа,— шепотом сказал, отвечая на вопросительный взгляд Броземана, кладбищенский сторож.— Он частенько здесь бывает и всегда произносит надгробные речи.

Медленными шагами небольшая группа людей двинулась за открытыми гробами. После пастора, который отпевал усопших, вперед вышел капитан. Утихшая было ярость снова охватила Броземана: «Продлить на одни сутки отпуск они не могут, а вот утешителя прислали!..» Офицер извинился и выразил сожаление, что не знал покойников при жизни, но тем не менее он, как представитель германского вермахта, пришел сюда, чтобы отдать последние почести погибшим и подбодрить их храброго сына.

— Мы оба носим военную форму и делаем общее дело, выполняем свой долг! — высокопарно выкрикивал офицер.

«Но права-то у нас разные»,— пронеслось в голове у Броземана.

— Да, я понимаю ваши переживания, дорогой обер-фельдфебель. Но скорбь не должна проходить безрезультатно. Она должна усилить вашу ненависть к большевикам и их союзникам — англичанам, на совести которых смерть ваших родителей. Мы должны отомстить за них! Да, да, дорогой друг! Мы должны мстить беспощадно, мстить за смерть вашей матери, за смерть вашего отца, за смерть этих истинных немцев, которые честно выполняли свой долг перед фюрером и империей!

Курт не отрывал злых глаз от офицера. Слова капитана казались ему издевательством и насмешкой. От возмущения лицо Курта покрылось красными пятнами. А когда представитель вермахта умолк на несколько секунд, чтобы вдохнуть в себя воздух и продолжить свою речь, у Броземана все поплыло перед глазами. Разгоряченный, он быстро подошел к офицеру, схватил его за грудь и прокричал ему прямо в лицо:

— Прекратите! Сейчас же прекратите вашу глупую болтовню!

Вокруг воцарилась мертвая тишина. Все испуганно смотрели на возмущенного Броземана и офицера, от неожиданности вытаращившего глаза и растерянно глотающего воздух, как вытащенная из воды рыба. Казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар.

Броземан посмотрел на искаженное страхом воронье лицо офицера и с силой оттолкнул его от себя:

— Напрасно стараетесь внушить мне ненависть. Хватит, об этом уже достаточно позабо-

тились ваш майор и некоторые другие! Довольно!

Офицер медленно приходил в себя. Он поправил китель. Кадык нервно ходил под кожей, маленькие глазки лихорадочно блестели. Наклонив голову вперед и заткнув руки за пояс, он заорал:

— Вы с ума сошли! Могу вас уверить, это вам обойдется дорого. Мы еще поговорим. Но в другом месте!

В бессильной злобе он говорил еще что-то, но, не закончив, резко повернулся и пошел прочь.

Броземан зло смотрел ему вслед.

— Убирайся отсюда! — хрипло крикнул он.

Собравшиеся медленно приходили в себя. Они испуганно смотрели друг на друга и робко перешептывались. И вдруг возле гробов все сразу засуетились, захлопотали.

Старый Петцольд протиснулся к Броземану.

— Курт, тебе нельзя терять ни минуты...— прошептал старик.

Обер-фельдфебель кивнул, и не успел старик закончить свою фразу, как он уже исчез за изгородью соседней могилы. Низко пригнувшись, он побежал в сторону каменной стены, отделявшей кладбище от садов поселка.

Перебравшись через стену и пробежав несколько десятков метров по садовой дорожке, он свернул направо, перелез через невысокий забор, остановился, прислушался и побежал по грядкам дальше. Опять какой-то забор, за ним ручей. Преодолев эти преграды, Курт пошел быстрым шагом. Постепенно он начал понимать, в какое положение поставил себя этим

случаем с капитаном. Он чувствовал, что на этот раз ему не удастся отделаться несколькими неделями гауптвахты. Броземан остановился. Если не гауптвахта, тогда военный трибунал! По его спине пробежал озноб. Военный трибунал! «Может быть, они войдут в мое положение и поймут, почему я так вспылил?» — успокаивал он себя.

Курт невольно вспомнил товарищей, которые попадали под военный трибунал за менее значительные проступки. Нет, в трибунале вряд ли поймут его. В этом он убедился еще несколько часов назад, когда просил в комендатуре продлить отпуск. Волнение Курта росло. Он жадно курил одну сигарету за другой, но даже это не успокаивало. Если бы здесь был старый Петцольд... Уж он-то бы помог ему! У него наверняка есть знакомые, которые смогли бы спрятать беглеца...

При мысли, что он беглец, Броземан вздрогнул. «Значит, я дезертир? — подумал он.— Выходит, так. А ведь я принимал присягу. Ну а что делать, если так получилось? Где выход? Куда податься? На фронт! Там будет легче. В крайнем случае можно перебежать на ту сторону. А здесь, в Германии, где на каждом шагу можно попасть в лапы полевой жандармерии... Здесь оставаться нельзя: пропадешь».

Начало смеркаться, когда Броземан вышел к железнодорожному полотну. На разъезде, за будкой железнодорожника, ему удалось вскочить в проходивший мимо товарный

поезд и тем самым уйти от преследователей, которые с собаками-ищейками уже прочесывали окрестности города.

Пока поезд мчался в ночной темноте, Броземан лихорадочно задавал себе вопросы: «Почему все так случилось? Чем объяснить? В чем причина? Только ли потому, что я потерял родителей? Нет, не только». И чем дольше он искал ответа на эти вопросы, тем яснее понимал, что все началось еще с гибели брата. Уже тогда где-то в глубине сознания зародилась ненависть к войне. И только сейчас, когда на него свалилось новое несчастье, все в нем возмутилось и вспыхнуло.

«Да, я действительно дезертир,— думал Курт.— Я уже сжег за собой все мосты. Назад пути нет». И в этот самый момент в голову пришел новый вопрос: «Что же делать?» Сомнений нет, сейчас за ним уже гонится целая свора жандармов — это он знал по опыту других. Единственный человек, который мог бы ему сейчас помочь, это Петцольд.

Броземан твердо решил: вернуться в Кёльн, найти там Петцольда и как-то выпутаться из создавшегося положения. Он-то знает, что надо делать.

Поезд прибыл в Гиссен. По железной дороге отсюда на Кёльн можно попасть тремя путями: по главной магистрали — через Виген и Зигбург, через Кобленц и Бонн, или же в объезд через Вестервальд. Последний путь, пожалуй, самый безопасный.

На вокзале Курт сразу же заметил несколько постов оцепления. К счастью, было еще темно и его не заметили. Вскоре ему удалось

узнать, что стоящий на соседнем пути товарный состав отходит на Вецлар.

Когда поезд уже тронулся, Курт, недолго думая, ловко вскочил на подножку одного из вагонов. Состав медленно набирал скорость. Однако его уже заметили. Поднялась суматоха, в нескольких местах раздались выстрелы.

Поезд сразу же остановился. Беглеца быстро нашли и арестовали.

Начались допросы.

Вскоре по требованию военного трибунала 4-й армии Броземана переправили в его дивизию, которая все еще находилась на Восточном фронте. Было принято решение — устроить показательный процесс. «Этот случай должен послужить устрашающим примером»,— говорилось в письме председателя военного трибунала.

Почти две недели Броземана везли на Восточный фронт. Зато так называемое судебное разбирательство проходило быстро. На суд было приказано прислать представителей из всех частей дивизии. Когда Броземан под охраной двух жандармов вошел в зал суда и осмотрелся, он узнал много знакомых. Некоторые из них подбадривающе улыбались ему, другие, напротив, смотрели на него глазами, полными ненависти. Но у него не было времени долго рассматривать лица своих бывших товарищей.

Зачитали обвинительное заключение: он обвинялся в подрыве военной мощи Германской империи, дезертирстве и оказании вооружен-

ного сопротивления представителям военных властей.

Затем начался перекрестный допрос. Офицеры — члены суда — буквально засыпали подсудимого вопросами, шантажируя и запугивая его. Председатель суда, полистав дело, спросил Броземана:

— Была ли у вас самовольная отлучка несколько месяцев назад?

— Нет! Я всего лишь немного опоздал из отпуска.

— Не валяйте дурака! Наглец! — визгливо крикнул один из членов суда.

— Я говорю только то, что было,— ответил Броземан.

— Тогда расскажите суду, как это было...

Подсудимый задумался. В памяти четко всплыли эпизоды битвы под Москвой. Вспомнились ужасы боев, хаос отступающих немецких войск, лютые русские морозы. Русские не только остановили немецкие войска, но и перешли в контрнаступление. И в это время — долгожданный отпуск на родину по семейным обстоятельствам! В родной Кёльн. А дома?.. Дома ждал его удар...

— Вы что, говорить разучились? — закричал на задумавшегося и вдруг замолчавшего подсудимого председатель суда.

— Нет,— в раздумье ответил Броземан,— сейчас нет. А вот тогда, после битвы под Москвой... В марте я получил краткосрочный отпуск и был бесконечно рад побывать на родине. Но радость моя длилась недолго. В Кёльне я узнал, что мой брат погиб. Эта ужасная война...

— Прекратить, сукин сын, красную пропаганду!

«Ну вот, опять начинается. Этим я ничего не добьюсь»,— подумал Броземан и продолжал:

— Гибель брата так взволновала меня, что я не мог отделаться от мучительной мысли...

— Может быть, вы нам расскажете о тех мыслях, которые вас так взволновали? — прервал его член суда.

Броземан вопросительно посмотрел на своего защитника. Тот ободряюще кивнул. Не совсем понимая суть провокационного вопроса, Броземан откровенно ответил:

— Глядя на убитых горем родителей, я задал себе вопрос: что такое война? Я думал, думал, но так и не смог найти убедительного объяснения.

— Ну а дальше? — Сверлящие глаза председателя суда внимательно изучали Броземана.

— Дальше я пытался найти ответ на вопрос: почему нам не удалось взять Москву? Ведь, как нам говорил в то время наш генерал, русские были уже на краю гибели.

Председатель сделал знак членам суда, чтобы они сохраняли спокойствие, и, обращаясь к подсудимому, продолжал:

— Хорошо, хорошо. Продолжайте рассказывать, почему вы опоздали из отпуска.

— Слушаюсь!.. У меня голова пошла кругом. Я хотел избавиться от гнетущих мыслей, как-то отвлечься, успокоиться. Я уложил свои вещи и выехал из Кёльна еще до окончания отпуска.

— Куда же вы поехали?

— В часть. В Берлине сделал остановку. Я хотел разыскать свою подругу детства, которая живет недалеко от города. Хотелось хотя бы на несколько часов забыть обо всем на свете и поделиться своими переживаниями. Вот я и опоздал из отпуска на трое суток.

От гнева председатель весь залился краской и подпрыгнул на месте.

— Вы — величайший негодяй, какого я когда-либо видел. Забыв о своем долге перед фюрером и родиной, вы уклонились от возвращения на фронт и предавались личным удовольствиям. Вы... Вы трус!..

Эти слова привели Броземана в ярость:

— А вы сами-то нюхали когда-нибудь порох? Понюхайте сначала сами, тогда и судите о моем поведении на фронте!

Председатель побледнел:

— Вы еще смеете оскорблять суд?

Его голос стал совсем хриплым. Члены суда угрожающе уставились на Броземана.

— Вы дорого поплатитесь за это,— продолжал председатель. Презрительно фыркнув, все еще хриплым голосом он продолжал: — Расскажите, чем кончилось это дело?

Броземан взглянул на своего командира дивизии, сидевшего в первом ряду, и на него сразу нахлынули неприятные воспоминания.

Тогда, в марте, пробыв лишних три дня в Берлине, он смотрел на отпускной билет и думал, стоит ли отмечаться в комендатуре у этих тыловых крыс, или ехать прямо на фронт. И он решил пробираться в свой полк.

В часть Броземан прибыл через несколько дней. Знакомый унтер-офицер сообщил ему:

— Знаешь, Курт, какая тут кутерьма из-за тебя поднялась! Старик весь полк с ума свел. Представляешь? Дезертир! Да еще кто! Неоднократно награжденный унтер-офицер! Впрочем, командир дивизии уже подписал приказ в отношении тебя. Немедленно доложи ему о своем возвращении. Ну всего тебе хорошего! Ни пуха ни пера!

Сначала Броземану устроил грандиозный разнос командир полка, за ним — командир дивизии, который никогда не занимался до этого делами унтер-офицеров.

— А я еще считал вас своим лучшим солдатом! Вы опозорили меня на весь фронт! Вы что, совсем спятили с ума? — бушевал генерал.

Но разнос длился недолго. Наконец генерал утих и уже почти спокойным голосом закончил:

— Можете считать, что вам сильно повезло. Учитывая вашу храбрость, а также то, что ваш брат погиб смертью героя за фюрера, народ и отечество, я решил не отдавать вас под суд военного трибунала. На этот раз вы отделаетесь очень мягким наказанием. Я отдал приказ: шесть недель строгого ареста и лишение очередного отпуска! Ну а теперь благодарите бога, что я отнесся к вам по-отечески. Идите!

Обо всем этом Броземан рассказал суду.

— Я еще тогда должен был отдать вас под суд! — выкрикнул с места командир дивизии.

Председатель суда обратился к обвиняемому:

— А теперь расскажите о мотивах вашего преступления в Кёльне. Чем вы объясняете ваши действия?

Броземан пожал плечами:

— Просто у меня сдали нервы.

По лицам офицеров промелькнула усмешка. Один из членов суда спросил:

— Ну а как с рассудком? Он тоже сдал?

— Нет. По-моему, черепок у меня работал неплохо,— так же иронически ответил Броземан.

Солдаты в зале засмеялись. Задавший вопрос офицер затрясся от ярости. Председатель суда закрыл лежащее перед ним дело и, покосившись в сторону Броземана, проговорил:

— Мне кажется, этого достаточно. Все ясно.

Дальше судебное заседание пошло быстрее. Казалось, случай в Кёльне и последовавший затем побег обвиняемого вдруг перестали интересовать судей и останавливаться на этом они уже не находили нужным. Председатель суда сделал небольшое заключение, и суд удалился на совещание, которое длилось недолго. Затем был оглашен приговор: «Учитывая боевые заслуги подсудимого, а также гибель родителей и брата, приговорить Курта Броземана к восемнадцати годам тюремного заключения и пожизненному лишению всех прав».

По просьбе командира дивизии осужденному в порядке исключения была предостав-

лена возможность коротко выступить перед своими однополчанами со словами раскаяния.

Броземан сначала хотел отказаться, но, когда увидел вопрошающие взгляды некоторых своих товарищей, сидящих в зале, сразу подтянулся, на лице появилось выражение спокойствия и гордого превосходства. Он начал:

— Друзья! Многие из вас хорошо знают меня. Никто не может упрекнуть меня в том, что я трус. Я не раз рисковал своей жизнью. Я благодарен вам за то...

Председатель суда, ударив кулаком по столу, заорал:

— Что вы болтаете, негодяй!

Броземан спокойно извинился и продолжал:

— Я хочу сказать, что искренне сожалею о том, что принимал участие в этой проклятой войне. За эти последние недели я научился ненавидеть ее...

Последние слова потонули в поднявшемся шуме. Один из офицеров — членов суда — подскочил к Броземану и со всей силой ударил его по лицу. Председатель суда захлопнул папку с делом Броземана и объявил судебное заседание закрытым.

2

Через несколько дней после суда Броземана перевели в тюрьму где-то под Киевом. Окруженное топким болотом неуклюжее строение выглядело неприглядно и угрожающе. Разные заключенные сидели в ней. Когда-то в ее холодные и сырые застенки правители царской России бросали «политически небла-

гонадежных». А теперь немецкие фашисты продолжали эту традицию. Один вид тюремного двора наводил ужас на заключенных. У высокой стены с западной стороны теснились различные хозяйственные постройки и мастерские. Слева в дальнем углу виднелись две виселицы. Стена рядом с виселицами на уровне груди вся испещрена следами пуль. На северной стороне из всех построек выделялся окруженный колючей проволокой корпус с камерами-одиночками.

Конвоир привел Броземана в караульное помещение и передал его унтер-офицеру. Унтер-офицер отвел заключенного в камеру № 32.

Пока тюремщик с шумом задвигал засов и запирал ржавый замок, он оглядел свою новую обитель. Это была холодная, сырая камера-одиночка. «Один... Одиночка...— мелькнуло в голове. Его знобило.— Сколько придется здесь сидеть одному? Что же, делать нечего... Спасибо председателю суда».

Курт не знал, что в списке арестованных против его фамилии стоял большой крест, поставленный красным карандашом, что на принятом здесь языке означало: «опасный преступник». В колонке «Примечания» начальник тюрьмы прочитал: «В конце ноября 1942 года перевести в крепость Торгау. Необходима соответствующая подготовка».

Снова заскрипел замок, с шумом отодвинулся засов; дверь приоткрылась, и в нее просунулась ухмыляющаяся физиономия тюремного унтер-офицера.

— К сожалению, ничего лучшего предложить не можем,— проговорил он с издевкой.—

Желаю всех благ. Не забудьте ваше новое имя: «заключенный номер шестьдесят четыре тысячи двести семьдесят один»!

Броземан бросил на него полный ненависти взгляд, но унтер-офицер уже захлопнул дверь.

Курт принялся изучать свою камеру. Ее нельзя назвать большой: два метра в ширину, три — в длину. Кроме деревянных нар, которые на день откидывались и запирались на замок, в камере стояли табуретка и деревянное ведро — вот и вся обстановка. Курт прислонился к двери и закрыл глаза.

Восемнадцать лет за этими каменными стенами и железными решетками?! Нет, лучше умереть, чем здесь сидеть. «Надо бежать»,— пришла в голову мысль. Но как? На первый взгляд казалось, что это просто невозможно. Броземан не пал духом. Он решил сначала досконально изучить камеру. Во-первых, окно. На окне толстая железная решетка. Кроме того, снаружи оно закрыто железным козырьком. Вылезти из камеры через окно без соответствующего инструмента почти невозможно. Бежать во время прогулки, которая продолжается минут двадцать — тридцать,— безумие: выводные и часовые на вышках следят за каждым движением заключенных.

Много дней подряд Броземан тщательно изучал свою камеру. Может быть, через стену? Но как пробить сложенную из тесаного камня стену толщиной почти в восемьдесят сантиметров? Для этого нужны нечеловеческие усилия и хороший инструмент. Курт отогнал от себя эту мысль, но вскоре снова вернулся к ней — другого выхода он не находил.

Мысль пробить стену занимала его все больше и больше. Он сотни раз обшарил каждый сантиметр камеры, стараясь найти какой-нибудь металлический предмет. Но безуспешно. Однажды он обратил внимание на скреплявшую доски нар полоску железа сантиметров в тридцать длиной и в полсантиметра толщиной. Правда, ее еще нужно было оторвать от нар. И хотя это было не ахти что, но все же можно было начать работу.

Из окна камеры Курт видел лишь маленькую полоску серого осеннего неба. А как ему хотелось заглянуть по ту сторону стены, узнать, что же там! До сих пор ему удалось установить, что окно камеры выходит на северную сторону. Очень важно было узнать, какая земля под окном, чем окружена тюрьма — каменной стеной или простым забором.

Однажды Курт как бы невзначай спросил уборщика:

— Послушай, приятель, в этом апартаменте часто сильно воняет. Что здесь под окном, уборная?

— Где? Здесь? Нет, это с болота гнилью тянет.

— Час от часу не легче. При случае в нем можно еще и утонуть.

— Не волнуйся, такого случая тебе не представится. От стены до болота несколько метров. Кроме того, о твоей безопасности неплохо заботятся.

В другой раз Броземан спросил тюремщика:

— Господин обер-директор! Здесь, в камере, часто бывает просто жутко. На дворе все

время кто-то так гремит, что страшно становится.

— Ты что, с ума спятил? Уж не веришь ли ты, случаем, в привидения? Никто там не гремит, разве только дежурный посты проверяет.

— Да, но ведь это днем,— возразил Броземан.— А я слышу шум по ночам.

— Ну и болван же ты! Там ходит твоя личная охрана. Но вряд ли ты слышишь часовых. Скорее всего это все же призраки.

— Я по-настоящему боюсь. В конце концов, они меня утащат.

— Успокойся,— ответил тюремщик.— С этой стороны корпуса тебя никто никогда не утащит. Болото само об этом позаботится. Здесь у нас никто еще не пропадал и никого еще не утаскивали.

Теперь Курт уже представлял себе картину за тюремной стеной. Он полагал, что от окна до земли не более шести — семи метров. Между стеной и болотом проходит узкая полоска, дороги через болото нет. Слева должна быть сторожевая вышка, справа, на углу каменной стены,— еще одна. Между ними на ночь выставляется подвижной пост.

Узнав это, заключенный камеры № 32 приступил к осуществлению своего дерзкого и на первый взгляд несбыточного замысла. Сначала ему все казалось неосуществимым. Связь каменной кладки была очень твердой. Но это только сначала. Через два — три сантиметра застывший раствор стал более мягким. И все же дело продвигалось мучительно медленно. Маленькая полоска железа для такой работы вряд ли была подходящим инструментом, и

поэтому в первую ночь Курту удалось выцарапать не больше горстки каменной пыли.

Через две недели изнурительной ночной работы Броземан сильно похудел, его щеки ввалились. Однажды, когда он возвращался с прогулки, ему удалось незаметно стащить у тюремного мастера отвертку. С отверткой работа пошла чуть-чуть быстрее. Через несколько дней работа продвинулась так далеко, что он уже извлек первый большой камень.

С наступлением ночи для Курта начинались часы напряженной работы. Камень за камнем вынимал он из стены, а затем, задолго до наступления рассвета, вкладывал их обратно и замазывал щели хлебом, смешанным с цементной пылью. На это у него уходил почти весь паек хлеба. Хорошо еще, что внутренняя сторона стены, выложенная много десятилетий назад, не была ни оштукатурена, ни побелена, а то его работа была бы сразу же замечена.

Тяжелая работа изматывала и нервы. Нужно было работать бесшумно, обращая внимание на каждый шорох возле камеры: часовые часто подходили к двери, прислушивались и, заподозрив что-то, неожиданно заглядывали в «волчок».

Место для пролома в стене Курт выбрал в самом углу, за нарами. Вид виселицы на тюремном дворе заставлял его работать с ожесточением.

Наступил ноябрь. Каждое утро Курт, довольный проделанной работой, в изнеможении падал на нары. В прошлую ночь ему удалось вытащить три камня. Три камня! Эти три кам-

ния имели для него несравненно большее значение, чем мощное наступление вермахта от Восточной Пруссии до Подмосковья, в котором он некогда принимал участие.

Курт был доволен. Упорная, обещающая успех работа вселила в него уверенность в своих силах. Его жизнь приобрела новый смысл. И все же он сильно волновался. Что ждет его на свободе? Что будет, если побег удастся? Во имя чего он будет жить?

Ответа на эти вопросы он не нашел. До сих пор он только выполнял приказы начальства, даже проявлял при этом рвение и старание, чтобы начальники были им довольны. В полку он слыл смелым солдатом, сорви-головой. А теперь он должен сам решить, как и куда идти дальше. Одно было ясно: надо окончательно порвать с гитлеровцами, с их грязной, бессмысленной войной.

— Приготовиться на прогулку! — прокричал тюремщик.

Сырая ноябрьская погода и грязный тюремный двор не доставляли заключенным радости даже во время прогулок.

Вернувшись с прогулки в камеру, Курт лег на нары, закрыл глаза и попытался заснуть. Но мысли не давали ему покоя. Они переносили его в прошлое.

Он вспомнил Кёльн — милый сердцу, прекрасный город на Рейне. На окраине города, в маленьком домике, утопающем в цветах и фруктовых деревьях, прошли детские и юношеские годы Курта. «Броземан, ты живешь, как граф», — часто шутили над отцом Курта товарищи по работе. Но нередко за такими

словами скрывались и едкие насмешки. Этот домик и фруктовый сад сыграли не последнюю роль в том, что старый Броземан все больше и больше отходил от участия в работе местной организации социал-демократической партии. Старик считал, что там могут обойтись и без него. Он хотел пожить на старости лет спокойно, не обращая внимания на упреки товарищей, которые стали называть его обывателем и мещанином.

В этой атмосфере рос и воспитывался Курт. Окончив школу, он поступил в профессиональное училище: хотел стать автомехаником. Потом — трудовая повинность.

Курт вспомнил веселые прогулки по Рейну, свою первую юношескую любовь. Особенно запомнился день 1 сентября 1939 года, день начала войны. Старший брат Гейнц мечтал жениться. Но все его планы лопнули как мыльный пузырь: уже в первых числах сентября его призвали в армию. А в конце октября очередь дошла и до Курта.

Началась солдатская жизнь. В одном из учебных лагерей, расположенном в Люнебургской пустоши, Курт проходил начальную подготовку новобранца. Здесь, в этом лагере, «формировали людей с твердым характером». «Желторотые птенцы» постигали значение слов «дух и стойкость германского солдата», испытывая на собственной шкуре, что такое служба в вермахте. Старый фельдфебель то и дело орал то на одного, то на другого:

— Ну ты, размазня! Можешь мне поверить, что это время ты запомнишь навсегда. Даже в аду с удовольствием будешь вспоминать об

этом прекрасном времени. Ха-ха... Понятно? Эх ты, сосиска!

В то время новобранец Броземан еще не совсем понимал фельдфебеля, но, стиснув зубы, все переносил стойко: он хотел стать настоящим солдатом. Его судьба будет другой, не такой, как у отца, который вернулся в 1918 году домой побежденным. Пусть отец, так много рассказывавший о прошлой войне, увидит, что его сыновья не какие-нибудь шляпы, а настоящие солдаты.

На фронте Броземан всегда старался быть впереди. Немецкая армия одерживала одну молниеносную победу за другой, все шло как по маслу. И Курт думал, что и он должен внести свою лепту в победу, чтобы после войны он мог сказать: «На полях сражений я не посрамил Германию».

В первый раз Курт приехал домой в отпуск простым солдатом, затем ефрейтором и, наконец, унтер-офицером с Железным крестом на груди, а уже через несколько месяцев его произвели в обер-фельдфебели. Каждый раз, когда приезжал Курт, в домике на окраине Кёльна был праздник. Гордый за сына, отец водил Курта по своим знакомым и хвастался:

— Вот, вот это солдаты Германии!

Однажды старый Петцольд заметил старику:

— Послушай, старина. Не надо забывать: чем выше взлетишь, тем больнее падать!

— А, брось! — вскипел старик Броземан.— Ты ничего не смыслишь в теперешней обстановке. Война идет полным ходом и на этот раз окончится победой.

— Вот только вопрос: чьей?

— Ну, это уж ты чересчур, Рихард! — горячился Броземан.— Ты говоришь так, как говорил несколько лет назад. Теперь не то время. Сейчас даже ребенок видит, что никаких изменений в нашей системе не будет и что эту войну выиграет Германия.

— Как знать,— ответил Петцольд.— Я тебе вот что скажу: война против Советской России только началась, и ты запомни — в этой войне виноград висит слишком высоко для Гитлера, слишком высоко!

— А ну тебя...— раздраженно махнул рукой старый Броземан.

Однажды Петцольд дал Курту почитать листовку, распространяемую местной группой движения Сопротивления. Курт прочитал, но вникать в ее содержание не стал. Когда Курт заговорил об этом с отцом, тот сердито сказал:

— Не связывайся с этим политическим барахлом. До хорошего это не доведет. Чем за это можно поплатиться сегодня, ты видишь сам. Они,— старик имел в виду нацистов,— стерли коммунистов в порошок. И вообще, если они уж чего захотят...

После отпуска в сентябре 1941 года Курт попал в новую обстановку. Когда он прибыл в часть, на всем центральном участке Восточного фронта полным ходом шла подготовка к наступлению на Москву. Оно началось в конце сентября. Бои с каждым днем станови-

лись все более ожесточенными. Солдаты, особенно те, что находились на передовой, не могли не почувствовать возросшей силы сопротивления Красной Армии. В начале декабря отдельным немецким танкам удалось прорваться совсем близко к Москве, но о дальнейшем продвижении нечего было и думать.

Хотя командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок и объявил в своем приказе, что оборона противника находится на грани кризиса, немецкие солдаты чувствовали, что над их головами скоро пронесется буря. А уже через четыре дня это предчувствие оправдалось — советские войска перешли в контрнаступление. Они наносили один сокрушительный удар за другим. Более ста тысяч солдат и офицеров навсегда остались лежать под Москвой, отдав жизнь «за фюрера, народ и отечество».

Кроме ужаса, Броземан ничего вокруг не видел. Здесь, под Москвой, он впервые испытал моральное потрясение. Но тогда он еще не понимал, что произошло. Всего лишь несколько недель назад офицеры хвастливо кричали о скором победоносном окончании Восточной кампании. Блестящий блицкриг!

И вдруг Восточная кампания приняла совсем неожиданное развитие, что-то застопорилось. Полк, в котором служил Курт, потерял половину своего личного состава, да и в других частях положение было не лучше. Нормальная до сих пор жизнь солдат была дезорганизована в течение нескольких недель: снабжение прекратилось, раненые не всегда получали даже самую необходимую помощь.

Наступило рождество 1941 года. Для Курта это был самый мрачный праздник за всю войну. В эти дни никто ему не сказал ни одного приветливого, дружеского слова. Все так резко переменилось. Советские соединения продолжали планомерно теснить немецкие войска.

Так проходили недели, одна страшнее другой. Советское контрнаступление переросло в грандиозное наступление по всему Восточному фронту. В те дни Курт не раз вспоминал слова старого Петцольда: «В этой войне виноград висит слишком высоко для Гитлера».

В марте 1942 года Курту Броземану было присвоено звание обер-фельдфебеля. Вскоре он получил краткосрочный отпуск домой. Родители едва узнали своего сына — так он изменился за несколько месяцев боев под Москвой. Он выглядел значительно старше своих лет, руки тряслись, глаза утратили прежний веселый юношеский блеск, в движениях чувствовалась какая-то усталость.

Отец и мать как-то странно смотрели на него, и Курт почувствовал, что что-то случилось. Он спросил у матери: «Что произошло?» Мать, закрыв лицо руками, горько заплакала. Отец несколько раз тяжело вздохнул и сдавленным голосом проговорил:

— Гейнц погиб.

Ошеломленный, Курт смотрел на родителей и не мог произнести ни слова.

Так в маленький домик на окраине Кёльна вошло первое горе. На этот раз семейного праздника по поводу приезда Курта не было. Отец говорил очень мало, а если и начинал о

чем-нибудь разговор, то связывал его с гибелью старшего сына. Для семьи Броземанов мир рухнул.

Волнение Курта усиливалось. Он поднялся с нар и начал быстро ходить по тесной камере взад и вперед.

...Во время этого отпуска он впервые почувствовал, что такое война. Уже тогда он пытался размышлять над целью войны, но боялся этих мыслей и гнал их прочь.

В коридоре кто-то шумно топал ногами, кого-то волокли по цементному полу. Курт остановился, прислушался. Куда-то увели соседа. Страх сковал мускулы. Может быть, и его скоро вот так же возьмут из камеры и поведут неизвестно куда. По тюрьме уже два дня ходят слухи, что в ближайшее время в Германию отправляют эшелон с заключенными. В ближайшие дни? А может быть, это уже началось?

«Без паники!» — успокаивал себя Курт Броземан. Он лег спать.

С этого дня он стал работать с еще большим ожесточением, чтобы как можно быстрее расширить пролом в стене. Мучительный вопрос: «Успею ли? Хватит ли у меня сил?» — заставлял его торопиться. «За последние недели я много сделал,— утешал он себя.— Вынуть последний большой камень — и, пожалуй, все будет готово».

Он не ошибся. Через две ночи для Броземана наступил самый счастливый момент, который он пережил в этой тюрьме. Курт чуть

было не закричал от радости. Ему удалось на несколько миллиметров сдвинуть последний камень! Его руки дрожали от волнения, и он вынужден был остановиться. То, что вначале казалось несбыточным, стало наконец действительностью. Он несколько раз наклонялся к отверстию, чтобы еще и еще раз убедиться в том, что камень можно пошевелить. Но делал это он очень осторожно, чтобы не столкнуть его вниз.

«Теперь,— рассуждал Курт, ощупывая свои исцарапанные руки,— уже есть выход из этой дыры». Но как быть дальше? Что ждет его по ту сторону тюремной стены? Прежде всего нужно тщательно продумать и взвесить каждый шаг. Малейшая неосторожность могла кончиться смертью.

Курт решил не торопиться и ничего не предпринимать очертя голову. Сейчас он должен быть более терпеливым и сдержанным, чем несколько недель назад. Главное — хладнокровие. Прежде чем что-либо предпринять, надо успокоиться и детально продумать каждый шаг.

3

В полдень 22 ноября 1942 года подул сильный ветер, пошел мокрый снег, к вечеру его сменил дождь, ветер еще более усилился. Курт был совершенно спокоен; даже самый острый глаз не смог бы заметить в его поведении каких-либо следов нервозности. После нескольких дней отдыха он чувствовал себя значительно окрепшим.

Прошла полночь. Шаги часового в коридоре стали слышаться реже и реже. За окном завывал ветер, дождь хлестал по железному козырьку, закрывающему окно камеры. Камень за камнем вынимал Курт из проделанного в стене отверстия. Когда он осторожно вынул последний камень, холодный ветер бросил ему в лицо капли дождя. Он протиснулся в пролом и прислушался.

Ничего, кроме бульканья на болоте, не было слышно. Через несколько минут послышались чьи-то шаги. Шлепая по грязи и ругая на чем свет стоит собачью погоду, прошла смена часовых. Броземан отполз обратно в камеру. Слева, в направлении сторожевой вышки, может стоять только один часовой. Сюда, пожалуй, и нужно идти.

Сильно стершейся отверткой Курт разорвал тюремное одеяло на полоски и связал их. Затем осторожно оторвал от нар одну доску и привязал к ней импровизированную веревку. Так же спокойно он снова пролез в отверстие и прислушался. Тишина. Курт бросил вниз небольшой камешек. Тихо! Бросил камешек побольше — послышался плеск лужи, и снова тихо. Тогда он осторожно, ногами вперед полез через пролом в темноту черной ночи. Держась за связанные полоски одеяла, он тихо начал спускаться.

Вдруг одна из полосок оборвалась, и Курт, больно ударившись, упал на землю. К счастью, сознания он не потерял. Ему показалось, что недалеко от него зашевелился часовой и направляется к нему. Сейчас вспыхнет луч карманного фонаря. Курт еще плотнее

прижался к сырой земле и пролежал неподвижно несколько минут. Дыхание успокоилось, волнение прошло. Он внимательно осмотрелся — в темноте ничего не видно.

«Где же часовой?» — подумал он. Осторожно, стараясь не шуметь, Броземан поднялся. Холод сковал все тело. Продвигаясь медленно, на ощупь, он пошел в сторону часового. Но его нигде не было видно. Казалось, все живое на земле исчезло.

Вдруг Курт услышал, как кто-то кашлянул. В нише, выложенной в каменной стене, стоял часовой. Всего лишь несколько метров отделяли Курта от часового. Броземан едва различал его силуэт. Промокший до последней нитки, Курт чувствовал, как его пронизывает ледяной холод. Он уже начал дрожать. Сейчас его могло выдать даже дыхание. «Ну, теперь пора действовать, иначе все пропало»,— мелькнуло в мозгу. В этот момент часовой шагнул в его сторону. Как дикая кошка, Курт бросился на часового. Его руки судорожно сжали горло солдата, который так испугался, что сначала даже не оказал сопротивления.

— Все! — прошептал Броземан и, шатаясь, пошел прочь от мертвого.

Только сейчас Курт ощутил всю тяжесть ночной тишины.

Он не хотел убивать часового. Но когда тот, несколько придя в себя, начал отбиваться и попытался кричать, в отчаянии беглец изо всех сил стиснул его горло и не отпускал до тех пор, пока тело солдата не перестало биться в конвульсиях.

Сильный порыв ветра вернул Курту способность мыслить. Он быстро снял с часового обмундирование и надел на себя, а затем оттащил труп подальше от ниши. После этого, взяв карабин часового, Курт встал вместо него на пост, в нишу.

Шли минуты. Кругом — ни звука. Снова полил дождь. За всю службу в армии Курт никогда не ждал смену с таким нетерпением, как сейчас. Прошли невероятно долгие четверть часа. С соседнего поста донеслись звуки шагов и голоса. Уверенно, как будто ничего не случилось, Курт направился навстречу смене, шедшей вдоль тюремной стены. Темь, хоть глаз коли. Вот наконец показалась смена. От группы отделилась фигура. Броземан сдал пост новому часовому, сказал несколько крепких словечек по поводу проклятой погоды и быстро пошел догонять строй смены.

Когда Курт догнал строй, был уже сменен часовой на соседнем посту — на углу корпуса. Отсюда начинался проволочный забор, тянувшийся слева от здания. Свернув влево, смена пошла вдоль забора. По пути сменили еще одного часового. Курт пропустил сменившегося вперед, а сам пошел последним. Четвертый пост был у ворот тюрьмы. Курт почувствовал вдруг твердую почву под ногами. Справа, в двухстах метрах от него, на фоне темного неба слабо вырисовывались контуры тюремного корпуса. Туда и пошла смена.

Броземан немного отстал от строя, затем повернулся и побежал к воротам. Почти испуганно часовой спросил его:

— Что случилось?

— Часы потерял,— сердито бросил Броземан.— Цепочка отстегнулась...

Ничего не подозревая, часовой вышел из будки и стал помогать Броземану искать. Когда он нагнулся и уже хотел зажечь карманный фонарик, Броземан сильным ударом сбил солдата с ног, прижал к земле и несколькими ударами по виску оглушил его. Несколько раз глубоко вздохнув, Броземан прислушался — ничего подозрительного.

Наконец он уже стоял за воротами тюрьмы. С западной стороны — опасное болото. Что было на другой стороне, Курт в кромешной тьме видеть не мог. Недолго думая, он побежал в северном направлении. Он бежал, ничего не видя перед собой, бежал так, как будто по пятам за ним гнались собаки. Сильный дождь мешал бежать, но зато смывал следы.

Оружие и снаряжение стесняли движение. Задыхаясь от быстрого бега, Курт остановился. Противогаз, каска, ранец — зачем ему это барахло? Но бросить их — значит оставить след. Приходилось тащить все с собой — другого выхода не было. «Кроме того,— подумал Курт,— с ними я похож на настоящего солдата». И он побежал дальше.

Пробежав несколько сотен метров, Курт в изнеможении остановился. Сапоги были слишком велики и терли ноги. Сняв их и засунув под ремень, он пошел в носках.

Курт пытался бежать ритмично, как на тренировке. «Бегу со смертью наперегонки,— мелькнуло в голове.— Интересно, кто кого обгонит?»

Вдруг Броземан услышал где-то совсем рядом тихое гудение. Остановился, прислушался, осторожно сделал несколько шагов в ту сторону, откуда слышался шум. Телефонная линия! Кабель тянулся вдоль дороги. Как хорошо чувствовать под ногами твердую почву! Пройдя метров двадцать по шоссе, Курт понял, какой опасности он себя подвергает. Шоссе проходило недалеко от тюрьмы, и преследователи наверняка пойдут по этой дороге. Испуганно оглядевшись, он быстро сошел с шоссе и зашагал в сторону леса.

Идти по размокшей земле становилось все труднее и труднее. Вскоре Курт подошел к лесу. Под ногами был уже твердый грунт, и идти стало значительно легче. Однако он уже устал. Обессиленный, он прислонился на несколько секунд к дереву, но усилием воли заставил себя шагать дальше.

Пройдя примерно час лесом, Курт вышел на опушку. Справа слышался лай собак,— значит, недалеко деревня. Понимая, что в населенный пункт заходить опасно, он решил обойти деревню.

Метров через двести Курт вышел к реке. Переплывать незнакомую реку в такой темноте было опасно. Он хотел поискать мост или лодку, как вдруг со стороны деревни послышались голоса людей. Курт уловил обрывки украинских фраз. Он быстро лег и снял карабин с предохранителя.

Мимо него прошли два человека с винтовками, ведя за собой лошадей. «Наверно, украинские полицейские,— подумал он.— Что делать? Неплохо бы взять у них лошадь!»

Курт встал и пошел за ними. На пологом вытоптанном берегу двое мужчин остановились.

— Стой! Руки вверх! — громко крикнул Курт.

В испуге мужчины подняли руки.

— Не стреляйте, пан, мы полицаи,— взмолился один из них.— Мы патрули.

— Куда идете? — спросил Броземан.

— В комендатуру, пан.

— В какую комендатуру?

— В Трамбовку, пан.

— Ага, в Трамбовку! Ну и мне туда же.

Люди подошли ближе. Броземан полез в карман, достал две сигареты и протянул их полицейским. Один из них начал прикуривать. Потом к нему наклонился и второй. В этот момент Курт ударил первого полицейского, второй отскочил назад и не успел снять винтовку из-за спины, как сильный удар в живот свалил его с ног.

Броземан связал обоих полицейских и оттащил их от берега. Затем вскочил на одну из лошадей и погнал ее в воду.

Река в этом месте оказалась неглубокой. Сначала Курт отпустил поводья: лошадь шла свободно. Перейдя на противоположный берег, лошадь сразу свернула влево: видимо, эта дорога была ей знакома. Курт натянул поводья и повернул направо.

Моросил мелкий дождь. Краешек неба на востоке чуть-чуть побледнел. Справа на фоне неба вырисовывался темный силуэт леса.

Проехав вдоль опушки, Курт нашел узкую лесную дорогу и поехал по ней. Через несколько километров дорога вывела его к про-

секе и внезапно оборвалась. Ехать верхом дальше было нельзя. Он привязал лошадь к дереву, а сам пошел пешком.

Низко над землей нависли черные тучи, дождь все еще моросил, наполняя лес унылым шумом. Кругом ни души. Одолеваемый усталостью, Курт лег под ель, свесившую свои ветви до самой земли. «Как хорошо, что я прихватил с собой шинель и плащ-палатку»,— подумал он, устраиваясь на ночлег. Довольно улыбнувшись, он тут же заснул.

Его разбудил шорох. Курт напряг слух, машинально потянул к себе карабин и прижал приклад к плечу. К месту, где он лежал, подошел какой-то зверь, какой именно — в темноте не разобрать. Стрелять нельзя — опасно. Курт машинально схватился за штык-кинжал. Это движение, видимо, испугало зверя, и он скрылся в кустах. Снова воцарилась тишина, нарушаемая только шелестом листьев.

Еще до того, как сквозь густые ветви деревьев начал пробиваться матовый свет начинающегося утра, Курт был уже на ногах. Он огляделся вокруг — ни тропинки, ни просеки. Ветви многих деревьев свисали до самой земли, переплетаясь с густым кустарником. Чем дальше он шел, тем труднее становилось пробираться сквозь густые заросли. Впервые после побега Курт почувствовал голод. Надо было найти что-нибудь поесть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Километрах в восьмидесяти севернее тюрьмы, из которой бежал Броземан, в густом лесу расположился партизанский отряд. Небольшой по составу, он с каждым днем причинял фашистам все больше неприятностей.

Отряд образовался более года назад. Командиром и душой этого партизанского подразделения был Василий Голубов. Партизаны не только уважали и любили его как хорошего командира, но и видели в нем строгого и справедливого главу дружной партизанской семьи. Голубову было под пятьдесят. До войны он лет десять служил в Красной Армии. После демобилизации из армии его направили на партийную работу на Урал. Сразу же после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Голубов взялся за оружие. Он командовал полком под Киевом, где его

части было поручено прикрывать отход советских войск. Полк понес большие потери, Василий Голубов был ранен. Сильно поредевшие подразделения полка попали в окружение. В создавшейся обстановке командир полка приказал батальонам прорываться одновременно в трех направлениях и идти на соединение со своими войсками. Во время прорыва кольца окружения Голубова ранили еще раз. Он и еще несколько человек были вынуждены остаться в тылу врага.

Колхозники укрыли Василия в надежном месте, заботливо ухаживали за ним. Когда он поправился, фронт был уже далеко на востоке.

Ходили слухи, что бои идут километрах в трехстах — четырехстах от Киева. Василия мучила мысль, как попасть к своим, чтобы снова бороться против гитлеровских захватчиков.

Однажды от колхозников, ухаживавших за ним, он узнал, что в селе есть еще один раненый советский офицер. Вскоре Голубова познакомили с Анатолием Левченко, симпатичным человеком лет сорока пяти. В разговоре выяснилось, что Левченко по специальности инженер-строитель, перед войной работал в западных областях. Там его и застала война; он сразу же примкнул к пограничной части, сражавшейся с фашистами.

Голубов долго расспрашивал Левченко о его жизни, интересовался многими подробностями. Ему нужен был надежный товарищ, вместе с которым он мог бы пробираться к линии фронта и на которого в любой обста-

новке можно было бы положиться. Левченко рассказал, что жил он в Киеве, где у него остались жена и трое детей.

— Старший сын, наверно, давно уже в армии,— задумчиво проговорил Левченко.

Он рассказал Голубову и о том, что еще в 1919 году он партизанил в этих местах, сражаясь с врагами молодой Советской республики. Имея некоторый опыт партизанской борьбы, он намеревался создать здесь партизанский отряд.

Сначала эта мысль не очень пришлась Голубову по душе: он хотел скорее вернуться в армию, но сделать это было не так просто.

— Я уже собрал несколько надежных людей,— начал Левченко.— Почему вы хотите непременно пробираться к своим, разве нельзя воевать здесь? Когда вам это удастся? Через два — три месяца? Если вы, уважаемый, намерены сидеть здесь без дела и ждать у моря погоды, тогда будем считать, что наши дороги разошлись! Вот так! Воевать можно и нужно сегодня.

Они строго посмотрели друг другу в глаза. Голубова так поразил этот упрек, что он был готов провалиться сквозь землю. И это говорят ему! Разве он хочет отсидеться?

Разумеется, Левченко прав: нельзя терять ни часу времени, нужно продолжать борьбу против фашистов. А сейчас, когда он уже совсем здоров, разве можно уходить отсюда?

Голубов решительно поднялся и, взяв Левченко за руку, сказал:

— Извини меня, друг! Я действительно

был неправ. Я остаюсь и буду воевать вместе с тобой.

Разговор этот произошел в конце июля 1941 года. С тех пор прошло больше года. Голубов и Левченко создали партизанский отряд. Сначала их было одиннадцать человек: шесть красноармейцев, один пожилой рабочий, два колхозника и две женщины. Небольшая группа сразу же включилась в борьбу. Каждую неделю численность отряда увеличивалась на несколько человек. Вновь прибывающие в отряд подвергались тщательной проверке. Тех, кто нарушал партизанскую дисциплину, с позором изгоняли из отряда. Так создавалась крепкая боевая семья, готовая бороться с гитлеровцами до последней капли крови.

К началу 1942 года отряд насчитывал более пятидесяти человек. Коммунисты — их было восемь — образовали ядро отряда. Они всегда и везде своим мужеством показывали пример.

Отряд жил многосторонней боевой жизнью. Каждый выполнял свои обязанности. Ни малейшее нарушение установленного порядка не оставалось незамеченным. Велась самая суровая борьба за строжайшее соблюдение воинской дисциплины, за воспитание в партизанах духа коллективизма.

Партизаны не только воевали. В свободное время они учились военному делу.

Бо́льшую часть времени отряд находился в движении, совершая многокилометровые марши по густым украинским лесам. В населенные пункты заходили очень редко. Но и в этих

сложных условиях жизнь в лагере била ключом.

Летом 1942 года командование отряда разработало план создания постоянной базы. Опыт прошлого года показал, что кочевая жизнь осенью и зимой связана с многими трудностями.

Командир отряда приказал оборудовать основной и запасной лагеря. Основной лагерь располагался на небольшом полуостровке, окруженном с трех сторон непроходимым болотом, через которое к лагерю вела только одна дорога, известная лишь немногим партизанам. С этой стороны лагерь был надежно защищен от нападения противника. Кроме того, на открытой стороне полуострова, выходившей на запад, было несколько холмов, с которых хорошо просматривалась и простреливалась местность.

Полуостровок выглядел довольно романтично. Старые ивы до земли спускали свои пушистые ветви. С южной стороны раскинулось небольшое озерцо, богатое рыбой. Со всех сторон лагерь окружал лиственный лес, поросший густым кустарником.

В основном лагере находились две трети отряда, остальные партизаны размещались в запасном лагере, расположенном в нескольких километрах южнее.

Вскоре прошли дожди, стало холодно. Но осень неохотно уступала свои права зиме. В редкие солнечные дни партизаны, свободные от заданий, сидели кто на поваленных деревьях, кто прямо на земле и с удовольствием грелись на осеннем солнце. Читали старые

газеты, книги. Чинили одежду, чистили оружие, обсуждали подробности последнего боя.. Главной темой разговоров было предстоящее собрание. Никто точно не знал, о чем пойдет речь, но все были уверены, что командир и комиссар сообщат что-то важное.

Миша Трофимов, связной штаба, подмигнул подрывнику, недавно вернувшемуся с ответственного задания, и многозначительно сказал:

— Наш командир наверняка привез кучу новостей.

— Как так?! Откуда привез? — ничего не понимая, спросил подрывник.

— Ах да! Ты ведь ничего не знаешь. Несколько дней назад Голубов был у нашего соседа. Я, правда, еще не узнал, у кого.

— Это неважно. Расскажи лучше, что случилось,— наседал нетерпеливый подрывник.

— Голубов был у одного известного партизанского командира. Понял? Тот, говорят, летал в Москву. Один связной рассказывал мне, что там состоялось совещание в Центральном Комитете...

— Совещание о партизанском движении?

— Ну конечно.

Подрывник присвистнул и многозначительно покачал головой.

— Интересно!..

Стрелка часов медленно ползла по кругу. В половине третьего началось собрание. На лужайке перед штабной землянкой собрались партизаны.

Комиссар поднял руку, требуя тишины. Объявив собрание открытым, он предоставил слово командиру отряда.

Голубов в сдвинутой на затылок шапке сидел на пне. По лицам партизан не трудно было понять, что они с нетерпением ждут выступления своего командира.

— Прежде всего,— начал он,— я хотел бы коротко рассказать вам об обстановке на фронтах Отечественной войны. В минувшие месяцы фашистским войскам удалось добиться некоторых успехов. Немецкое верховное командование без особого риска стянуло и бросило на Восточный фронт все имеющиеся у него резервы. На отдельных участках фронта гитлеровцам удалось добиться временного превосходства в силах.

Голубов обвел взглядом сидящих вокруг него партизан. С затаенным дыханием бойцы ловили каждое слово своего командира. Голубов рассказал о целях летнего наступления немецко-фашистских войск.

После командира слово взял комиссар. Как всегда, он говорил коротко и убедительно.

Сообщение комиссара о переходе войск Калининского фронта в наступление в районе Великих Лук и Ржева было встречено с ликованием. Партизаны обнимали друг друга, бросали вверх шапки.

— Слушать бы, ребята, такие сводки каждый день,— в восторге проговорил один из партизан.

— Но для этого нам так надо поработать, чтобы фрицам жарко стало,— заметил другой.

Партизан задумался и, подчеркивая каждое слово, сказал:

— Вы правы, ребята. Я сразу же после собрания займусь этим. Хочу попробовать мой новый метод минирования...

2

Со времени побега из тюрьмы прошла почти неделя. Курт все еще блуждал по лесу. Первые дни он шел наугад, не выдерживая определенного направления. Но последние два дня он старался идти строго на северо-запад. Когда-нибудь должен же быть конец этому страшному лесу! Два дня назад ему удалось подстрелить зайца. Поджарив на костре, он его съел. Но на это ушла предпоследняя спичка. Что будет, если в ближайшие дни ему не удастся выбраться из этого леса?..

С раннего утра Курт, не останавливаясь, шел и шел, а лесу и конца не видно. Когда начало темнеть, мелькнула мысль: пора искать место для ночлега.

Пройдя еще немного, он вышел на узкую лесную дорогу. Сердце учащенно забилось от радости. Он направился по дороге и через несколько километров увидел с левой стороны небольшой домик. Пока беглец думал, кого здесь можно встретить, во дворе залаяла собака. Из домика, окруженного плетнем, вышел пожилой, высокого роста, широкоплечий мужчина. Внимательно посмотрев вокруг, он подошел к стене и стал что-то делать.

Курт долго рассматривал домик и двор, но ничего подозрительного не обнаружил. Двор был совсем небольшой. С одной стороны стоял сарай. Через весь двор протянута веревка, на

которой сушилась грубая полотняная рубаха. Старик конопатил мхом стены дома. «Наверное, лесник»,— подумал Курт.

Когда Броземан подошел ближе, собака забегала по двору, громко залаяв. Старик обернулся и сощурил глаза. Его движения были спокойны и размеренны.

— Здравствуйте! — громко произнес Курт по-русски.

Не отвечая на приветствие, старик не спеша подошел к забору и только тогда негромко ответил:

— Бог с тобой, солдат!

— Я больше не солдат.

Старик внимательно посмотрел на немца сверху вниз. «Сукин ты сын,— мелькнуло у старика в голове,— стоишь в полном боевом, да еще говоришь, что ты больше не воин. Смеешься надо мной, проклятый».

От Курта не ускользнула ироническая улыбка старика. Он чувствовал, что его вид действительно не вызывает доверия. Грязный, небритый, он был похож на разбойника. Курт нерешительно спросил:

— Есть здесь немецкие солдаты?

Старик отрицательно покачал головой:

— В двадцати километрах отсюда.

— Часто немцы приходят сюда?

— Редко,— ответил старик.

Потом Курт поинтересовался, кто еще живет в доме, но старик, видимо, не расслышал вопроса. Немного поколебавшись, он предложил Курту войти в дом. Быстро оглядевшись по сторонам, Броземан снова спросил, правда ли, что поблизости нет немецких сол-

дат. Лесник снова отрицательно покачал головой. «Действительно чудаковатый малый,— подумал старик украинец.— Или он нарочно притворяется, хочет меня обмануть?»

Лесник провел Курта в кухню, где у русской печи, занимавшей почти половину помещения, хлопотала сморщенная хрупкая старушка. Она робко поздоровалась. В переднем углу висела обрамленная полотенцем икона. У окна стоял самодельный стол, рядом с ним деревянная лавка и стул. Вместо кухонного шкафа — широкая полка, прикрытая занавеской.

Из печи приятно пахло борщом.

Сняв снаряжение, Курт сел у окна на лавку, чтобы видеть всю дорогу. Он был измучен и голоден; запах борща еще больше раздражал его.

Хозяин с хозяйкой стояли у печи и молча смотрели на неожиданного гостя.

Используя свои отрывочные знания русского языка, Курт задавал один вопрос за другим. Он хотел узнать у старика, поддерживает ли тот связь с немцами. Украинец уклончиво ответил:

— Мне уже давно перевалило за шестой десяток, и я вряд ли могу быть полезен господам.

Разговор явно не клеился.

Чувствуя, что старик не выдаст его, Курт рассказал ему о себе: кто он и откуда идет.

— Мне ничего не нужно,— говорил он.— Я хотел бы только побриться и помыться. Ну, может быть, немного поесть. Расскажите, что здесь за местность?

Старик стал более дружелюбным, хотя и казался безучастным.

Время близилось к вечеру, и Курт начал беспокоиться. Опасаясь, что здесь его могут застать немцы, он стал собираться и хотел уйти. Но старик, положив Броземану на плечо руку, усадил его на лавку.

— В моем доме тебе нечего бояться,— сказал он.

За ужином завязалась оживленная беседа. Языковые трудности почти отпали, когда неожиданно для Курта старик вдруг неплохо заговорил по-немецки. Видимо, он тоже проникся доверием к Курту.

Взаимное недоверие ослабевало. Хозяйка дома постелила гостю постель, но ложиться Броземан не хотел.

— Кто знает, что может случиться,— нерешительно сказал он.

— Ложись, ложись! — по-отечески мягко сказал старик.— В моем доме ты можешь быть спокоен.

Удивленный неожиданным ответом, Курт встал, посмотрел в серые, полные доверия и дружелюбия глаза старика и радостно пожал ему руку.

Больше недели прожил Броземан в доме лесника. Хозяева дома ухаживали за ним, как за родным. Курт все чаще думал о своем положении. Начались морозы, болото замерзло. Каждый день в сторожку могли неожиданно нагрянуть немцы.

Как быть дальше? Пробиваться к фронту и

там сдаться в плен? До фронта больше восьмисот километров. Окончательно запутавшись в своих мыслях и не находя ответа на мучившие его вопросы, он обратился за советом к леснику.

— Вот сидишь ты здесь,— сказал старик,— и не знаешь, что делать. А ведь все ясно. Тот, кто не хочет быть соучастником преступлений Гитлера, должен бороться против фашизма. И здесь фронт, и здесь стреляют. В кого же будешь стрелять ты, солдат?..

— Вы считаете, что немцы должны воевать друг против друга? — спросил Курт.

Он и сам понимал, что это именно так, но боялся говорить об этом. Борьба немцев против немцев казалась ему невероятной и чудовищной.

— Подумай-ка сам об этом хорошенько,— ответил старик и вышел из комнаты.

Броземан понимал чувства старого лесника, но у него самого никак не укладывалось в голове: как это немец вместе с русскими может воевать против своих соотечественников? Разумеется, он готов воевать против фашистов, но стрелять в своих товарищей он не может. Курт понимал, что в этой борьбе русские будут его союзниками. Безусловно, фашизм причинил Германии много вреда, это знает каждый. Но что делать? Может ли он называться немцем, если вместе с русскими будет воевать против своих земляков?

Неожиданно Курт вспомнил листовку, которую давал читать ему в Кёльне старый Петцольд. Тогда он не понял ее содержания и бросил ее; заметив это, отец Курта что-то

пробормотал про коммунистов, хотя в листовке о них не было и речи. Сейчас Курт дорого заплатил бы, чтобы узнать, о чем же там говорилось.

Курт сердился на себя за то, что он не может самостоятельно разобраться в сложившейся обстановке.

Долгие беседы со стариком помогли Курту узнать многое, чего он не знал раньше.

— Я вспоминаю двадцатые годы,— как-то вечером начал свой рассказ лесник.— Тогда немецкие рабочие не раз выступали с оружием в руках против своих соотечественников. И очень смело сражались. В Гамбурге осенью тысяча девятьсот двадцать третьего года рабочие под руководством Эрнста Тельмана взяли в руки оружие и восстали, чтобы уничтожить капиталистический строй и создать государство рабочих и крестьян. Вооруженная борьба гамбургского пролетариата должна была послужить сигналом для всей Германии. Когда толстосумы поняли, что им несдобровать, они пустили в ход полицию и части рейхсвера и жестоко подавили восстание. Вот ты мне и скажи, какой ты хочешь видеть Германию?

Такого вопроса Курт не ожидал.

Старик вздохнул. И, немного подумав, продолжал:

— Тогда, да и позднее, лет через тринадцать, в Испании немцы-патриоты тоже сражались против немцев-фашистов. Главное заключается в том, чтобы сделать правильный выбор.

Курт не понимал, почему старик заговорил вдруг об Испании? Кто были эти патриоты, которые воевали за республиканскую Испанию? Как ни старался Курт, он никак не мог понять, какая связь между тем, что было когда-то в Испании, и его теперешним положением. Вот если бы ему сказали, что тот толстяк в Кёльне или член суда, ударивший его по лицу,— его враги, он без колебания согласился бы. Таких мерзавцев убивать надо. Но простого солдата вермахта? Ничего плохого он ему не сделал. Хорошо русским: для них каждый немец — враг. Курт хотел поделиться своими мыслями с лесником, но, увидев, что тот собирается ложиться спать, решил подождать.

На следующий день во время обеда, когда Курт и лесник сидели за столом и ели борщ, Броземан внимательно рассматривал изборожденное морщинами лицо старика, степенно и медленно хлебавшего из своей миски. «Какие добрые глаза у этого человека!» — думал Курт. Он перевел свой взгляд на жену старика, которая, казалось, угадала его мысль. Она улыбнулась ему приветливой улыбкой. Ее лицо стало мягким и ласковым. Курт улыбнулся ей. Война отняла у него родителей. Здесь, у этих людей, в чью страну судьба привела его как врага, он нашел понимание и сочувствие. Здесь ему было хорошо потому, что к нему относились по-человечески.

Когда он бежал с кладбища в Кёльне, он думал, что будет легче, если он доберется до фронта. Ему останется только перебежать к русским. Только перебежать! Каким

простым казалось ему это тогда. Теперь он чувствовал, что простой переход на сторону русских был бы бегством, не больше. Бегством ради того, чтобы спасти собственную шкуру. Не жизнь, а именно шкуру! «Разве то была жизнь? — спрашивал себя Курт.— Разве я жил как человек? Что я понимал? Что стоила моя жизнь? Для чего я жил? И вообще, в чем смысл жизни?»

Старый лесник словно угадал его мысли:

— Гитлеру ты был нужен как пушечное мясо. А сейчас... Если ты перейдешь к партизанам, твоя жизнь приобретет новый смысл. Жизнь имеет смысл лишь тогда, когда понимаешь, что стоишь на правильном пути. Главное, чтобы ты это понял сам. Как ты думаешь, что ты должен делать сейчас? Как поступать?

Это был все тот же сложный вопрос, который мучил Курта и на который он все еще не мог себе ответить.

Все эти дни Курт ходил как слепой, который вдруг прозрел. Весь мир казался ему иным, чем раньше.

Старый лесник хорошо представлял себе, как тяжело Курту разобраться в собственных мыслях. Он не надоедал ему, давал возможность побыть и подумать одному, но, когда Курт о чем-нибудь спрашивал его, отвечал ясно и убедительно, давая новую пищу для размышлений.

Однажды утром лесник встал рано и начал собираться в дорогу. Когда Курт спросил старика, куда он собирается, тот ответил:

— Решил сходить в соседнюю деревню. Хочешь, пойдем вместе.

— Это далеко? — спросил Курт, сам не зная почему.

— Не очень. Километров восемнадцать, не больше. Завтра к вечеру будем дома.

— Ну а немцы там есть?

Старик пожал плечами:

— Посмотрим. Ты что, боишься своих земляков?

Броземан поморщился. «Встречаться с ними — удовольствие маленькое. Но в конце концов, не век же мне сидеть здесь, в домике лесника»,— подумал он и согласился.

Жена лесника принесла Курту старую одежду. Он переоделся и поглядел на себя в зеркало. Выглядел он как настоящий украинец. Лесник и Курт простились с хозяйкой и ушли.

Старик шел быстро, широким, размашистым шагом. Вскоре они скрылись в густом лесу. Хотя мороз и крепко сковал землю, идти по мягкому мху было приятно. «Как по ковру»,— подумал Курт. В лесу было необыкновенно тихо. Лишь изредка какой-нибудь зверек, испуганный людьми, убегал прочь да с деревьев падали побуревшие листья.

Часа через два они остановились у небольшого озерка передохнуть.

— Отсюда и до села недалече,— сказал лесник.— Добрая половина пути позади.

Он развязал мешок с продуктами и достал оттуда хлеб и сало. Ели молча. Пока они шли по лесу, Курт все время думал, какая же связь между борьбой рабочего класса, о кото-

рой рассказывал ему старый украинец, и его положением. Если несколько лет назад в Германии рабочие стреляли в солдат, а солдаты — в рабочих, значит, причина для этого безусловно была. Но почему он должен делать то же самое? В конце концов, он тоже рабочий. Ну и что?

— Никак не разберусь в одном вопросе,— нерешительно обратился Курт к леснику.— Почему один немец должен стрелять в другого...

— Ну хорошо,— продолжал лесник.— Что бы ты ответил, если бы я тебя спросил: почему до сих пор ты не действовал, как рабочий? А я тебе скажу. Ты политикой не занимался, а политики занимались тобой. На тебя напялили мундир и приказали: стреляй в красных, стреляй в большевиков, они угрожают нашей Германии и так далее.

Эти слова как плеткой хлестнули Курта. Не глядя на лесника, он сказал:

— Но ведь я же не один такой. Это же самое делали миллионы немецких солдат. Они делают это и сейчас...

— И стреляют в своих братьев по классу, один убивает другого, а капиталисты только наживаются на этом,— закончил старик фразу Броземана.

— Не так-то просто понять новый мир,— немного помолчав, сказал Курт.— Трудно.

— Надо забыть сочувствие к тем своим соотечественникам, которые принимают участие в этой преступной войне. Немецкие рабочие в ней не заинтересованы. Она им не нужна.

— Но разве не ужасна даже мысль о том, что немец должен стрелять в немца?!

— Да, это действительно страшно. Но главное здесь — определить, кто борется за правое дело, а кто нет.

— Честно говоря, я не знаю, смог ли бы я когда-нибудь пойти на такое дело,— заметил Курт.

— Много лет назад, в годы первой мировой войны, я думал вот так же, как и ты. Это было на фронте. Тогда каждый день нужно было стрелять в людей. И я думал, что стреляю в своих врагов. Но пришли большевики и сказали: «Солдат, кончай братоубийственную войну, поверни винтовку против своих настоящих врагов — царя и капиталистов. Они начали эту войну, чтобы нажиться на твоей крови». И мы, рабочие и крестьяне, покончили с царем и с капиталистами и взяли власть в свои руки. Так мы спасли свою родину!

— Ну, то была большая политика. А что вы делали в окопах?

Старик невольно улыбнулся:

— И в окопах мы делали большую политику. Ведь у нас, рабочих и крестьян, было оружие. Сначала мы прогнали офицеров, которые заставляли нас воевать, а потом начали брататься с немецкими солдатами.

— Так просто все это было?

— К сожалению, нет,— вздохнул старый лесник.— Царские приспешники и капиталисты — наши и иностранные — общими силами попытались задушить нашу революцию. Началась гражданская война, в которой с оружием в руках сражались между собой земляки-

соотечественники. Мы, сторонники и защитники Советской власти, боролись уже за установление мира.

— Ну а вы тоже стреляли в то время в своих земляков?

Лесник долго молчал, прежде чем ответить:

— В тысяча девятьсот восемнадцатом году я был командиром батальона.

— Черт возьми! Командиром батальона? — от удивления подпрыгнул Курт.

— Да, командиром батальона. У меня в батальоне одной ротой командовал мой старый друг. Звали его Борис. Вместе с ним ходили в школу, четыре года служили в царской армии, а потом, во время войны, больше года просидели в окопах. И радость и горе, как говорится, пополам делили, относились друг к другу как родные братья. Когда в тысяча девятьсот восемнадцатом году мы снова встретились, нашей радости не было конца. После Октябрьской революции Борис, как и я, вступил в Красную Армию. Революционный комитет назначил его командиром роты.

Однажды мы получили приказ овладеть важным узлом коммуникаций и во что бы то ни стало удерживать его до подхода наших главных сил. Больше недели все шло хорошо. Беляки много раз штурмовали населенный пункт, но, не добившись успеха, отходили назад. Тогда они подтянули резервы и крупными силами пошли в атаку. Обстановка складывалась тяжелая. Потери батальона все время росли, боеприпасы кончались. Беляки обошли населенный пункт и отрезали батальон от наших войск. Тогда подошел ко мне

Борис и начал меня убеждать оставить населенный пункт. «Иначе мы все здесь погибнем»,— твердил он. Я прогнал его с командного пункта. Вскоре он снова пришел и заявил, что, если я не соглашусь с его предложением, он со своей ротой будет действовать на свой страх и риск. Долго я пытался ему объяснить, что это предательство по отношению к революции. Но ничего не помогло. Наконец он резко повернулся и выбежал. Борис приказал своей роте оставить позиции. И хотя у меня сердце кровью обливалось, я приказал арестовать и расстрелять Бориса на глазах у красноармейцев. Другого выбора у меня не было. Этого требовали интересы революции, интересы рабочего класса. Так закончилась моя старая дружба с Борисом...

Курт напряженно слушал. Рассказ старика взволновал его. Он хотел что-то сказать, но не мог.

Старик поднялся:

— Ну довольно. Пора идти дальше.

Вскоре лес стал реже, и наконец они вышли на опушку. Перед ними раскинулось большое село, за которым тянулось поле, перерезанное дорогой.

Временами ветерок доносил лай собак, деревня выглядела мирной и тихой. Из сарая, стоявшего в стороне от деревни, доносился ритмичный стук цепов.

— Побудь здесь, а я пойду посмотрю, как там дела,— сказал лесник и ушел.

Прошло часа два, а лесник все не возвращался. Курт уже начал волноваться. Наконец

старик вернулся, и они вместе пошли в село.

Вошли в крестьянский дом, который в отличие от других был под железной крышей. Курту бросились в глаза чистота и порядок в доме. В небольших сенях их встретил крепко сложенный мужчина с большими пышными усами. Он открыл дверь в одну из комнат, и Курт вздрогнул от испуга. Со стула поднялся человек в красноармейской форме без знаков различия. На левой руке у него была белая повязка с надписью: «Полиция», на правом бедре висел пистолет.

На несколько секунд в комнате установилась мертвая тишина. Курт никак не мог понять, куда он попал. Неужели его заманили в ловушку? Он бросил быстрый взгляд на лесника. Но тот только улыбнулся. Эта сцена показалась ему забавной. Напряженность разрядил открывавший им дверь мужчина с усами,— видимо, хозяин дома. Он поздоровался с Куртом и представил ему «полицейского» как своего хорошего друга. Сам он отрекомендовался как староста села, назначенный немецкой комендатурой.

В ходе разговора лесник объяснил Курту, что Максим, бургомистр, и Андрей, полицейский, действительно хорошие друзья и настоящие советские патриоты.

— Что это такое — патриоты? — спросил Курт, не понимая значения этого слова.

— Я хочу сказать, что им обоим можно доверять и в случае необходимости рассчитывать на их помощь.

Подсев к Курту, Андрей сообщил, что по-

иски бежавшего из тюрьмы заключенного все еще продолжаются.

— Немецкая полевая жандармерия и нам из-за этого не дает покоя.

— Значит, вы и есть один из тех, кто меня ищет? — прямо глядя в глаза «полицейскому», спросил Курт.

— Да, и я тоже,— ответил Андрей, усмехнувшись.— Но я вряд ли кого-нибудь найду.

— Почему?

— Потому что не собираюсь помогать врагам.

«Значит, они не считают меня врагом? Полицейский наверняка знает, кто сидит перед ним. Разве он не хочет получить денежную премию или орден от немцев? Какое ему, собственно говоря, дело до того, как немцы расправляются со своими людьми?»

Размышляя, Курт вспомнил разговор со старым Петцольдом несколько месяцев назад в Кёльне.

— Дорогой Курт,— говорил Петцольд,— я уже старый человек. И все же я верю в лучшую жизнь. Это время обязательно наступит. Это я говорю не для того, чтобы утешить тебя. Ты, конечно, знаешь, что я коммунист. Так вот, говорю тебе откровенно, что им я останусь до смерти. Мое мировоззрение дает мне силы твердо верить в счастливое будущее нашего народа. Разве могу я молчать об этой уверенности?

— И все же я не могу понять, для чего ты мне все это говоришь,— ответил он Петцольду.

— Неужели меня и правда трудно понять? — спросил Петцольд и объяснил: —

Единственное, чего я хочу,— чтобы ты не был безразличным к окружающему и смотрел на мир открытыми глазами.

— Как это понимать?

— По-моему, очень просто. Сделай правильный выбор, наплюй на эту преступную войну и займись более полезным делом, которое действительно нужно нашему народу. Тысячи людей делают это неустанно и самоотверженно.

— Не слишком ли многого ты хочешь?..— недовольно пробормотал Курт.

— Я ничего не хочу, а просто показываю тебе правильный путь.

— Знаешь,— вспомнил Курт,— как называется путь, который ты мне предлагаешь? Это измена родине!

Петцольд горько усмехнулся:

— С тех пор как я стал кое в чем разбираться, слова «измена родине» всегда были в большой моде у наших господ, стоящих у власти. И если кто-либо поступал вопреки их воле и желанию, его всегда обвиняли в измене родине. Горстка мерзавцев выдумала даже закон, по которому можно обвинить неугодных им людей и засадить их за решетку. Тогда за чьи же интересы должны мы бороться? За чьи?

Равнодушный ответ Броземана — бороться нужно только за интересы Германии — страшно разозлил тогда Петцольда. Старик грубо сказал ему, что он жалкий трус и боится касаться этого вопроса.

— Ты просто не хочешь видеть, что эта Германия, о которой ты говоришь и за кото-

рую торчишь в окопах, поминутно рискуя своей шкурой,— твой злейший враг, она убила твоего брата и может погубить весь народ...

Курт хотел что-то возразить, но Петцольд продолжал:

— Здесь не может быть никаких «но». У кого не хватает смелости признать эту истину, тот сам себя обманывает. Тебе надо быть на стороне рабочего класса. Подумай-ка хорошенько над тем, что ты делаешь. Служит это интересам рабочих или нет? Когда ты встанешь на сторону рабочего класса, тогда тебе нетрудно будет найти правильный путь и идти по нему.

На прощание Петцольд добавил:

— Ты же сам видишь, что творится вокруг. Неужели ты и дальше хочешь быть участником всего этого? А ведь придет день, когда и тебя притянут к ответу и с тебя спросят. Скажи, против кого ведется эта война и что делаешь ты? Что? Ты воюешь на Восточном фронте и стреляешь в русских... В братьев по классу, таких же рабочих, как и мы. Разница только в том, что в Советской России власть принадлежит рабочим, а у нас — богачам, толстосумам...

Трое мужчин продолжали молча смотреть на Броземана. Он почувствовал, что должен что-то сказать этим людям. Неужели между тем, что говорил тогда Петцольд, и таким неожиданным отношением к нему «полицейского» есть какая-то связь? А может быть, здесь

кроется еще что-то? Курт решился спросить «полицейского»:

— Если я вас правильно понял, вы не собираетесь делать мне ничего плохого. Тогда скажите, почему?

Андрей посмотрел сначала на немца, потом на своих товарищей.

— С ним можно говорить открыто,— сказал лесник.

— Ну хорошо. В таком случае нам незачем играть в прятки и ходить вокруг да около. Уверяю вас: с моей стороны или со стороны старосты никакая опасность вам не грозит. Хотя мы и исполняем обязанности полицейского и старосты, но не помогаем фашистам и не служим им.

Курт в недоумении пожал плечами.

— Сейчас я вам объясню,— сказал Андрей.— Возьмем, например, такой факт. Нам приказали весь урожай хлеба сдать немцам. Весь, без остатка. Сделать это — значит лишить людей хлеба, заставить их всю зиму голодать. Кто должен собирать зерно? Конечно, в первую очередь заготовители и полицейские. Когда мне приказали заниматься этим, я сказал людям: «Прячьте хлеб!» Сегодня я пришел предупредить старосту о мясе.

В ходе этого разговора Курт узнал много нового о сопротивлении украинцев немецко-фашистским захватчикам. Он узнал о трудной жизни жителей села, об их борьбе с предателями, о смелых операциях украинских партизан.

Когда под вечер Курт с лесником подходили к сторожке, пошел первый снег. Земля ме-

ленно покрывалась белым одеялом. «Настоящий рождественский снег»,— думал Курт, стоя у окна и следя за медленно падающими снежинками.

— Этот еще растает,— заметила старушка, достававшая горшки из печи.

Старик сел к столу и начал тереть табачные листья.

На душе у Курта было тоскливо. Глядя в окно, он вспоминал свое детство — катание на коньках, рождество с традиционными подарками родителей... Сейчас он поймал себя на том, что тоскует по тем дням. Курт закусил губу. Откуда такое сентиментальное настроение? Это на него не похоже. Он подсел к старику за стол и робко спросил:

— Как мне теперь быть? Что вы мне посоветуете? Что мне делать? Я не могу здесь больше сидеть без дела,— откровенно признался Курт.

У старика в уголках рта мелькнула едва заметная улыбка. Пристальным и долгим взглядом он посмотрел немцу в глаза и тихо проговорил:

— Скоро к нам кое-кто зайдет, вот тогда и поговорим.

Броземан забеспокоился. Кто должен прийти? Старик все делает так таинственно... Курт не посмел спросить лесника. Он стал ждать.

3

Однажды вечером Курт услышал вой волка. Старик быстро оделся и вышел из дому. Вскоре он вернулся, ведя с собой двух муж-

чин, одетых в немецкую военную форму. Курт инстинктивно схватился за винтовку, но лесник остановил его спокойным жестом.

— Такое приветствие ни к чему,— весело заметил он.

Один из вошедших остался у дверей, а другой, крепко скроенный мужчина лет сорока, сердечно поздоровался с хозяйкой дома и затем подошел к Курту.

— Обер-фельдфебель Броземан, здравствуйте! Моя фамилия Фомин.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросил ошеломленный Броземан.

— Сейчас ваше имя всем известно,— с улыбкой ответил Фомин.— Оно значится в приказе немецкой полевой жандармерии о вашем аресте. Этот приказ расклеен повсюду. А мы по нашему лесному телеграфу узнали, что у деда Яблукова живет немец, приметы которого точно совпадают с приметами разыскиваемого. Ну что ж, значит, и имя совпадает?

Курт подтвердил:

— Да, совпадает и имя.

Он внимательно рассматривал гостя:

— Вы очень хорошо говорите по-немецки.

— Профессия требует,— сказал Фомин.

— Бывшая?

— И бывшая и настоящая,— ответил Фомин, и в его словах прозвучали грустные нотки.— До войны я был учителем немецкого языка в Киеве. Вот сейчас мое знание немецкого языка и пригодилось.

Беседа становилась более оживленной. Фомин очень умело направлял ее. Скоро он уже

знал многое из жизни Курта. Его интересовали даже отдельные подробности.

— Ну а теперь к делу,— сказал Фомин.— От деда Яблукова мы узнали, что вы не хотите больше сидеть сложа руки. Что же вы намерены делать? Чем хотите заняться?

— Вы все время говорите «мы». Разрешите спросить, как это понимать.

— Мы — это значит партизаны. Здесь, в тылу врага, мы выполняем свой долг.

— Теперь понял. Мне очень жаль, что здесь гибнут сотни простых немецких солдат!

Медленно сворачивая папиросу, Фомин задал встречный вопрос:

— А на фронте разве гибнут не простые солдаты? Мне понятны ваши чувства по отношению к вашим соотечественникам. Нам, советским людям, тоже больно сознавать, что нацистам удалось втянуть в эту преступную войну сотни тысяч простых немцев — рабочих и крестьян. Но мы не можем исходить только из одних чувств, а должны учитывать реальные факты. Гитлеровская Германия навязала нам эту войну, напала на нас подло и вероломно. Тот, кто пришел к нам непрошеным гостем, не может рассчитывать на дружеские чувства...

В разговор вмешался второй партизан:

— Фашисты хуже зверей. Они сжигают наши города и села, грабят и убивают беззащитных людей. Они угоняют наших людей в Германию в рабство. Расстреливают и вешают беззащитных стариков, женщин и даже детей. Наш человеческий долг — бороться с фашистами.

Озадаченный Броземан молчал. Что он мог на это ответить? Конечно, эти люди тысячу раз правы. Разве можно оправдать зверства фашистов? Украдкой он посмотрел на Фомина.

Фомин встал, сделал несколько шагов по маленькой кухне и начал спокойно объяснять, что советский народ борется за освобождение от фашизма всего человечества, в том числе и немецкого народа.

Взгляд Курта застыл на горящих в печи поленьях, отбрасывающих яркий свет на стены кухни. Хозяйка удобно устроилась на теплой печи, а старик лесник о чем-то тихо разговаривал со вторым партизаном. Внимательно поглядывая на немца, Фомин крутил очередную козью ножку. Курту нравился этот симпатичный, умный партизан. Было только обидно, что он не совсем понимает партизана. И все же, несмотря на это, Курт не молчал и все время говорил о том, что его больше всего волновало.

— Мне трудно понять значение ваших слов. Для того чтобы разобраться в некоторых вещах, нужно время. Правда?

— Конечно,— согласился Фомин.— Но вы еще молоды, и вам не поздно учиться. Время найдется. Было бы желание.

Курт чувствовал, что все чего-то ждут от него. Медленно подошел он к Фомину и тихо проговорил:

— Я хотел бы вступить в ваш партизанский отряд.

Все внимательно смотрели на него. Несколько секунд на кухне стояла такая тишина,

что было слышно, как на печке мурлыкала кошка. Затем все поздравляли Курта, жали ему руку.

— Ну вот ты и сделал правильный выбор! — воскликнул лесник и достал бутылку самогона.

Все сели за стол. Положив Курту руку на плечо, Фомин объяснял:

— Я доложу командиру о твоей просьбе, он и решать будет. Я буду рекомендовать тебя. А теперь немного отдохнем. Часа через два нам надо идти.

В эту ночь Курт долго не мог заснуть: решение перейти к партизанам глубоко взволновало его. Заснул он только под утро, а когда проснулся, то в доме не было ни лесника, ни партизан. «Словно сон какой!» — подумал Курт.

Через несколько дней старые знакомые — Фомин и Костя — снова появились в доме лесника. Фомин сказал, что командир отряда хотел бы поговорить с Броземаном. Спустя час все трое уже шли по лесной дороге в партизанский лагерь. Шли долго, пока не наткнулись на искусно замаскировавшихся в лесу дозорных. Дозорные недоуменно смотрели им вслед и пожимали плечами.

Фомин провел Курта к одной из землянок, что-то тихо сказал часовому и ушел. В землянке, куда Костя привел Курта, находилось пять человек. Немца поразили чистота и порядок в партизанском жилище. Костя подробно рассказал партизанам о немце.

Один из них, молодой смышленный и бойкий паренек, подвинувшись к Курту, спросил:

— Значит, ты и есть тот самый обер-фельдфебель Броземан?

Немец утвердительно кивнул головой. Паренек и другие партизаны внимательно разглядывали Курта.

— Ребята! — вдруг воскликнул бойкий парень и хлопнул себя по коленям.— А ведь я сегодня разбогател!

— Ты что? Ну-ка расскажи! — торопили его товарищи.

Гриша неторопливо достал из вещмешка большой лист бумаги и, развернув его, протянул лист Курту. На листе большими черными буквами было написано: «Вознаграждение 5000 марок за поимку беглеца». Ниже помещалась фотография Броземана в арестантской куртке.

— А я и не знал, что мою голову так дорого ценят,— усмехнулся Курт.

Партизаны громко рассмеялись.

— Это еще не все,— снова заговорил Гриша.— Капитан Радлер, начальник полевой жандармерии, обещал того, кто живым или мертвым доставит Броземана, представить к Железному кресту.

— Мне кажется, скоро этот бандит получит березовый крест! — язвительно вставил один из партизан.

— Правильно, Петро,— поддержал его Гриша.— Мы давно его на примете держим.

Курт чувствовал, что попал к хорошим людям. Партизаны отнеслись к нему внимательно и тепло.

После обеда многие партизаны оставили землянки и ушли куда-то из лагеря. Большинство из оставшихся легли спать, чтобы выспаться «про запас».

Сначала Курт не знал, чем бы заняться. Ему казалось, что про него все забыли и он никому не нужен. Весь лагерь состоял из пяти больших землянок, хотя людей почти нигде не было видно.

Однажды он услышал в одной землянке оживленный разговор. Курт заглянул туда и увидел нескольких партизан, разбиравших немецкий пулемет. При его появлении один пожилой партизан радостно воскликнул:

— Легок на помине! А мы как раз тебя вспоминали. Мы вот тут спорим, никак не можем разобрать немецкий пулемет. Мучаемся, а ведь лучшего специалиста, чем ты, нам и не нужно!

Без долгих раздумий Курт принялся за работу. Он разбирал пулемет и, как мог, рассказывал партизанам о его устройстве. После этого к Броземану часто стали приходить партизаны, которых он учил владеть немецким оружием.

Отряд захватил много трофейного оружия, и Курт все чаще проводил такие консультации. Беседуя с новичками, только что пришедшими в отряд, Курт спрашивал их, что побудило их стать партизанами, что заставляло их рисковать своей жизнью. Он понимал, что эти люди пришли сюда по доброй воле. Что их привело сюда? Ненависть к фашистским захватчикам? Конечно, их ненависть

очень велика. Но, видимо, дело не только в этом.

И чем глубже старался Курт понять этих людей, тем чаще задумывался: а какая же цель у него самого? Партизаны борются за освобождение своей родины. А за что должен бороться он? Ведь он же немец!..

Прошли почти четыре недели, как Курт попал в партизанский лагерь. Все это время он помогал партизанам осваивать немецкое трофейное оружие. Однажды откуда-то неожиданно появился Костя, тот самый Костя, который вместе с Фоминым приходил к леснику. Он рассказал много новостей. Обращаясь к Курту, сказал:

— А для тебя у меня есть особая новость. Тебя вызывают в штаб. Мне приказано тебя проводить.

До штаба шли около часу. Из этого Броземан заключил, что те землянки, где он жил все это время,— своего рода запасной лагерь. Так оно и было на самом деле.

Штаб партизанского отряда существенно ничем не отличался от командного пункта обычной боевой части регулярной армии. Курта ввели в землянку командира. Вокруг стола, склонившись над развернутой картой, сидели несколько партизан и среди них Фомин. Из-за стола поднялся мужчина крепкого сложения с гладко выбритой головой. Он протянул Курту руку:

— Голубов.

Броземан по привычке вытянулся, приняв стойку «смирно». Командир отряда, казалось, не заметил этого.

— Ну а теперь перейдем, пожалуй, к официальной части.— Он поднялся и торжественно произнес: — Мы решили принять вас в наш отряд как равноправного члена нашей партизанской семьи. Приветствую и поздравляю вас.

От этих торжественных слов у Броземана защемило сердце. С одной стороны, он был рад, что его приняли в партизанский отряд. С другой — его волновала мысль: «А справлюсь ли? Оправдаю ли доверие?»

4

Так Курт Броземан стал партизаном. Теперь для него началась новая жизнь.

Партизаны помогали ему освоиться с особенностями их жизни. Но некоторые бойцы в разговорах и спорах с ним не всегда были достаточно терпеливы и сдержанны. Попадались и такие, которые откровенно выражали свою неприязнь. Но коммунисты тут же разъясняли им неправильность такого отношения к немцу. Броземан на каждом шагу ощущал стремление коллектива помочь ему освоиться с новой обстановкой.

Первые месяцы Курт почти все время посвящал изучению русского языка. Вскоре он познакомился с испанцем Педро Базилио. Они быстро подружились. Испанца в отряде очень любили. Он уже участвовал в нескольких боевых операциях и на деле показал свои способности.

В свободное время Педро и Курт почти всегда были вместе. Педро часто рассказывал о

своей жизни и о том, как он попал к партизанам. А было это так.

В начале 1942 года Педро вместе со многими политическими заключенными, находившимися в тюрьме в Вальядолиде, был освобожден. Однако ни ему, ни его товарищам по тюрьме не удалось даже попасть в родные места и увидеть родственников: всех их сразу же отправили в военный лагерь в Миранда-де-Эбро, а оттуда — на Восточный фронт.

В то время когда Курт готовился к побегу из тюрьмы, Педро везли на Восточный фронт. На фронте он попал в одно из тыловых подразделений испанской «Голубой дивизии».

По пути на фронт Педро с душевной болью думал о судьбе своей родины. Его угнетала форма фашистского солдата, он не хотел воевать на стороне гитлеровского вермахта, поднимать оружие против русских, которые помогали испанскому народу защищать республику от фашизма.

— Почему красные тогда не победили в Испании? — спросил его Броземан.

— Я расскажу тебе, как было дело в Каталонии в декабре тридцать восьмого года. Противник превосходил нас численно более чем втрое. Мы были плохо вооружены. Купленное республиканским правительством оружие доставить в страну не удалось, так как Франция не разрешила провозить его через свою территорию. На один наш самолет приходилось пятнадцать — двадцать фашистских. На один танк республиканцев — тридцать пять вражеских. И все же мы стойко дрались за каждую пядь земли.

— Что же произошло потом?

— Против нас ополчились правительства Франции, Англии, Америки, Италии, Германии. Все они помогали Франко душить республику. Не обошлось дело и без предательства. Республика была задушена. Начался кровавый террор.

Броземан внимательно слушал своего друга. Он сочувствовал Педро и восхищался им. Курту не терпелось узнать, что же произошло после подавления республики с Педро и его товарищами.

Испанец в нескольких словах рассказал.

— Сначала всех служивших в армии республиканцев заставили пройти регистрацию. Записав мои данные, меня через два дня отпустили домой. Едва я успел добраться до дому, как фалангисты снова схватили меня и посадили в тюрьму в Вальядолиде, откуда меня выпустили только в конце сорок второго года. По постановлению военного трибунала всех арестованных направили в военный лагерь Миранда-де-Эбро,— закончил он свой рассказ.

Педро знал, что на фронте не всегда бывает легко перебежать на сторону противника. В Ковеле, где их эшелон стоял почти целые сутки, много говорили о партизанах, которые действуют где-то поблизости. И Педро решил бежать. К счастью, это ему удалось.

Педро был неутомимым рассказчиком. Курт больше всего интересовался немцами, сражавшимися на стороне испанского народа. Узнав, что не все бойцы интернациональных бригад были коммунистами, Броземан очень удивил-

ся. Значит, среди немцев в Испании находились не только коммунисты, но и простые рабочие, которым был ненавистен фашизм!

Шли недели. Уже давно наступила зима. Начался 1943 год. Отряд готовился перейти на новое место. Повсюду — немецкие опорные пункты, комендатуры и посты полевой жандармерии. В город Новоград-Волынский, километрах в тридцати от которого располагался лагерь партизанского отряда, прибыли крупные эсэсовские и полицейские силы. Осенью угроза нападения с этого направления была меньшей, чем сейчас, когда землю сковал мороз. Партизаны со дня на день могли ожидать непрошеных гостей: отряд находился здесь уже несколько месяцев.

Командир отряда решил перейти на новое место, а для связи с местным населением направить нескольких пожилых партизан под видом крестьян в Новоград-Волынский, где они должны устроиться на работу и держать отряд в курсе всех событий.

Главная задача партизанского отряда, как и прежде, состояла в нарушении коммуникаций фашистских войск. Основные усилия отряд сосредоточивал на участке железной дороги Шепетовка — Новоград-Волынский — Житомир. На этой линии в конце 1941 года партизаны пустили под откос первый немецкий эшелон с военными грузами. С тех пор командир группы Валентин Борисов, участник этой первой успешной операции, входил в ядро партизанского отряда. Молодые партизаны

слушали его рассказы с особым интересом.

— В то время нас было всего несколько человек,— рассказывал Борисов.— Но наш командир так и рвался в бой. По железной дороге непрерывным потоком шли на фронт эшелоны с фашистской боевой техникой. Обратно фашисты везли награбленное продовольствие, руду и другие ценности. Сначала мы разбирали железнодорожное полотно и так пускали под откос поезда. Но этот способ был ненадежен и причинял фашистам мало вреда. Надо было переходить к взрывам. Но у нас не было взрывчатки. Однажды на одной разбитой артиллерийской позиции мы нашли несколько стодвадцатидвухмиллиметровых снарядов и решили сделать из них самодельные мины. Взрыватели мы вывернули. Запального шнура у нас не было. А где его взять? Тогда мы оторвали от рубах подшитые подолы и набили их порохом. Эту «пороховую колбасу», как мы назвали наш запальный шнур, воткнули в очко головки снаряда и хорошо изолировали. Другой конец «колбасы» воткнули в спичечный коробок, начиненный порохом. Этот снаряд мы зарыли под рельсом, а коробок закрепили сверху. Отбежав в укрытие, мы стали наблюдать. Через некоторое время вдали показался поезд. Как только коробок попал под колеса паровоза, порох от давления воспламенился и пламя быстро начало пожирать «колбасу», подбираясь к снаряду. Раздался взрыв, и паровоз, а с ним и несколько вагонов полетели под откос. В следующий раз мы стали закапывать уже

по нескольку снарядов в одном месте. В результате получались очень мощные взрывы. Недостатком этого метода было то, что мы могли вести подрывные работы только в сухую погоду.

Подобные рассказы казались Курту сначала неправдоподобными. Но со временем он убедился, что партизаны очень находчивы и изобретательны. Невероятное на самом деле часто оказывалось таким простым! Во всех этих небольших операциях решающим была не техника, а люди. Люди смелые и решительные, чувствующие за собой поддержку всего народа.

Эти люди ежедневно окружали Курта, учили его. Они не только знали, что и как надо делать, главное — они глубоко сознавали необходимость своих действий.

Курт быстро сдружился с Костей. Ему нравился этот подвижной и смелый парень, готовый всегда помочь, объяснить. В свободное время Курта иногда навещал капитан Фомин и комиссар отряда Левченко. Каждая беседа с ними давала Броземану что-то новое, на что-то помогала взглянуть иными глазами.

Особенно большое впечатление произвел на Курта один эпизод, свидетелем которого был он сам. От своих связных командир партизанского отряда узнал, что фашисты сожгли расположенный в двадцати километрах от лагеря лесной поселок. Командир отряда поручил Косте подробно узнать об этом новом злодеянии фашистов.

— Не послать ли нам вместе с Костей и товарища Броземана? — предложил комиссар.—

Думаю, что настало время посмотреть, как он будет действовать.

Командир согласился. Костя и Курт вместе направились в поселок.

В поселке была лесопилка и двенадцать деревянных домиков. Когда Костя и Курт подошли к поселку, их взорам представилась страшная картина. Потрясенные, они невольно остановились. Костя застыл в молчании, прислонившись к дереву.

На месте поселка остались только кирпичные стены лесопилки да обуглившиеся балки деревянных домов. Среди пепла, как обгоревшие колонны, возвышались три дымовые трубы. Кругом — ни души.

— Пожар? — робко спросил Курт.

Костя ничего не ответил. Немного погодя он внимательно осмотрелся и медленно пошел к сожженному поселку. Обойдя небольшое озеро, они вышли на дорогу, ведущую в поселок. Запах гари стал сильнее. Кругом — мертвая тишина.

Молча шли они через пожарище. Вдруг Костя остановился перед уцелевшей кирпичной стеной.

— Лесопильную раму и другие машины... Не может быть, чтобы они сгорели.

— Возможно, их вывезли? — выдавил из себя Курт.

— Похоже, что так. Но куда? Здесь что-то не так.

Костя повернулся и направился к лесу. Начали искать следы. Прошло несколько часов, но никаких следов найти не удалось. Усталый, Костя сел на свежеспиленное дерево, закрыл

лицо руками и задумался. Что же произошло в поселке? Куда исчезли люди и машины с лесопилки?

Костя встал.

— Пошли,— решительно сказал он.— Поищем в дубняке.

Когда они подошли к дубовому лесу, уже темнело. Костя остановился и несколько раз глубоко вдохнул.

— Паленым пахнет,— тихо сказал он.

Курт тоже понюхал, но ничего не почувствовал. Через четверть часа они заметили тонкий, поднимающийся вверх дымок. Он шел из землянки на склоне небольшого холма, густо поросшего мощными дубами. Когда Костя и Курт подошли к землянке, перед ними внезапно появилась маленькая худенькая женщина. Увидев пришельцев, она радостно закричала:

— Наши! Друзья! Люди, выходите! Наши!

Показалось еще несколько женщин и старик. Они узнали Костю. Он по очереди пожал им руки и, едва сдерживая волнение, спросил:

— Что у вас тут случилось?

— Моего Петра... Моего Петра они застрелили,— кричала одна женщина.

— И моего мальчика убили, проклятые бандиты! — рыдая, сообщила другая.— Ему еще и пятнадцати не было.

Пожилая женщина закрыла лицо руками и тоже зарыдала.

— Подождите. Расскажите все по порядку, что здесь произошло,— попросил их Костя.— Расскажи лучше ты, Настя...

Он повернулся к стоявшей поодаль молодой женщине в тяжелых мужских сапогах и ватной телогрейке.

— Ох,— начала Настя,— беда за бедой так на нас и валится. Ты ведь знаешь, что, с тех пор как сюда пришли фашисты, лесопильная рама не работала. Некоторые части мужики сняли и унесли в лес. На прошлой неделе к нам в поселок на четырех машинах приехали немцы. Согнали нас всех в кучу, и один длинный черт — их офицер приказал нам пустить раму в ход. Им нужны были брусья для моста. Мы ему объяснять, что ничего не можем сделать, частей, мол, нет. А он и слушать не стал. Все время орал: «Давай, давай!» И приказал солдатам гнать нас всех на работу. Пригнали нас к лесопилке. Один солдат осмотрел раму и увидел, что некоторых частей на самом деле нет. Сказал что-то офицеру. Офицер начал орать еще сильнее. Он потребовал, чтобы не позже чем через час все части были найдены и лесопилка работала. Грозил расстрелять всех мужчин, если его приказ не будет выполнен. Мы умоляли его поверить, что части от рамы сняты и увезены при отходе нашей армии, что их здесь нет. Но все наши мольбы и просьбы были напрасны. Офицер назвал нас партизанскими свиньями и засек время.

Женщина на минуту замолкла и посмотрела на Курта. Тот отвернулся, чтобы не встретиться с ней взглядом. В душе он проклинал себя за то, что пошел в этот поселок. «Лучше сквозь землю провалиться,— думал он,— чем видеть эти полные страдания лица».

— Ну рассказывай дальше,— тихо попросил Костя.

Настя посмотрела на других женщин, провела рукой по усталому лицу. Дрожащим голосом она продолжала:

— Жутко рассказывать, но что мы могли сделать! Фашист сдержал свое слово. Трех мужчин, которые были в этот день в поселке, и парня Марии они расстреляли на месте. Потом бандиты погрузили машины и подожгли поселок.

Костя снял шапку. Курт последовал его примеру. Он хотел что-то сказать этим людям, но не мог произнести ни слова. Быстро подошел к лежащей на снегу рыдающей женщине и поднял ее.

Темнело. Небо затянули черные тучи. Подул холодный северный ветер. Курт прислонился к стволу дуба и задумался: «Сейчас, наверное, пойдет снег. Что же будет с этими людьми?» Мысли снова и снова возвращались к только что виденному и пережитому: «И это сделали мои соотечественники, немцы!»

Зверства гитлеровцев и горе советских людей потрясли Курта сильнее, чем суд военного трибунала и заключение в тюрьму. Дрожа всем телом, он никак не мог совладать с собой, взять себя в руки.

Поговорив с жителями поселка о помощи, которую могли бы им оказать партизаны, Костя коротко бросил Курту:

— Нам пора. Пошли.

. Дрожа как в лихорадке, Курт шел за молчавшим Костей.

В отряд они пришли поздно ночью и сразу

же легли спать. Курт долго не мог заснуть. Во сне его мучили кошмары: пляшущее пламя горящего поселка, расстрел пятнадцатилетнего паренька, женщина, на коленях молящая немецкого офицера о милосердии и пощаде...

5

Пролежав почти всю ночь без сна, Курт на рассвете вышел из землянки на воздух. Ветер недовольно шевелил кроны деревьев. Вскоре из соседней землянки появился Фомин. Курт быстро подошел к нему и, сбиваясь от волнения, заговорил:

— Почему до сих пор меня не посылают на боевые задания? Мне осточертели эти занятия с оружием. Что я — профессор, что ли? Я — солдат!

— Занятия с оружием — дело очень важное,— серьезно ответил Фомин.— Кто проведет их лучше вас? Оружие-то немецкое!

— Но я не могу больше сидеть в теплой землянке, когда другие воюют...

— Видите ли, мы посылаем на боевые задания только тех, кто идет в бой по убеждению.

Курт обиженно посмотрел на капитана:

— Ах, вот оно что! Теперь мне все ясно. Вы еще не забыли о моем прошлом? Но я давно уже не тот. Теперь я встал на другой путь и не хочу больше возиться с этим оружием.

— Хорошо,— сказал Фомин,— я поговорю об этом с командиром.

В штабе отряда было решено привлечь Броземана для участия в партизанских опера-

циях. Теперь те знания, которые Курт приобрел в фашистской армии, пригодятся ему в борьбе против гитлеровцев.

В начале февраля 1943 года партизаны узнали о полном разгроме фашистских войск на Волге. Эта победа Красной Армии воодушевила партизан на еще более активную борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Курту не терпелось принять участие в какой-нибудь крупной операции.

Командование решило создать в отряде так называемую интернациональную группу, в которую вошли испанец Педро Базилио, два словака, перешедшие к партизанам, несколько украинцев и донской казак. Неожиданно для Курта его назначили командиром этой группы.

Первое боевое задание, порученное Броземану, было очень серьезным. Ему с группой предстояло взорвать шоссейный мост через реку, усиленно охранявшийся фашистами. Несколько недель назад партизаны дважды пытались подойти к нему, но безуспешно. Подступы к мосту были заминированы и прикрыты проволочным заграждением. Кроме того, четыре немецкие огневые точки простреливали всю прилегавшую к мосту местность. В отряде обсуждалось немало планов подрыва моста, но найти подходящий не удавалось. Непосредственная атака моста привела бы к слишком большим потерям. Пробраться через минное поле ночью вряд ли удалось бы. Подплыть к мосту по воде тоже дело безнадежное: немцы протянули через реку несколько рядов колючей проволоки. Идти по шоссе рав-

носильно безумию. И хотя охотников принять участие в этой дерзкой операции было больше чем достаточно, Броземан не хотел рисковать жизнью людей.

Разведчики доложили, что охрана моста состоит из восемнадцати солдат и трех унтерофицеров; все они находятся в одном блокгаузе, расположенном непосредственно на мосту. Днем только у двух пулеметов дежурят по два человека, а на мосту стоит один часовой. Ночью же охрана усиливается: расчеты дежурят у всех четырех пулеметов, а на мосту выставляется парный пост.

С наступлением темноты по шоссе проходили колонны автомашин, поэтому немцы немедленно открывали огонь по любому живому существу, приближающемуся к мосту ночью.

Учитывая обстановку, Броземан предложил командиру отряда провести операцию днем, применив тактику внезапного нападения. План операции Курт детально обсудил со своими бойцами.

По приказу командира отряда Голубова группа Броземана была увеличена до пятнадцати человек, все переодеты в немецкую форму и вооружены немецким оружием.

— Это будет мое первое боевое крещение,— говорил Курт своему испанскому другу.

— Первое боевое крещение? — удивился испанец.— Ты же несколько лет воевал на фронте и уже нюхал пороху.

— Это совсем не то. На этот раз я буду воевать на другой стороне.

— Теперь ты воюешь на верной стороне и знаешь за что,— подбодрил его Педро.

— Ты прав, теперь я знаю, за что борюсь, и все же очень волнуюсь и даже немного боюсь... Боюсь первой встречи с немцами...

— Может быть, ты еще не совсем созрел для этого и тебе еще рано вступать в эту борьбу? — спросил испанец.

Вспыхнув, Курт вскочил и зло посмотрел на Педро.

— Говоришь, рано? — крикнул он возбужденно.— Смотри еще раз не скажи такое! Рано? Наоборот! Я слишком долго ждал этого. Да, да! Слишком долго! Здесь...— Он достал из бокового кармана несколько листовок.— Здесь у меня выступление Вильгельма Пика по радио. Это — избранный народом депутат рейхстага. Он учит, что должен делать каждый честный немец. И я хочу следовать его совету.

Голос Бросемана дрожал.

— Первый шаг я сделал почти год назад. А второй? Сам видишь, только сейчас! Значит, не рано, а...— Не договорив, он махнул рукой.

— Я не хотел тебя обидеть,— примирительно сказал Базилио.— Но если ты так считаешь, то тебе нечего бояться первой встречи с твоими врагами.

Успокоившись, Броземан проговорил:

— Извини меня. Ты абсолютно прав.— Он протянул ему руку и решительно добавил: — Теперь я знаю, что, для того чтобы участвовать в борьбе за свободную Германию, нужно руководствоваться не чувствами, а реальными фактами и здравым человеческим разумом. С

сегодняшнего дня я буду действовать именно так.

Операция по подрыву моста началась точно по плану. Группа Броземана, переодетая в немецкую форму, неожиданно появилась в одной из деревень. Встав на шоссе, Броземан и несколько партизан с металлическими бляхами (знаками фашистской полевой жандармерии) на груди якобы для проверки документов останавливали проходящие через деревню отдельные машины. Одним из первых был остановлен немецкий грузовик. Броземан приказал водителю поставить машину на обочину дороги, а двух солдат и унтер-офицера, документы которых оказались якобы не в порядке, задержал для выяснения. Примерно через полчаса таким же образом был захвачен и легковой автомобиль.

Во второй половине дня партизаны сели в обе машины и направились по шоссе к мосту. В это же время другая группа партизан перерезала телефонный провод, лишив охрану моста связи с комендатурой. Незадолго до наступления темноты обе машины остановились перед мостом, около блокгауза, служившего немцам караульным помещением.

Переодетый в форму немецкого обер-лейтенанта, Броземан велел часовому вызвать начальника караула. Подбежавшему фельдфебелю Броземан объяснил, что обстановка в районе очень тяжелая: поблизости действует крупный партизанский отряд, усиленный заброшенными сюда красными парашютистами. Поэтому для усиления охраны моста сюда направлена группа в пятнадцать человек. На

лице фельдфебеля было нетрудно прочесть нескрываемое выражение страха. Ему и в голову не пришло проверить документы у прибывших.

— Срочно соедините меня с комендатурой,— потребовал Броземан, входя в караульное помещение.

Фельдфебель кивнул головой обер-ефрейтору, тот бросился к аппарату и начал крутить ручку полевого телефона. С минуту подержав трубку у уха, обер-ефрейтор тяжко вздохнул и снова начал крутить.

— Ну? Скоро будет связь? — нетерпеливо спросил фельдфебель.

— Господин фельдфебель, линия, кажется, повреждена, — заикаясь, ответил обер-ефрейтор.

Одним прыжком фельдфебель подскочил к телефонному аппарату, яростно тряхнув ящик, приложил трубку к уху.

— Нет связи, господин обер-лейтенант,— сказал он испуганно.— Линия, видимо, действительно повреждена.

— Скоты проклятые! — начал ругаться теперь Броземан. —Это, конечно, дело рук партизан, черт бы их побрал!

Броземан бросил быстрый взгляд на окружавших его солдат и, повернувшись к фельдфебелю, решительно и твердо сказал:

— Приказом командования начальником караула назначен я. Излишние разговоры запрещаю. Делать все четко и быстро. Моих людей — они хорошо отдохнули — использовать для усиления постов. Об остальном я распоряжусь позже.

Броземан отвел фельдфебеля в сторону и тихо зашептал ему на ухо:

— Я получил еще один приказ. Некоторых из ваших людей я должен немедленно арестовать за связь с партизанами. Их четверо, но известны имена только двоих. Дайте список состава караула и всех, кроме часовых, стоящих на постах, постройте в большой комнате отдыха. Без оружия... Но только быстро! Темпо! Нельзя терять ни минуты!

Фельдфебель рявкнул несколько раз «яволь» и побежал выполнять приказание. Броземан кивнул стоявшему рядом Педро Базилио, и тот выбежал на улицу. Несколько партизан спрыгнули с грузовика и заняли все посты.

Не прошло и двух минут, как фельдфебель доложил, что личный состав караула построен.

Броземан, обращаясь к вернувшемуся Базилио, громко, так, чтобы слышно было фельдфебелю, сказал:

— Окружите блокгауз. Если кто попытается бежать, расстреливать на месте!

На мгновение в блокгаузе воцарилась мертвая тишина. Броземан достал из бокового кармана записную книжку, полистал ее и, обращаясь к фельдфебелю, спросил:

— Ну а как зовут вас?

— Фельдфебель Шрейбер, господин обер-лейтенант!

— Так-так... Значит, фельдфебель Шрейбер. Гм... К сожалению, я вынужден вас арестовать. Разумеется, только на время, пока выяснятся все обстоятельства. Дайте мне ваше оружие!

Едва не падая от страха, фельдфебель, сильно согнувшись, дрожащей рукой протянул Броземану пистолет. В этот момент испанец Педро и восемь партизан ворвались в караульное помещение. Фельдфебеля увели. Рядом, в большой комнате отдыха, посыпались стекла выбитых окон. Через несколько секунд девятнадцать фашистских солдат стояли с поднятыми руками.

Броземан посмотрел на часы. Ровно тринадцать минут потребовалось партизанам для того, чтобы разделаться с охраной моста. Сняв часовых, подрывники Борисова минировали мост и ждали сигнала, чтобы поджечь запальный шнур. Партизаны вскочили в машину. Броземан и Борисов ушли с моста последними. Пламя сантиметр за сантиметром пожирало запальный шнур, все ближе и ближе приближаясь к четырем подрывным зарядам. Укрывшись вместе с Борисовым за штабелем дров, Броземан с затаенным дыханием следил за синеватым огоньком, бежавшим по шнуру.

— Сейчас снег пойдет,— сказал Борисов, закуривая.

Броземан только кивнул головой.

— Долго еще? — нетерпеливо спросил он своего товарища.

— Примерно полминуты.

— А кажется — вечность... Да, снег нам очень кстати. Заметет всю нашу работу.— Броземан потер снегом замерзшие руки.— Надо будет посмотреть...

Слова Курта потонули в оглушительном грохоте взрыва. Один камень упал на дрова.

Там, где только что был мост, все было окутано дымом и пылью.

— Давай быстренько посмотрим, что там получилось,— предложил Борисов.

От моста не осталось и следа. Борисов со своими подрывниками сделал свое дело. Курт признательно пожал ему руку. Но украинец огорченно махнул рукой.

— Это что! Чепуха... Вот когда после войны придется снова строить этот мост, тогда будет намного труднее. И времени и сил потребуется больше.

Этот скромный партизан был хорошим специалистом подрывного дела. Но в отряде лишь немногие знали, что он инженер-строитель и ему больше по душе строить, чем разрушать. Многие годы он проработал на крупных стройках, и только война заставила его стать подрывником.

Операция по подрыву моста обсуждалась в отряде во всех подробностях. Командир отряда Голубов и комиссар Левченко хвалили и критиковали отдельные фазы операции. Цель такого обсуждения состояла в том, чтобы научить партизан в следующий раз действовать еще лучше.

После этой операции Курт Броземан вновь обрел уверенность в себе, в своих силах. До сих пор его все время одолевали мрачные мысли, от которых он никак не мог освободиться. То, что фашизм — его враг, ему было ясно. Но как он будет себя чувствовать в бою против своих соотечественников, когда встре-

тится с ними лицом к лицу? Этот вопрос мучил его больше всего. Теперь все это осталось позади. При выполнении своей первой самостоятельной задачи он чувствовал себя уверенно, действовал хладнокровно.

— Когда я увидел у блокгауза фельдфебеля, волнение и сомнение как рукой сняло, — откровенно рассказывал он комиссару. — Честно говоря, сначала меня мучили угрызения совести. В первые недели я никак не мог себе представить, как это я буду стрелять в немцев. Понять это помог мне мой испанский друг Базилио. Ему я особенно благодарен. Он сражался в Испании. Там тоже были разные немцы: одни воевали на стороне республиканцев, другие — на стороне фашистов.

— Да, именно так оно и было, — задумчиво перебил Курта комиссар. — Война в Испании была для германских фашистов генеральной репетицией к этой войне. А немцы-интернационалисты жертвовали своей жизнью ради того, чтобы избавить свой народ от самого страшного. В Испании, как видишь, столкнулись два мира.

Комиссар закурил и продолжал:

— Многие немцы, которые сражались в Испании за честь Германии, сейчас воюют вместе с нами против фашизма. Гитлеровцы называют их изменниками и предателями. На самом деле они самые порядочные немцы.

— Трудно понять все это сразу.

— Согласен с вами. Ведь вас готовили отнюдь не к этому.

— Скажите откровенно, вы не боялись, что во время операции я могу вас подвести?

Комиссар засмеялся и в свою очередь спросил:

— Сомневаетесь в нашем умении разбираться в людях? — Затем уже серьезно добавил: — Мы посылаем на задания только тех, кому мы доверяем полностью.

— А я-то думал, что мои бойцы все время будут следить за каждым моим шагом, — как бы про себя проговорил Броземан и отвел взгляд в сторону, чтобы не смотреть в глаза комиссару.

— Они, конечно, так и делали. Но только для того, чтобы видеть, как идут дела у их командира. Послушайте, что говорят об этом в лагере, и вы убедитесь, что вам верят.

В землянку вошел связной.

— Товарищ комиссар! Вам письмо, — многозначительно заметил он.

— Ага, последние известия! — Левченко быстро пробежал глазами листок бумаги. Его лицо засветилось от радости. — Как жаль, что у нас нет своей рации! Но ничего. Такие сообщения и из вторых рук ценны.

Когда комиссар закончил чтение сводки Информбюро, в землянке раздалось мощное «ура». Эта радость была вполне понятна: после поражения на Волге враг все дальше и дальше откатывался на запад, и каждый успех советских войск был еще одним шагом на пути к освобождению Советской страны. В эти дни партизаны больше всего говорили о новом наступлении советских войск.

Однако радость партизан была омрачена одним печальным обстоятельством. Связные, прибывшие из города, сообщили, что кто-то

регулярно передает немцам информацию. Кто этот негодяй? Где он? Неужели в отряде? Это серьезно беспокоило командование отряда. Располагая точной информацией, враг мог нанести внезапный удар по отряду.

В этой обстановке командование решило немедленно сменить место расположения отряда. Но как найти предателя? Кого заподозрить в предательстве? Фомин мысленно перебрал в памяти все имена людей, недавно прибывших в отряд или имевших родственников в ближайших населенных пунктах.

Было решено переместиться на двадцать километров севернее, в запасной лагерь. Голубов приказал во время перемещения никаких действий против фашистов не предпринимать. Разрешалось проводить лишь поиски небольшими группами. Поисковым группам запрещалось заходить в населенные пункты и общаться с местным населением.

Прошло более недели, но напасть на след предателя все еще не удалось. В то же время партизанские связные сообщали об арестах немцами родственников некоторых бойцов отряда.

Командир торопил капитана Фомина с решением загадки: кто передает сведения врагу? Действовать в такой обстановке было не только трудно, но и крайне опасно.

— Примите все меры, но выясните наконец, в чем дело, — требовал Голубов.

Однажды вечером в штаб влетел Костя, командир связных. Оглядевшись и никого, кроме Голубова и Фомина, не увидев, шепотом проговорил:

— Мне кажется, мой заместитель — Кравчук за последнее время как-то изменился. Часто что-то пишет...

— Это еще ни о чем не говорит, — заметил Голубов.

— Как ни о чем? — возразил Костя. — Тогда зачем он делает это тайно?

— Что за человек этот Кравчук? — спросил командир.

— Да вроде ничего. Разведчик он толковый.

— Так, — заметил Фомин. — Но он из тех, о ком мы знаем далеко не все. Говорит, что он якобы бежал из плена.

— Ну и что дальше? — торопил Голубов.

— В бою ведет себя вроде бы нормально, но вперед особенно не лезет, — продолжал Костя.

— Хорошо, — решил командир. — Мы проведем разведку в некоторых деревнях, расположенных вблизи нашего зимнего лагеря, и понаблюдаем как следует за этим парнем. О подробностях поговорим потом.

— Ясно, товарищ командир. — Костя встал и вышел.

Через три дня разведчики вернулись. Покрытое багровыми пятнами лицо Кости выражало сильное возбуждение. Он сразу же направился в штаб на доклад. Голос его дрожал.

Голубов слишком хорошо знал смелого разведчика, чтобы не понять, что произошло что-то серьезное. Поэтому, когда Костя начал докладывать по всей форме, командир отряда махнул рукой и нетерпеливо сказал:

— Сначала расскажи о главном.

— Наши предположения полностью подтвердились. Кравчук — предатель. — Костя не торопясь достал из бокового кармана листок бумаги. — Эту записку он передал в Наталовке одному бывшему кулаку, которого мы перехватили, когда он шел к фашистам. Бумажку эту мы забрали, а его, подлеца, прикончили.

— Кравчук знает об этом? — спросил Фомин.

— Нет. Я послал его в соседнюю деревню, а сам с двумя ребятами остался.

Голубов внимательно рассматривал записку Кравчука фашистам. В ней была в деталях описана операция Броземана по подрыву моста и точно указано место расположения партизанского отряда.

— Есть вопросы, товарищи? — спросил командир. — Нет? Тогда давайте сюда эту гадину.

В штабную землянку вошел Кравчук.

— Расскажи-ка нам, сукин сын, что за игру ты ведешь здесь, в отряде, — гневно начал допрос Голубов.

— Не понимаю. Какую игру? — нагло спросил Кравчук.

— Командир сжал кулаки.

— Игру с фашистами, негодяй! — крикнул он, вскакивая.

Кравчук побледнел, его колени заметно дрожали. Со страхом смотрел он на огромные кулаки Голубова и не мог произнести ни слова.

— Говори! Живо! — наседал на предателя Фомин.

— Я ничего не знаю, — ответил немного пришедший в себя Кравчук.

— А это кто писал? — и Голубов показал записку Кравчуку.

— Если вы и так все знаете, то чего же спрашиваете! — дерзко ответил предатель. Он прекрасно понимал, что отпираться уже бесполезно.

— Кто еще работал с тобой? — спросил Фомин.

— Я никого не знаю, я работал один, — ответил Кравчук.

— А Морский? — наугад спросил Фомин.

Морский пришел в отряд почти одновременно с Кравчуком. Предатель пожал плечами. Голубов подошел к нему вплотную и сквозь стиснутые зубы гневно крикнул:

— Отвечай!

— У Морского было такое же задание, как и у меня.

— Какое?

— Работать... Работать на... гестапо, —заикаясь, признался предатель.

— Ух, гадина! — только и мог сказать командир и, дрожа от негодования, вышел из землянки.

Через полчаса около штабной землянки построились партизаны. Начальник штаба зачитал короткий приказ. Раздался залп...

6

После удачно проведенной операции по подрыву моста Броземан обрел душевное равновесие. Как-никак, а это была его первая

операция, завершившаяся таким блестящим успехом. Его действия были высоко оценены командованием. Перед строем личного состава отряда командир объявил ему благодарность.

Любое задание командования Курт старался выполнять безупречно. У него появилось желание совершить что-нибудь героическое, чтобы завоевать доверие партизан.

Его безрассудное ухарство чуть было не сорвало проведение одной крупной операции. Боевая группа в составе сорока человек получила задание уничтожить опорный пункт гитлеровцев в большой деревне и захватить расположенный там склад продовольствия. В состав группы входило и отделение Броземана. Отделению было приказано перекрыть с севера ведущую в деревню дорогу и отрезать противнику путь отхода в этом направлении.

С позиции, занятой отделением Броземана, хорошо просматривался колхозный двор — отдельные строения, окруженные проволочным заграждением в два кола. В нескольких домиках в центре двора и располагались фашисты. На силосной башне был выставлен пост с пулеметом. У одного сарая стояло несколько грузовых автомашин; немецкие солдаты то и дело сновали по двору.

Атака опорного пункта должна была начаться с наступлением темноты. Времени оставалось почти полчаса. Курт обсуждал со своими товарищами возможный ход боя. Решили, что один из партизан незаметно для гитлеровцев проберется к сараю и подожжет его. Когда фашисты побегут тушить пожар, партизаны через проделанный в проволочном за-

граждении проход ворвутся в опорный пункт и уничтожат его.

— Скорей бы начиналось, а то замерзну. Чертовски холодно лежать на голой земле, — проворчал один партизан, казак с Дона.

— Да, неплохо бы развести костерчик, — сказал Педро Базилио.— Удивляюсь, как это я до сих пор не замерз у вас.

— Знаешь, браток, — ответил ему казак, — с такой горячей кровью, как у тебя, можно выдержать самые лютые морозы.

— Что же ты сам-то дрожишь как щенок? — подтрунивал над казаком пожилой украинец.— Ешь больше луку, и не будешь мерзнуть.

Казак сердито посмотрел на насмешника. Больше всего на свете он не любил лук.

Наступила темнота. Затаив дыхание, партизаны ждали, что вот-вот вспыхнет пожар. Время шло, а в опорном пункте все было тихо.

Бойцы отделения Броземана уже начали думать, что что-то случилось и операция сорвалась. Но через несколько минут через крышу одного из сараев стал прорываться небольшой язык пламени. Пламя росло и вскоре охватило все строение. Среди немцев поднялась паника. В отблесках пламени было видно, как они метались за проволочным заграждением. До партизан доносились обрывки команд и брани. Огонь уже подбирался к одному из хранилищ. Гитлеровец, сидевший у пулемета на силосной башне, выпустил зеленую и красную ракеты.

— Почти все фашисты, — тихо проговорил

Педро, — сейчас заняты на пожаре. Они и оружие-то небось в домиках оставили. Здорово придумал командир. Просто здорово!

Курта охватила лихорадочная дрожь.

— Почему наши не атакуют? Такой удобный момент! — волнуясь, сказал он. — Если они сейчас не атакуют, ударим мы. Здесь нам делать нечего.

— Может быть, с той стороны обстановка видна лучше, чем нам, — высказал предположение пожилой партизан.

— Да, но нельзя же ждать, пока сарай совсем сгорит, — вмешался в разговор нетерпеливый казак.

— Пошли! — решительно сказал Броземан. — На всякий случай подойдем поближе к заграждению и поддержим огнем ребят.

Отделение оставило свою позицию, подошло ближе ко двору и открыло огонь из автоматов. Бой захватил Броземана. Ручными гранатами ребята проделали проход в проволочном заборе и ворвались в опорный пункт. Фашисты почти не сопротивлялись. Только из одного дома они вели интенсивный огонь.

Прошло не больше десяти минут, а сопротивление гитлеровцев было уже подавлено. Начальник штаба отряда, руководивший этой операцией, возле одного из домов столкнулся с Броземаном.

Пораженный неожиданной встречей здесь, он несколько секунд стоял как вкопанный.

— Вы почему здесь? — спросил он растерянно. — Все отделение? А как же заслон на дороге, у въезда в деревню?

Броземан виновато молчал. Со стороны до-

роги, где должно было находиться его отделение, послышался шум моторов. Курт бросился со своими бойцами к оставленной им позиции, но было поздно. Три немецкие машины уже подъезжали к деревне. В отчаянии он смотрел на проезжавшую мимо первую машину.

— Сволочи! — вырвалось у него.

На бегу он скомандовал своим бойцам:

— Гранаты — к бою!

В этот момент мимо уже проходила вторая машина. Курт выскочил на шоссе и во весь голос закричал по-немецки:

— Стой! Остановитесь!

Он готов был на все, лишь бы исправить свою ошибку. Последняя машина заскрипела тормозами и остановилась.

— В чем дело? — спросил водитель.

— Никаких вопросов! Поворачивайте назад! Деревня занята партизанами. Я один уцелел.

Заметив, что командир машины заколебался, Броземан стремительно бросился в кювет и открыл огонь из автомата. Бойцы его отделения бросили в машину несколько гранат.

В это время первая машина уже въезжала в деревню. Партизаны встретили ее сильным огнем. Разрывы ручных гранат вздымали в воздух комья земли и снега. В панике гитлеровские солдаты соскакивали с машины и метались по сторонам, ища укрытия.

Хотя больше половины подкрепления и было уничтожено, бой все же затянулся. Лишь через час обстановка прояснилась. Несколько партизан были ранены, из них двое — тяжело.

Выполнить задачу полностью не удалось, и начальник штаба приказал группе отойти.

На следующий день командир отряда проводил разбор этой операции. Больше всего говорили о Курте, обсуждали его поведение в бою. Вокруг костров группами стояли и сидели партизаны. Прислонившись к березе, Курт стоял с опущенной головой, не решаясь смотреть товарищам в глаза. Тяжело ему было слушать слова командира.

— Скажу прямо, — говорил Голубов, — за такие дела у нас не поздоровилось бы никому. Но, осуждая поступок Броземана, нельзя подходить к нему с обычной меркой. Надо признать, что мы еще не смогли полностью довести до его сознания глубокий смысл нашей дисциплины.

— Но ведь я хотел как лучше... — тихо проговорил Броземан.

— Разумеется, — ответил командир. — Действовали вы хорошо, смело и решительно. Но вы нарушили приказ и чуть было не загубили всю операцию.

Броземан молча кивнул головой, сделал один шаг вперед и дрожащим от волнения голосом сказал:

— Вы правы: я виноват. Во мне еще сидит что-то старое. Я не могу быть командиром партизанской группы. Не имею права!

Все вокруг громко заговорили. Поднялся комиссар и попросил слова:

— Мне не нравится, что товарищ Броземан решил так легко уйти от ответственности. Я считаю, что он должен остаться командиром

группы и на деле доказать свою сознательность.

Со всех сторон послышались возгласы одобрения:

— Правильно!

— Так легко, товарищ Броземан, сдаваться нельзя!

— Надо иметь мужество признать свою ошибку!

— Вот именно. Ты же неплохой парень!

Курту казалось, что он стоит на раскаленных углях.

— Надеюсь, — сказал командир, — товарищ Броземан учтет все сказанное здесь и сделает правильные выводы. Я согласен с комиссаром.

— И все же я чувствую себя неловко. Как я могу оставаться командиром группы, если у меня полно ошибок и... — Броземан запнулся на полуслове и беспомощно посмотрел на командира отряда.

Голубов кивнул головой и ответил:

— Это хорошо, что вы чувствуете свою вину. Мне кажется, вам надо еще поработать над собой.

В этот вечер бойцы отделения Броземана долго не ложились спать. Они сидели в тесной землянке, окружив кольцом маленькую печку. И хотя «буржуйка» уже давно погасла, в землянке было жарко. В табачном дыму едва можно было разобрать, кто где сидит.

— Как в смолокурне, — шутливо заметил вернувшийся с поста словак.

Говорили о том, как могло случиться, что они не остановили своего командира от опрометчивого поступка. Курт сидел сгорбившись

на ящике из-под патронов. Он чувствовал себя внутренне опустошенным и никак не мог освободиться от чувства какой-то раздвоенности. И когда он об этом сказал своим товарищам, те негромко засмеялись. Только один — всегда веселый донской казак — на этот раз остался серьезным. Тряхнув своей кудрявой головой, он сказал:

— Курт Павлович, сегодня ты сделал великое открытие. Человека разделить на части нельзя, но внутри его могут жить две души.

— У тебя они обе очень черные, — пошутил кто-то из партизан.

— Не мешай, остолоп, — оборвал шутника казак. — Я говорю серьезно. Может быть, у нашего командира на самом деле две души. Тогда одну надо вырвать. — Он сделал рукой соответствующее движение, от которого Курт невольно вздрогнул. — Я думаю, что у нашего Курта Павловича как раз две души и есть. Одна цепляется за старое и хочет показать только свое собственное «я». Другая душа еще молодая, но уже тянется к тому, что он у нас узнал и увидел. Какая из них сильнее, та и тянет нашего Курта Павловича. — Казак немного помолчал, а затем, как бы извиняясь, добавил: — Не сердись на меня, командир, что я...

Курт махнул рукой:

— Ты прав. Попал в самую точку.

— Ничего. Все будет нормально. Главное, чтобы ты все понял, — успокаивали Курта товарищи.

Перейдя снова на шутливый тон, донской казак добавил:

— А мы будем помогать тебе.

Этот день Курт запомнил на всю жизнь.

7

Кончилась долгая зима. Лучи мартовского солнца безжалостно сорвали с земли белое покрывало и вскрыли серую, некрасивую наготу. Партизаны соскучились по свежезеленому убранству леса, которое не только скрашивало трудности их кочевой жизни, но и помогало воевать. С наступлением весны действия отряда Голубова активизировались. Усилили свою боевую деятельность и соседние партизанские отряды.

Всегда активная разведка отряда сообщила, что с запада на восток продвигается крупное партизанское соединение. Это было одно из самых крупных партизанских соединений, действовавших на Украине. Командовал им Ковпак.

Соединение Ковпака привлекло к себе внимание немцев. Поэтому Голубов решил еще более активизировать действия своего отряда. Если такое крупное соединение форсированным маршем продвигается на восток, значит, таков приказ Главного штаба партизанского движения. Основные усилия своего отряда Голубов сосредоточил на участке железной дороги, а также на шоссе Ровно — Житомир. Наряду с этим отряд совершал молниеносные налеты на населенные пункты, в которых были небольшие немецкие гарнизоны. Такие

налеты часто приводили фашистское командование в замешательство и сбивали его с толку. В начале апреля представилась благоприятная возможность для проведения такого налета.

Разведка сообщила командованию о нескольких случаях зверского обращения с местным населением начальника районной полевой жандармерии капитана Радлера. В своей жестокости полевая жандармерия не уступала гестапо.

Имя Радлера упоминалось почти во всех донесениях связных и разведчиков. Командир отряда поручил капитану Фомину лично заняться этим фашистом. Фомин составил большой список преступлений, совершенных полевой жандармерией района за последнее время. На ее счету числился расстрел более шестидесяти стариков, женщин и детей из еврейского трудового лагеря. В одной деревне они расстреляли четырех рабочих только за то, что те якобы поддерживали связь с партизанами. «За связь с партизанами» гитлеровцы повесили нескольких крестьян в соседних деревнях, а деревни сожгли.

В бою с партизанами жандармы вели себя как жалкие трусы, но тем свирепее они вымещали свою звериную злобу на безоружном населении.

Главным виновником всех зверств был Радлер. В большинстве случаев он лично организовывал казни и другие террористические акты. Сопоставляя материалы о преступлениях полевой жандармерии в районе действия отряда, Фомин обратил внимание на донесение Жени

Кравцовой. Она работала у немцев переводчицей в комендатуре. Благодаря документам, удостоверявшим, что она якобы является дочерью расстрелянного большевиками барона и крупного землевладельца, Женя пользовалась большим доверием у немцев. Кроме того, Радлер покровительствовал Жене, так как он, сын остзейского помещика, видел в ней человека одного с ним сословия.

Капитан Фомин долго читал лежащее перед ним письмо Жени, думая об этой отважной девушке-патриотке. Сколько мужества, выдержки и находчивости нужно было проявить ей, чтобы выполнять задачу, поставленную перед ней партизанским командованием! Как, должно быть, тяжело ей жить среди врагов, смотреть им в лицо и «завоевывать» их доверие. Фомин думал о том, насколько легче бороться против врага с оружием в руках, чем выполнять задание, порученное Жене. Но так требовали интересы Родины. Разве не благодаря вот таким героям партизаны и командование Красной Армии ежедневно получают массу ценнейшей информации?! Женя неоднократно предупреждала партизан о готовящихся операциях карателей и тем самым оказывала отряду большую помощь. У Фомина сердце сжималось от боли и гнева, когда он читал письмо Жени о начальнике полевой жандармерии. Она писала:

«С Радлером мне часто приходится бывать вместе по делам службы. Иногда он приглашает меня на так называемые офицерские вечера. Хотя он обращается со мной вежливо, каждая встреча с ним — для меня мука.

Боюсь, что долго я не продержусь, нервы не выдержат и я или сойду с ума, или влеплю ему пулю в лоб. Радлер как-то рассказывал мне, что он старый служака Гитлера. Еще задолго до прихода Гитлера к власти он был штурмовиком. В 1933 году уже командовал взводом штурмовиков. Жестокостью, с которой Радлер расправлялся с немецкими коммунистами, он обратил на себя внимание своего начальника. Однажды, когда он присутствовал в городе на расстреле евреев, я спросила у него, неужели он не испытывает жалости к людям. Ухмыляясь, Радлер ответил: «Жалость — чувство, чуждое настоящему немецкому солдату». Кроме того, каждый убитый еврей, как он заявил, действует на него освежающе...

Далее Женя описывала целый ряд преступлений, совершенных немецкой полевой жандармерией по приказу или под непосредственным руководством Радлера. Письмо заканчивалось следующими словами:

«На совести этого фашиста — убийства сотен наших людей. Кроме того, он отдал под суд военного трибунала многих немецких солдат, которые отказывались воевать или саботировали его приказы. Некоторые из них казнены. Сами немцы не случайно называют жандармов цепными собаками. Но они хуже цепных собак. Они — черти в образе человека, и самый худший из них — Радлер».

На одном из собраний личного состава отряда Фомин выступил с обвинительной речью, в которой перечислил преступления, совершен-

ные полевой жандармерией. В заключение он зачитал приговор командования отряда:

«В последнее время фашистская полевая жандармерия района проявляет особенно большое усердие, стремясь отличиться убийствами и другими преступлениями против гражданского населения. Главным виновником всех этих преступлений против советского народа является немецкий офицер Радлер, начальник фашистской районной полевой жандармерии. По его приказу и под его руководством были расстреляны 96 советских граждан, в том числе женщины и дети. Именем советского народа партизанский отряд приговорил фашиста Радлера к смертной казни

командир отряда
подполковник ГОЛУБОВ».

Хмурые, полные ненависти и гнева партизаны встали, чтобы проголосовать за утверждение приговора. Среди них стоял и Курт Броземан. И хотя он стоял с опущенной головой и смотрел в землю, Фомин заметил, что немец борется с собой. «Что с ним происходит? — думал Фомин. — Согласен ли он внутренне с этим приговором? Полностью ли его одобряет?»

Фомин объявил еще, что приговор будет размножен и в виде листовок распространен среди населения. Партизаны уже начали расходиться, когда к командиру отряда протиснулся Броземан.

— Что у вас, товарищ Курт? — спросил Голубов.

— У меня к вам большая просьба.

— И очень важная, да?

— Очень важная, — взволнованно подтвердил Курт. — Прошу это дело поручить мне.

Волнуясь, Курт говорил слишком быстро. Он боялся, что его не поймут, и поэтому хотел повторить свою просьбу еще раз.

Но Голубов молчал совсем не потому. Глядя прямо в глаза Курту, он спросил:

— Вы хорошо подумали об этом? Речь идет не о простом бое. Приведение в исполнение приговора — дело куда более трудное и опасное. Приказ конкретный: убить фашиста Радлера.

— Именно поэтому я и прошу вас, — горячо продолжал Курт. — Этих собак я знаю достаточно хорошо: бывал в их лапах. О Радлере я уже слышал. Для такого негодяя, обагрившего свои руки кровью сотен невинных людей, любое наказание будет мягким. Теперь я твердо убежден, что именно такие мерзавцы, как Радлер, привели к власти Гитлера, это на них держится гитлеровский режим. Таких гадов надо уничтожать безжалостно!

— Удивительно, как изменился наш Курт Павлович! Не узнать его. Что это вы так разгорячились? — спросил подошедший к группе партизан комиссар.

— Прошу, товарищ комиссар, удовлетворить мою просьбу.

— При всем нашем желании мы не можем не учитывать того, что выполнение этого задания — дело трудное. Нужно все хорошенько

продумать, обсудить. И вы, Курт Павлович, тоже подумайте.

— Мое решение твердо.

— И все же, — вмешался начальник штаба, стоявший рядом и внимательно следивший за разговором, — мы должны быть уверены в том, что это задание будет успешно выполнено и безопасность людей, которые примут участие в операции, обеспечена. Нам нужно подумать, как лучше провести эту операцию в городе с населением почти в тридцать тысяч человек, где на каждом шагу полно фашистских учреждений и воинских частей.

— Я не боюсь опасности.

— Давайте, товарищ Курт, не будем горячиться, — примирительно сказал Голубов. — Подумать все же надо.

— Неплохо было бы, — громко сказал комиссар, — если б товарищ Броземан что-нибудь предложил.

— У меня есть план, — с готовностью ответил Курт.

Свои соображения о проведении операции Броземан доложил командованию отряда. После тщательного обсуждения план Броземана был в общем утвержден, а проведение операции поручено интернациональной группе. Сразу же после совещания началась подготовка к проведению операции «Полевая жандармерия», которую намечалось осуществить в начале апреля. Основная задача операции состояла в том, чтобы нанести удар там, где его меньше всего ожидали фашисты. Одновременно преследовалась и другая цель: еще раз

продемонстрировать населению, что подлинными хозяевами в районе по-прежнему являются партизаны.

День 8 апреля 1943 года выдался по-настоящему весенний. По голубому украинскому небу плыли редкие кучевые облака. Лица партизан оживились, стали мягкими, приветливыми. На настроение людей влияло весеннее пробуждение природы и успешное наступление советских войск.

В районном центре было оживленно. По шоссе от Ровно на Житомир непрерывным потоком тянулись транспортные колонны немцев. На запад, направляясь в тыл на переформирование, двигались разбитые части вермахта. Между отдельными колоннами машин, нагруженных награбленным на Украине добром, ехали тыловые офицеры, чиновники, спекулянты и дельцы.

Примерно в километре западнее города автостраду Ровно — Житомир пересекает дорога, ведущая на север. На этом перекрестке всегда стоял регулировочный пост. Здесь же постоянно околачивалось несколько жандармов.

В десять часов на перекрестке остановились два немецких легковых автомобиля. Рядом с шофером в первой машине сидел обер-лейтенант. На заднем сиденье небрежно развалился полковник. Во второй машине ехали два унтер-офицера и лейтенант с автоматом на коленях.

Обер-лейтенант кивком головы подозвал дежурившего на перекрестке обер-фельдфе-

беля и, сунув ему под нос удостоверение полевой жандармерии, сказал:

— Господин полковник хочет с вами поговорить!

Обер-фельдфебель с металлической бляхой на груди мгновенно вытянулся:

— Слушаю вас, господин полковник!

— У вас есть телефонная связь с капитаном Радлером?

— Так точно, господин полковник!

— Доложите, что к нему едет инспектор-полковник.

— Слушаюсь, господин полковник! — повернувшись кругом, обер-фельдфебель побежал выполнять приказание..

Спустя несколько минут в полевой жандармерии все забегали, приводя помещение в порядок к встрече высокого начальства. Срочно вызванный с квартиры капитан Радлер носился и орал как одержимый. Не зная, чем вызван визит инспектора, он чувствовал, что нависла какая-то серьезная неприятность. «Вряд ли он едет учинять мне разнос за мою операцию с луком. — На днях Радлер отправил в свое родовое имение два вагона луку. — До сих пор все сходило нормально. Да и документы были оформлены как положено. Нет, это, пожалуй, не то. Вот если полковнику доложили о скандале с начальником гестапо, тогда дело много хуже».

Последний скандал сильно беспокоил Радлера. Дело в том, что несколько дней назад его люди, принимавшие участие в уничтожении десанта парашютистов, схватили одного русского парашютиста: парень отстреливался

до последнего патрона. Жандармам с трудом удалось схватить его. Несколько часов подряд в полевой жандармерии истязали парня, пытаясь заставить его говорить, но он, стиснув зубы, молчал. Тогда Радлер приказал расстрелять его.

Казалось бы, что здесь особенного? Но дело приняло неприятный оборот. Самовольный расстрел Радлером русского парашютиста так взбесил начальника гестапо, что он, забыв прежнюю дружбу, назвал Радлера безнадежным идиотом. Гестаповцы утверждали, что русский был командиром парашютистов. Начальник гестапо грозил Радлеру, что он доложит об этом случае «наверх» и будут большие неприятности.

— Подлец! — вслух выругался Радлер и посмотрел на часы.

Было без семи минут одиннадцать. Он еще раз взглядом окинул свой кабинет и нашел, что все вроде бы в порядке.

Дом, в котором размещалась полевая жандармерия, с улицы был огорожен деревянным палисадником. Деревья, только что покрывшиеся первой зеленью, протянули свои ветви к теплым лучам весеннего солнца. Радлер стоял на крыльце и нетерпеливо смотрел на дорогу, где должен был появиться полковник. Без двух минут одиннадцать у ворот, резко затормозив, остановились две легковые машины. «Немецкая пунктуальность», — мелькнуло в голове Радлера, и он бегом направился навстречу гостю.

Полковник и сопровождавший его обер-лейтенант уже вышли из машины. Когда началь-

ник жандармерии, вытянувшись перед полковником, хотел доложить, тот, вяло махнув рукой, сердито буркнул:

— У меня мало времени. А о ваших безобразиях мне уже все известно.— Он небрежно протянул Радлеру руку, назвавшись: — Полковник фон Ваттенхаген.

— Не желаете ли, господин полковник, пройти в дом? — услужливо спросил Радлер.

— Нет. Сейчас нет. Мы лучше обо всем поговорим в более подходящем месте. Я имею в виду ваши злоупотребления.

— Господин полковник, видимо, имеет в виду мои разногласия с государственной тайной полицией?

— И это тоже, — махнул полковник и приказал Радлеру сесть в его машину.

Усаживаясь на второе сиденье рядом с Радлером, полковник, обращаясь к сопровождавшему его обер-лейтенанту, сказал:

— Да, прикажите-ка отнести этот чемодан в дом. — И, повернувшись к Радлеру, пояснил: — Это чемодан вашего преемника.

— Преемника? — переспросил побледневший капитан. — Как преемника?

— У меня есть приказ отстранить вас от занимаемой должности.

— Но, господин полковник, я прошу вас...— лепетал Радлер. — Я прошу вас, господин полковник, объясните, пожалуйста, в чем дело...

— Конечно, но только перестаньте вопить. Что вы раскисли как тряпка! Вы же немецкий офицер!

Радлер пришел в себя. Немного осмелев, он решительно заявил:

— Господин полковник, разрешите посмотреть ваши полномочия.

Полковник с презрением посмотрел в лицо начальника жандармерии.

— В государственной тайной полиции вам разъяснят все как надо. — Он кивнул головой шоферу, и обе машины тронулись с места.

Сидевший рядом с шофером обер-лейтенант посмотрел на часы и вежливо доложил полковнику:

— Осталось пятнадцать минут.

— Разрешите! — обращаясь к Радлеру, сказал полковник, когда тот вдруг приставил к виску ствол пистолета. — Дайте ваше оружие! И ни звука!

Обе машины свернули в боковую улицу. На большой скорости они мчались к городской окраине. Радлер понемногу приходил в себя. Он уже не сомневался, что попал в ловушку, из которой ему не вырваться. Он смотрел то на ствол направленного на него пистолета, то на полковника. Пот струился у него по лицу. Дрожащим голосом Радлер тихо, почти шепотом, спросил:

— Господа, прошу вас, объясните, что все это значит? Куда вы меня везете?

Не отвечая на вопрос, обер-лейтенант спросил:

— Вы знаете то место, где вы недавно расстреливали советских граждан? Их было больше шестидесяти человек, в том числе женщины и дети.

Радлер молчал.

— Знаешь это место, негодяй проклятый? — крикнул обер-лейтенант.

Машины подъехали к заброшенному песчаному карьеру и остановились. Полковник приказал выставить наблюдателей на дороге. Обер-лейтенант нетерпеливо посмотрел на часы. Стрелки показывали одиннадцать часов двадцать четыре минуты.

— Через шесть минут здание полевой жандармерии взлетит на воздух.

На одном из холмов стоял телеграфный столб. Ветер играл проводами. Радлера привязали к столбу. От страха его лицо окаменело. Бледные губы не шевелились. Достав из нагрудного кармана лист бумаги, обер-лейтенант зачитал приговор.

Когда обер-лейтенант кончил чтение, Радлер несколько оживился и как бешеный заорал:

— Проклятые красные свиньи!

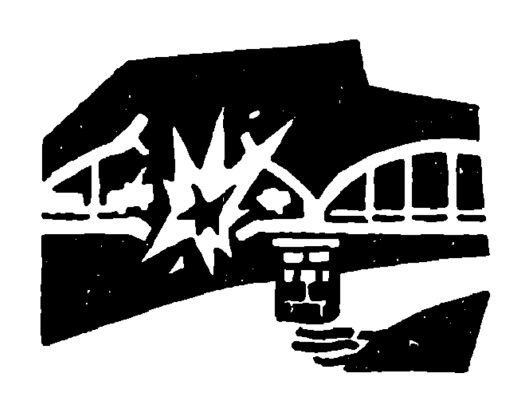
Полковник сделал шаг вперед:

— А мне, немцу, поручено привести этот приговор в исполнение... Именем советского народа, а также именем свободной Германии!

Радлер что-то истошно крикнул, но его голос потонул в треске автоматной очереди. Звуки выстрелов эхом прокатились в песчаном карьере.

Когда партизаны выезжали из карьера, до них донесся глухой раскат взрыва из города.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Хорст Шлегель был радистом в артиллерийском дивизионе. В свои девятнадцать лет он выглядел значительно старше. В армию он пришел добровольно, еще не достигнув призывного возраста, но старые фронтовики уже давно перестали называть его желторотиком. В апреле 1943 года он был уже ефрейтором. В это же время командир дивизиона прикрепил к его куртке Железный крест II класса.

Но уже через несколько дней боев он смотрел на мир совсем другими глазами.

После отпуска из Берлина вернулся земляк и однокашник Шлегеля. Хорст тоже был уроженец Берлина, и его, естественно, интересовал вопрос: «Как там, в столице? Что новенького?» Но ничего приятного отпускник рассказать не мог. Он рассказывал — и ему нельзя было не верить — об ужасных воздушных

налетах на Берлин, о том, что целые кварталы превращены в руины.

Для Шлегеля все это было не ново. Поэтому он больше расспрашивал о Лихтенберге, районе Берлина, где жили его родители и две сестренки. Может быть, и они уже погибли, засыпанные в каком-нибудь бомбоубежище? Отпускник не мог точно ответить на этот вопрос, но сказал, что в то время, когда он находился в Берлине, Лихтенберг почти не пострадал.

Обоих солдат сильно беспокоила судьба их родных. О воздушных налетах на Берлин отпускник рассказал не только Шлегелю, но и другим солдатам. Вскоре об этом узнало начальство. Отпускника отдали под суд военного трибунала, который «за подрыв военной мощи Германии» приговорил его к шести годам тюремного заключения.

Когда Шлегель узнал об этом, его охватил панический страх. Он точно так же, как и его земляк, рассказывал своим товарищам и о бомбардировках Берлина, и о страшных разрушениях в городе. Скрыть это уже нельзя: знают многие. Кроме того, дивизион находился далеко от фронта, и доносчикам нетрудно было доложить куда следует.

Шлегель нервничал все больше и больше. Обер-ефрейтор, сидевший у коммутатора, уже дважды спрашивал, не заболел ли он. В ответ Хорст бормотал что-то непонятное. Он несколько раз выбегал с командного пункта, сам не зная зачем. Не помогали и сигареты, которые он курил одну за другой. В голове засела одна мысль: «Шесть лет тюремного

заключения». Боясь, что будет поздно, ефрейтор лихорадочно искал выход. «А есть ли он вообще? — думал Хорст. — Может, лучше пустить пулю в лоб и тем самым избежать позора?»

Обер-ефрейтор встал и сочувственно посмотрел на своего расстроенного товарища. Он хотел что-то сказать Хорсту, но в этот момент на коммутаторе упал клапан и напомнил ему о его обязанностях.

— «Тюльпан» слушает! — отозвался обер-ефрейтор. — Слушаюсь! Сейчас! — Он быстро взял листок бумаги и карандаш. — Пожалуйста, господин унтер-офицер, я готов.

Из штаба полка передавали телефонограмму. Обер-ефрейтор повторил текст и тут же быстро записал его.

— Кто? — переспросил он и медленно повторил: — Прибыть в штаб полка: унтер-офицеру Ноаку, ефрейторам Гебхарду и Шлегелю...

Услышав свое имя, ефрейтор испуганно вскочил. «Ну вот и все», — мелькнуло у него в голове. Он схватил пилотку, выскочил за дверь и стремглав бросился бежать. Обер-ефрейтор оглянулся и подумал: «Что это парню взбрело в голову?»

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Хорст обежал вокруг дома, вскочил в кабину стоявшей здесь передвижной радиостанции. Включив зажигание, он нажал на стартер. Мотор взревел, и машина рывком тронулась с места. На большой скорости Шлегель выскочил из деревни, где располагался артиллерийский дивизион, оставляя позади себя гу-

стое облако пыли. Проехав километров пять, он притормозил. За поворотом дорога шла вдоль глубокого оврага. Открыв дверцу, Шлегель оглянулся назад и потерял управление машиной. Тяжелую машину тряхнуло, и она в одно мгновение оказалась на краю обрыва. Ефрейтору не оставалось ничего другого, как выпрыгнуть из кабины. Радиостанция несколько раз перевернулась и упала на дно оврага.

Шлегель стоял с открытым ртом и глазами, полными ужаса, смотрел в овраг, где лежала разбитая радиостанция. Только сейчас он задал себе вопрос: зачем и от кого он бежал? Может быть, в штаб полка его вызывали по другому делу и никто не собирался отдавать его под суд? Ну а теперь дела его совсем плохи. Потеряв самообладание, он бежал из части, дезертировал. А тут еще этот глупый случай с радиостанцией! И как все это у него получилось?..

Мысли его прервал шум приближающегося автомобиля. Не долго думая, Шлегель прыгнул в кусты, росшие вдоль оврага, и начал быстро уходить все дальше и дальше от места происшествия. Куда идти, что делать, он не знал. Так пробродил он до вечера. На горизонте показалась деревня. И хотя Хорст чертовски устал и проголодался, он со страхом прогнал соблазнительную мысль зайти в деревню и переночевать там.

Шлегель обошел стороной деревню и оказался в густом лесу. Потеряв ориентировку, вконец измученный, он лег под деревом отдохнуть. Проспал он не более трех часов, ко-

гда услышал чужую речь. Где-то совсем рядом по-русски разговаривали двое мужчин. Хорст встал и прислушался. Голоса неожиданно смолкли. Шлегеля снова охватил страх. Он хотел было незаметно уйти от этого места, но в это время из-за дерева вышел мужчина и остановил его. Дрожащего от страха немца обыскали. Оружия у него не было.

Оказалось, что русских было не двое, а четверо, и все вооружены. Когда Хорст сбивчиво рассказал им о себе, один из русских предложил своим товарищам:

— Заберем его с собой. Остальное выясним потом.

Весна 1943 года выдалась солнечная, теплая. Земля быстро подсохла, и грунтовые дороги стали снова проезжими. Это дало фашистам возможность усилить карательные действия против партизан. Эти действия стали особенно активными после приезда Геринга в Житомир, где он, говоря о партизанах, заявил, что большевики, мол, воюют не по правилам, поэтому их нужно беспощадно уничтожать. Фашистское командование бросило на борьбу с партизанами крупные силы, которые нередко отваживались заходить даже в глубь леса.

Командование партизанского отряда приняло решение оставить лагерь и перейти исключительно к маневренным действиям. Было решено также создать конный взвод в составе тридцати человек. По замыслу Голубова отряду предстояло выйти к железной дороге

Новоград-Волынский — Шепетовка и действовать там.

После успешной операции с полевой жандармерией Броземан предложил провести еще одну подобную операцию. Но командир отклонил его предложение, решив временно воздержаться от операций с участием Броземана, так как связные из города сообщили, что гитлеровцы предупредили все части и учреждения о возможном появлении в городе и районе «изменника родины Броземана». Повсюду были расклеены объявления с описанием его примет и фотографией.

Помимо этого командование отряда узнало также, что фашистские зондер-фюреры, полиция и жандармерия проводят массовую отправку советских граждан на работу в Германию. В большинстве случаев это происходило так: зондер-фюрер с усиленным нарядом жандармерии внезапно появлялся в каком-нибудь населенном пункте. Он вызывал старосту и заявлял ему, что жители деревни помогают партизанам. В наказание от деревни должно поехать в Германию столько-то молодых людей в качестве «восточных рабочих». Если не окажется такого количества молодежи, вместо них будут направлены пожилые люди.

Узнав об этих массовых облавах, молодые люди в большинстве случаев убегали из деревень в леса. Тогда зондер-фюреры брали в качестве заложников их родителей. Случалось и так, что полиция и жандармерия окружали деревню и всех парней и девушек просто арестовывали и увозили в Германию.

Эшелоны с советскими гражданами, угоняе-

мыми в фашистское рабство, нередко состояли всего лишь из двух-трех товарных вагонов. Один такой готовый к отправке эшелон, в котором находилось двести украинских девушек и парней, стоял на вокзале. Когда об этом доложили Голубову, он собрал совещание командиров, чтобы обсудить вместе с ними, как освободить советских людей.

— Освободить их на станции, — говорил капитан Фомин, — вряд ли удастся. Охрана у немцев сильная.

— Значит, остается одна возможность — напасть на эшелон в пути, — высказал свое мнение комиссар.

Командир согласился с ним:

— Да, другой возможности я пока не вижу.

— Но нельзя забывать и того, что такие эшелоны пропускают теперь только днем. Вагоны с нашими людьми обычно находятся сразу за паровозом или даже впереди. Поэтому подрывать полотно надо с умом.

Голубов встал, сделал несколько шагов, остановился:

— Да, дело очень сложное. Надо все предусмотреть. Предлагаю позвать некоторых командиров отделений. Подумаем вместе.

— Командир прав, — согласился комиссар. — Сколько голов, столько умов. Что-нибудь да придумаем.

На расширенном совещании действительно нашли новый вариант. Правда, он требовал большой смелости и был связан с некоторым риском, но зато почти гарантировал успех.

Предложили этот вариант товарищи из

группы Броземана, и заключался он в следующем. Как известно, охрана эшелона, боясь подрыва поезда партизанами, располагается, как правило, подальше от паровоза. Чтобы уничтожить ее, достаточно на подъеме отцепить последние вагоны. А остановить затем паровоз с передними вагонами — дело несложное. Для этого нужно подорвать железнодорожное полотно или устроить завал. Для расцепления состава следует выделить группу бойцов, которые, переодевшись в форму железнодорожников, постараются сесть в эшелон. Задача этой группы — с крыш вагонов обстрелять охрану.

Приняв предложенный Броземаном вариант за основу, командиры разработали план предстоящей операции в деталях. Сразу же после утверждения плана командиром началась тщательная подготовка.

Местом нападения на эшелон выбрали блокпост Орепы. Здесь, на повороте, дорога шла на подъем. Вдоль пути тянулась лесозащитная полоса, которая, впрочем, как и повсюду, на двести метров от полотна была полностью вырублена. До ближайшего немецкого опорного пункта — километра два.

В ходе подготовки к нападению обнаружилось, что планом операции не было учтено время прохождения состава мимо намеченного места нападения. Никто не знал, когда здесь пройдет этот эшелон, а поэтому нельзя было минировать путь. Установленная под полотном мина могла быть обнаружена патрулировавшими между опорными пунктами немецкими солдатами. Что делать? Каким еще

способом можно остановить поезд? Разгорелись жаркие споры.

Вдруг Фомин схватился за голову:

— И как это мы не вспомнили о Васе! Ведь он же железнодорожник!

Позвали Васю, уже немолодого партизана. Выслушав вопрос, он многозначительно улыбнулся:

— Нет ничего проще. Поезд можно остановить, во-первых, стоп-краном; во-вторых, вскрыть воздухопроводную магистраль тормоза между вагонами; в-третьих, самым надежным партизанским методом — подложить мину под рельсы...

— Стой, Вася! — прервал его Голубов. — В данном случае второй способ, кажется, самый подходящий.

На вокзале в городе работали несколько железнодорожников — связных партизанского отряда. Они не только давали ценную информацию, но и ставили на поезда с немецкими грузами специальные магнитные мины с часовым взрывателем, которые срабатывали в пути. Три партизана, которым было поручено сопровождать эшелон, направились на вокзал. В течение ночи они должны были найти этих железнодорожников и все обсудить с ними. Со стрелочником на блокпосту условились, что при подходе поезда он подаст условный сигнал.

Ночь прошла в томительном ожидании. На рассвете партизаны заняли свои позиции. Хотя им не раз приходилось пускать под откос поезда, сейчас все волновались больше чем обычно. И не удивительно. Ведь дело шло о

спасении жизни более двухсот советских граждан!

Солнце поднималось все выше. Примерно через каждые полчаса мимо проходили грузовые составы. На восток шли эшелоны с военными грузами, на запад — с железной рудой, зерном или разбитой военной техникой. Все напряженно ждали сигнала с блокпоста, но его все не было.

День уже клонился к вечеру. Некоторые бойцы начали беспокоиться. Стуча подкованными ботинками по шпалам, к блокпосту прошел немецкий патруль. И снова никого. Через некоторое время мимо прогрохотал еще один эшелон с тягачами и зенитными орудиями. Несколько минут спустя наблюдатель, сидевший на дереве, замахал рукой — долгожданный условленный сигнал.

Неподвижно лежавшие до сих пор партизаны мгновенно зашевелились, вышли из укрытий и заняли исходные позиции для нападения. Со стороны блокпоста послышался короткий гудок паровоза. Вскоре за поворотом показался дым пыхтевшего с надрывом паровоза.

Поезд медленно шел на подъем. И когда первые вагоны уже были на самом верху, паровоз сильно рвануло вперед: от поезда отделились хвостовые вагоны. Паровоз с оставшимися вагонами пошел быстрее, в то время как длинный хвост поезда сначала, казалось, как бы застыл на месте, а потом все быстрее и быстрее покатился назад.

Через несколько секунд на крыше второго вагона показались люди. В лучах солнца

блеснуло их оружие, и длинные автоматные очереди прервали томительно-напряженное ожидание. Партизаны открыли огонь по вагону, в котором находилась охрана. С железнодорожной насыпи прозвучала команда:

— Вперед!

Стремительным броском партизаны с обеих сторон подошли к уже остановившимся вагонам. Из изрешеченного партизанами вагона охраны раздалось два-три выстрела, и вдруг стало тихо. Все это продолжалось не более двух минут. Двери вагонов, в которых сидели советские люди, открылись, и перед глазами партизан предстали испуганные лица. Не веря в свое освобождение, они несколько секунд стояли неподвижно, а затем, радостные и счастливые, начали обнимать и целовать друг друга.

Радостные возгласы прервал бас Голубова:

— Не теряйте времени. Быстрее уходите в лес!

Пока освобожденные, сопровождаемые партизанским отделением, быстро спускались с насыпи, минеры уже заканчивали свою работу. Нужно было торопиться — со стороны опорного пункта справа открыли огонь минометы.

Когда группа, следовавшая с освобожденными, зашла в глухой лес, комиссар объявил им, что теперь они — свободные советские граждане.

— Сейчас каждый из вас может поступать так, как сочтет нужным. Мы считаем, что лучше всего вам уйти в леса Полесья. Там в руках партизан огромный район.

— А как нам, дорогой товарищ, туда добраться-то? — спросил кто-то.

— Об этом не беспокойтесь. Одних не пошлем. Выделим людей, которые вас проводят.

Небольшой паренек подошел к комиссару:

— А что, товарищ комиссар, нельзя ли нам остаться у вас в отряде?

— Всем остаться, конечно, нельзя. Но некоторым, прежде всего мужчинам, мы могли бы найти дело.

Большинство освобожденных были женщины; мужчин было около сорока, и они изъявили желание стать партизанами. Левченко посоветовался с Голубовым и другими товарищами. Решили, что в отряд можно принять самое большее десять человек.

На следующий день после проводов освобожденных советских граждан командир решил остановиться. Нужно было дать отдых людям и коням, привести в порядок оружие и снаряжение.

Место для бивака было выбрано на опушке леса. На запад, насколько хватало глаз, протянулся совершенно ровный луг. Коновязи были устроены в стороне от бивака, на лесной поляне. В расположении отряда запахло борщом и бараниной, партизаны занимались своими обычными делами: стирали и чинили белье, ремонтировали снаряжение, чистили оружие, подрывники готовили мины. Командир отряда лежал вместе с начальником штаба в траве под раскидистым дубом и что-то записывал в толстую тетрадь. В одном из только что устроенных шалашей девушка-партизанка с

чувством пела о Катюше, посылающей привет своему любимому на далекую границу.

Под молоденькой березкой кружком расположилось двенадцать человек, в основном бойцы из группы Броземана. Сам он сидел на корточках перед комиссаром, который беседовал с ним по некоторым вопросам политики и политэкономии.

Комиссар, как, впрочем, и все другие, был без сапог, в расстегнутой гимнастерке. Набивая короткую трубку табаком, он спросил Курта:

— Значит, по профессии ты автомеханик и до войны работал на заводе?

— Да, а что?

— Что принадлежало тебе на этом заводе, например, из оборудования?

— Мне?

— Да, тебе.

— Ничего! Хозяином завода был господин Матхауз.

— Господин Матхауз, говоришь? Наверно, рабочие иначе относились к заводу, чем его хозяин?

— Да, завод ведь — его собственность.

— Какие интересы были у рабочих и какие у хозяина?

— Ну, мы, рабочие, старались больше заработать.

— А как относился к этому хозяин?

— Гм... В сущности, он хотел, чтобы мы работали быстрее.

— Ну, а какой доход был у вашего хозяина?

— Трудно сказать. Нас, рабочих, это интересовало меньше всего.

— Ну а все же, — не отставал комиссар, — скажи-ка, как он жил?

— О, жил он роскошно. У него была шикарная вилла, катер. Кроме того, у него и у жены было по первоклассному автомобилю.

— Еще бы! Ну а теперь давай подумаем над таким вопросом. Почему этот господин Матхауз мог жить так роскошно? Где он брал столько денег?

Курт нахмурил лоб:

— Из прибылей предприятия, конечно. Где же ему еще их брать? Этот вопрос ясен.

— Нет, этот вопрос не так прост, как ты думаешь. Я попытаюсь объяснить тебе кое-что. Ты когда-нибудь слышал, сколько заплатил за работу владелец автомобиля, который ты ремонтировал несколько часов?

— Да, конечно. Я приводил клиенту отремонтированный автомобиль и получал с него деньги.

— Во сколько раз сумма, которую ты получал от клиента, превышала сумму, которую платил тебе хозяин за ремонт этого автомобиля?

— Примерно раза в четыре.

— Отлично, — подхватил комиссар. — Значит, раза в четыре? Так?

— Так, конечно. Но ведь из этих денег хозяин платил за материалы, оборудование, налоги платил.

— Понятно. Но факт остается фактом: за вычетом всех издержек у господина Матхауза оставалось больше денег, чем зарабатывал на

ремонте каждой машины ты или какой-нибудь другой рабочий.

— Как это так? — удивился Курт.

— Вот я и хочу тебе объяснить это. Свое дело капиталист всегда начинает с того, что приобретает все необходимое для производства: помещение, машины, сырье и топливо. Кроме того, ему иногда приходится покупать земельный участок или еще что-нибудь. Все эти расходы капиталист позже учтет. Затем он нанимает необходимое количество рабочих, и машина завертелась, предприятие начало работать. Из сырья рабочие делают товар, который капиталист продает на рынке. Но за проданный товар он получает значительно больше, чем он затратил на его производство. Это выглядит примерно так. На сто марок капиталист купил сырья, двадцать марок составили издержки на амортизацию оборудования, расход топлива, электроэнергии и так далее. Произведенный же товар он продал за двести марок. Таким образом у него в кармане осталось восемьдесят марок.

— Допустим, это так. А как же заработная плата?

— Заработная плата! В этом-то вся суть. На каких условиях ты работал у господина Матхауза? Он нанял тебя и сказал, что будешь получать столько-то в час. Значит, капиталист, так сказать, заключает с тобой договор, по которому ты обязан работать на предприятии, допустим, десять часов. За это время ты получишь, скажем, восемь марок. Ну а теперь скажи, сколько часов должен ты

работать, чтобы создать капиталисту ценность стоимостью в восемь марок?

Курт покачал головой:

— Во всяком случае, не десять часов, конечно.

— Вот видишь! Мы уже подошли к самой сути вопроса. Как правило, рабочий затрачивает менее половины рабочего времени на то, чтобы оправдать свой заработок. Но свой труд он продал капиталисту на несколько часов или на полный рабочий день. Вот тут и получается, что, для того чтобы создать за свой заработок какую-то ценность, ты затрачиваешь, возможно, всего лишь половину своего рабочего времени, а другую половину работаешь как бы бесплатно. Это так называемый прибавочный труд. Вот этот прибавочный труд капиталист тебе и не оплачивает, а деньги, заработанные тобой за это время, кладет себе в карман.

— Но ведь это же настоящий обман! — с жаром воскликнул молчавший до этого испанец.

— Конечно. Но этот обман открыто не проявляется. Все это очень тщательно скрывается. Система эксплуатации и обмана усложняется и запутывается настолько, что понять ее простому рабочему порой бывает просто невозможно. Не надо забывать того, что капиталисту принадлежат орудия и средства производства: полезные ископаемые, производственные здания и земля, находящаяся под предприятием, а также машины и все другие необходимые для производства вещи. Поэтому, чтобы не умереть с голоду, рабочий в капиталистиче-

ском обществе вынужден продавать свой труд какому-нибудь господину Матхаузу. Этим, собственно, и объясняется наличие в этом обществе антагонистических классов. Их интересы и стремления резко противоположны и непримиримы.

Комиссар уже хотел отвечать на следующий вопрос, когда увидел приближавшихся к ним партизан. После долгого отсутствия возвращался Костя с тремя разведчиками. Они вели с собой молодого немецкого солдата.

Комиссар предложил временно прервать беседу — он хотел вместе с командиром обсудить результаты разведки. Но прежде чем направиться в штабную землянку, он решил поговорить с немцем, которого привели разведчики, и позвал Курта переводить. Внимательно выслушав сбивчивый рассказ ефрейтора, комиссар задал ему несколько вопросов и попросил Броземана поговорить с его земляком.

— Что думаешь делать дальше? — спросил Курт немца.

Тот в недоумении пожал плечами:

— Не знаю. — Немного подумав, он с тревогой спросил: — Я в плену?

— В плену. Ну и что из этого? В плену тоже надо знать, что делать. Ну удрал ты, а дальше что? Теперь над тобой начальников нет, решай сам.

— Я над этим еще не думал. Я бежал просто потому, что боялся военного трибунала. А тут еще случай с радиостанцией... — озабоченно проговорил ефрейтор. Казалось, что радиостанция волновала его больше, чем собственная судьба.

— Хватит крутить! — теряя терпение, оборвал его Курт. — Говори прямо: хочешь под суд или нет?

Шлегель, опустив голову, смотрел на кончики сапог и молчал, не зная, что ответить. Наконец он робко спросил:

— Сколько они мне дали бы?

Минимум — двадцать лет, — голосом, полным иронии, ответил Курт.

— Что? Так много!

— Конечно. Пять лет за подрыв военной мощи вермахта, не меньше пяти за радиостанцию, пяток за самовольную отлучку, ну и столько же за малодушие. В общем, тебе хватило бы. А то и к стенке поставили бы.

Ефрейтор не знал, шутят с ним или говорят серьезно. Во всяком случае, несколько лет тюрьмы ему дали бы. Это не вызывало у него никаких сомнений. Но что будет с ним сейчас, он не знал. Недоверчиво посмотрев на обступивших его людей, он спросил Броземана:

— Вы тоже с ними? Вы же немец, не так ли?

— Да.

— Что со мной будет? Я слышал, русские убивают всех пленных. Это правда? — Шлегель сразу же пожалел, что задал этот слишком откровенный вопрос. Стоявшие рядом партизаны сердито посмотрели на молодого немца и начали на чем свет стоит ругать фашистов.

— Этому могут верить только законченные идиоты или абсолютные дураки, как ты, — раздраженно сказал Курт.

Хорст Шлегель остался в отряде. Ответст-

венность за него командир возложил на Броземана.

Когда Голубов сказал, что на Броземана отныне ложится большая ответственность и что ему потребуется много терпения, Курт лишь отмахнулся. Но уже на следующий день он понял, что ошибся. Шлегель едва не вывел его из терпения, когда спросил, почему он, немец, воюет против немцев.

— Какой же ты теперь немец, если воюешь против Германии? Так могут поступать только негодяи и подлецы, — возмущался Шлегель.

— Ну и дурак же ты! — грубо оборвал его Курт.

Шутливое замечание донского казака, сказавшего, что между немцами началась гражданская война, несколько успокоило Курта и заставило его задуматься. Он вспомнил, как еще совсем недавно его самого мучили сомнения, как ему было тогда тяжело сделать правильный выбор. Ему помог в этом старый лесник, который провел с ним в жарких спорах не один вечер. Как же теперь объяснить все Шлегелю? Спокойно начал он рассказывать о том, что привело его к партизанам, что его так же мучили сомнения, перед тем как поднять оружие против немцев.

— Скажи, что тебя заставило это сделать? Жажда мести?

Подумав, Курт ответил:

— Да, сначала я, пожалуй, действительно воевал из мести. Но постепенно я начал понимать, что фашизм нужно не только ненавидеть, но и бороться против него.

Беседа, которая приняла мирный характер, была прервана командой Голубова, приказавшего отряду двигаться дальше.

2

После непродолжительного отдыха партизаны нанесли еще один удар по железнодорожной линии. На этот раз под Шепетовкой. Пустив под откос эшелон с боеприпасами, отряд направился на север.

Отряд по пятам неотступно преследовала рота карателей. Оторваться от противника никак не удавалось. В этой обстановке не оставалось ничего другого, как принять бой. Командир решил разбить отряд на три группы и атаковать противника с трех сторон.

— Сегодня ночью во что бы то ни стало надо оторваться от немцев, — сказал он командирам подразделений. — Иначе может получиться так, что противник подтянет подкрепление и нам не поздоровится.

— Не понимаю только одного, — задумчиво проговорил начальник штаба, — почему немцы до сих пор не предпринимали никаких действий.

— Я сам давно думаю над этим вопросом, — ответил Голубов. — Или они задумали что-то дьявольски хитрое, или действительно ожидают подхода подкрепления.

Начало атаки было назначено на половину двенадцатого ночи. Командование отряда рассчитывало, атаковав противника, отбросить его или хотя бы заставить занять оборонительные позиции. После этого конной группе

предстояло завязать с преследователями огневой бой и прикрыть отход главных сил; затем, умело используя местность, оторваться от противника и идти на соединение с отрядом.

— Плохи наши дела, Курт? — обеспокоенно спросил Шлегель.

— Ты что, испугался?

— Честно говоря, да, — признался немец. — Я все время думаю, что будет со мной, если они меня зацапают.

— Глупые мысли. Теперь ты, как и я, «изменник родины». А за измену, сам знаешь, по закону рейха положена смертная казнь. Ясно?

— Я — изменник родины? И ты говоришь об этом с улыбкой, как о каком-то пустяке!

— Лично для меня это — пустяк.

— А смертная казнь?

Курт пренебрежительно махнул рукой:

— Пойми, что теперь перед тобой настоящий противник, хотя его солдаты и твои земляки. Пощады от них ты не жди. Не дождешься. Остается одно — защищаться.

— Да, но если нас окружат? Если подойдут несколько рот, я даже не знаю...

— Ничего ты не понимаешь, — сердито перебил его Курт, — и не знаешь, что такое партизанская война. Вот и трусишь.

Перед вечером начальник штаба отряда с капитаном Фоминым и несколькими разведчиками провел рекогносцировку местности, на которой предполагалось вступить в бой с противником. С наступлением темноты партизаны, разбитые на три группы, направились в указанные им районы. Основная группа шла вдоль просеки, две другие — вправо и влево

от нее. Лес в этом месте был не очень густой. Никаких признаков, что фашисты заметили продвижение партизан, замечено не было. Просека, по которой двигалась основная группа, вышла на лесную дорогу. Пройдя по дороге несколько сотен метров, партизаны оказались на большой поляне, по противоположному краю которой протекал ручей. За ручьем в ожидании появления противника группа заняла позицию. Ветхий мостик через ручей был быстро разобран.

Долго ждать противника не пришлось. Развернувшись в цепь, фашисты начали осторожно продвигаться вперед. Не доходя нескольких десятков метров до поляны, они в нерешительности остановились. Раздалась команда:

— Вперед! Быстрее!

Фашисты пересекли поляну и подошли к ручью. В воздух взвилась осветительная ракета. Это был сигнал открыть огонь. Гитлеровцы залегли и начали медленно отползать обратно, к опушке леса. Ожесточенно застрочили их пулеметы. Через минуту лесную дорогу осветило пламя первого орудийного выстрела. Снаряд упал на поляну. За первым снарядом последовал второй, третий...

— Фашисты установили орудие, — сказал Голубов, показывая рукой на дорогу.

Фомин кивнул головой и прижался к земле.

Командир с нетерпением посмотрел на часы.

Почти в тот же момент в тылу у фашистов послышалась сильная стрельба. Особенно ожесточенный бой разгорелся на левом фланге. Огонь немцев по поляне почти прекратился. Только орудие продолжало стрельбу,

выпуская один снаряд за другим. Но вскоре замолкло и оно.

— Немцы отходят в лес,—заметил Голубов.— Жаль, что мы не можем устроить им ловушку.

Огонь стих. Тяжело дыша, к командиру подбежал связной. Немного отдышавшись, он доложил:

— Товарищ подполковник! Комиссар приказал доложить, что обе группы соединились. Они отходят на север, слева от нас.

— Что еще? —спросил Голубов.

— Есть потери... Несколько тяжелораненых... В том числе наш Курт... Он тащил «языка» и был ранен.

— Куда ранило? —с беспокойством в голосе спросил Голубов.

— В левую руку.

— А что с пленным?

— Броземан так дал ему по затылку, что тот до сих пор не очухается.

— Как вел себя новичок?

— Точно не знаю. Он все время бегал около Броземана с винтовкой.

На другой стороне просеки снова началось оживление: видимо, с целью выяснения обстановки фашисты выслали разведку. Голубов приказал не открывать огонь, пока вражеские разведчики не попытаются перейти через ручей.

Немцы действовали осторожно и продвигались медленно. Прошло не менее получаса, пока они натолкнулись на партизан. Из восьми разведчиков противника только двум или трем удалось добраться до своих позиций.

— Скоро два,—посмотрев на светящийся

циферблат часов, сказал командир.— Думаю, самый подходящий момент для отхода. Пока они поймут, что к чему, мы будем уже далеко.

Примерно через час отряд догнала конная группа. Комиссар сообщил Голубову показания захваченного Броземаном гитлеровского лейтенанта.

— Наши предположения подтвердились. Следовавшая за нами по пятам рота имела постоянную радиосвязь с гарнизоном. Гитлеровцы ждут помощи.

— Потери? — спросил Голубов.

— Двое убитых, двое тяжело- и пять легкораненых, — тихо ответил комиссар.

На востоке уже брезжил рассвет. Задача марша, поставленная отряду на ночь, была выполнена. Бойцы, изнемогавшие от усталости, расположились на небольшой привал.

Ранение Броземана было тяжелым. Пуля перебила левое предплечье, и малейшее движение вызывало жгучую боль. Но он только стискивал зубы и молча переносил страдания. Командир и комиссар часто подходили к нему.

— Ну как дела, Курт Павлович? — спрашивал Голубов.

— Спасибо, ничего. Не могу пожаловаться.

Комиссар погрозил пальцем:

— Ишь ты! Не могу пожаловаться... А губы-то искусал.

— Не ворчи, комиссар, — остановил его командир.

— Да я ничего, — бодрился Курт. — Товарищи помогали мне.

Голубов хотел что-то сказать, но в этот момент в расположении отряда поднялся какой-то шум, послышались громкие возгласы.

— Ага, разведчики вернулись!

Костя доложил командиру последние новости:

— Ковпак недавно прошел несколько западнее нас, держа направление на юг. Фашисты пытались остановить его соединение, но безуспешно. Попытка втянуть ковпаковцев в затяжные бои также не удалась.

— Мы, кажется, попали в самый центр событий.

— Да, по нашим данным, так оно и есть, — подтвердил Костя. — Немцы, которые шли за нами по пятам, приняли нас за ковпаковцев. Вот они и запросили подкрепления.

— Пленный показал то же самое, — вставил Курт.

— А что с этим подкреплением? Вы что-нибудь узнали? — спросил Голубов.

— Оно подошло спустя часа два после нашего ночного боя. После безуспешной попытки найти следы отряда оно вместе с остатками разбитой роты отошло назад.

Комиссар спросил:

— Как дела у наших друзей в городе?

Посмотрев многозначительно на Броземана, Костя ответил:

— Все в порядке!

— Вот что, Курт Павлович, — заявил Голубов, — вам надо хорошенько подлечиться. Теперь вам нужен покой. Вы знаете, в городе у нас много друзей, которые могут помочь вам.

— Как? Я должен уйти из отряда? — спросил Курт, не веря услышанному.

— Нет, конечно. Мы только даем вам отпуск. На несколько недель, пока заживет рана.

Комиссар отечески улыбнулся Броземану:

— Вам будет неплохо, Курт Павлович. Это точно. За вами будут ухаживать хорошие люди.

Возражать было бесполезно. И как ни тяжело было Курту, ему пришлось расстаться со своими боевыми друзьями.

Сопровождать Броземана командование поручило Косте.

К северо-западу от областного центра почти на два километра протянулся рабочий поселок. Вдоль главной улицы выстроились небольшие домики, окруженные цветущими садами. Через сады нетрудно было выйти к лугу, поросшему густым кустарником. Немцы редко появлялись в этой части города, на четыре километра удаленной от центра. В одном из домиков этого поселка Курт был радушно принят советскими людьми — Варварой и Юрием Мельниковыми. Уже немолодые — им было за пятьдесят, — Мельниковы детей не имели. Хозяин дома работал на заготовительном пункте сельскохозяйственных продуктов. По роду своей службы он был связан с различными немецкими учреждениями. Будучи членом подпольной организации, он хорошо знал, что происходило в области.

Большую часть времени Курт проводил в саду, окруженном высоким подсолнечником и

стеблями кукурузы. Ночевал он в маленьком домике, оплетенном душистым горошком. Несколько раз в неделю из города приходил пожилой врач и делал своему пациенту перевязки.

— Здесь я у вас как на курорте, — говорил Курт хозяйке.— Целый день загораю, гуляю, ем. Словно в мирное время.

— Мирное время, говорите? — тяжело вздохнула Варвара Мельникова. — Нет. В мирное время мы вас приняли бы совсем по-другому. А сейчас...

Когда у хозяина выдавалось свободное время, Курт с удовольствием беседовал с ним о довоенной жизни.

Однажды вечером — это было в середине июля — у Мельникова собралось несколько человек. Среди них — полицейский и железнодорожник. Старший из собравшихся, седовласый мужчина, обведя внимательным взглядом присутствующих, спокойным голосом начал:

— В настоящее время фашисты стремятся подтянуть к фронту свои резервы.

— Да, точно, — заметил железнодорожник. — У нас сейчас в первую очередь пропускают эшелоны с боеприпасами и горючим. Для охраны нашего участка дороги прибыли свежие подразделения немецких солдат.

— Гитлеровцев лихорадит, — сказал Мельников. — Они как черти носятся по деревням, отбирают у населения урожай, скот.

— А у вас как дела? — спросил седовласый мужчина у полицейского.

— Всё хорошо. Своего шефа мы по вашему указанию отправили на тот свет. Много поли-

цаев убегает и где-то скрывается. Одни боятся, что скоро и до них дойдет черед, другие просто не верят в победу фашистов.

Седовласый, не вдаваясь в подробности, в общих чертах изложил ближайшие задачи:

— Главная задача, как и прежде,— нарушение коммуникаций. Необходимо еще шире развернуть агитацию среди населения, надо разъяснять людям, что наша армия успешно наступает и что полный разгром немецко-фашистских захватчиков не за горами.

— Об отряде что-нибудь слышали? — спросил Курт.

— Воюют на западе области.

— Не могу я больше здесь сидеть. Рана уже зажила, а я бездельничаю.

— Так, так,— засмеялся Мельников,— значит, рана уже зажила... А мне доктор говорил, что подождать надо. Кому же верить?

Курт раздраженно махнул рукой:

— У меня больше ничего не болит. Я хочу к своим товарищам. Там дорог каждый человек.

— Голубов сообщил мне, что на следующей неделе он пришлет сюда своего человека, так что придется потерпеть.

— Жаль!

«Отчего это? — думал Курт.— Раньше, когда мне представлялась возможность отдохнуть, я радовался. А теперь?..» У него было такое настроение, как несколько месяцев назад, когда его охватывала тоска по родине. Только на этот раз он тосковал по отряду, по своим товарищам, сделавшим его совсем другим человеком.

Эти мысли не покидали Курта и на следующий день. Времени для воспоминаний у него было больше чем достаточно. Расположившись под кустом орешника, он смотрел на виадук, по которому проходила железная дорога. Из черного отверстия трубы с журчанием вытекал ручей. «Удивительно, — рассуждал Курт, — как жизнь похожа на ручей. И жизнь и ручей куда-то бегут, пробивают себе путь сквозь преграды». А сколько препятствий было на его пути? Совсем недавно, когда в отряде появился этот Шлегель, Курт узнал, что жизнь иногда ставит такие вопросы, обойти которые просто невозможно. «За что ты воюешь?» — спросил его как-то Шлегель. И Броземану с досадой на самого себя пришлось признаться, что дать ясный и полный ответ на этот вопрос он не может. Партизаны ведут справедливую войну, борются за правое дело. Это ясно. Они сражаются против фашизма, который он ненавидит так же, как и советские люди. Поняв это, он считал вполне естественным, что одной лишь ненависти мало, что, для того чтобы приблизить гибель фашизма, надо еще действовать.

Лежа на спине, Курт смотрел в голубое небо. «Можно ли ограничиваться только борьбой против фашизма? — думал он. — Ведь когда-то война кончится. Что тогда? Остаться здесь, в России? Не увидеть больше Рейна, Кёльна, родины?» Нет, этого он не мог даже представить себе. Нет! Германия должна принадлежать настоящим немцам. В ней не должно быть места радлерам, этим тупым солдафонам, и всем тем, кто развязал войну.

Броземан порывисто встал. Пальцы его сжались в кулаки. Да! Германия должна стать другой! Каждая успешно проведенная операция, каждый пущенный под откос эшелон, каждое действие, наносящее ущерб вермахту, приближает час гибели фашизма.

Возбужденный и взволнованный, он ходил взад и вперед по саду и думал: «Надо сделать так, чтобы и Шлегель понял это. Обязательно! Нужно выбить весь мусор, которым фашистская пропаганда набила его голову».

После обеда Курт начал укладывать свои вещи.

— Что вы делаете? — удивилась хозяйка дома. — Вы нездоровы, и вам еще нельзя уходить.

— Да, да, — ответил Броземан. — Но я больше не могу сидеть здесь сложа руки. Я ушел бы сегодня, сейчас, но не потому, что мне у вас плохо. Нет. Такое гостеприимство, какое мне, немцу, было оказано в вашем доме, я встречаю впервые в жизни.

— Знаете, такого немца мы тоже видим впервые. Я ненавижу фашистов. Но вы — совсем другой!

3

Возвращение Броземана в отряд было празднично отмечено друзьями. Особенно радовались его товарищи по группе. Педро Базилио уже несколько недель тщательно хранил специально приготовленную для этого случая бутылку французского коньяка. Товарищам было что рассказать своему команди-

ру. Они провели ряд успешных операций и нанесли противнику немалый ущерб.

Через два дня после прибытия Броземана отряд снялся; о цели марша никто, кроме командования, не знал. Ночью к железной дороге была направлена группа подрывников. В полдень отряд остановился на привал. Выслали вперед разведку. Она возвратилась лишь поздно вечером. Вскоре после возвращения разведчиков командиры отделений были собраны на совещание.

Голубов сообщил им обстановку:

— Мы вышли на железнодорожную магистраль Ровно — Житомир. Этот участок дороги партизаны еще не трогали. Поэтому противник пытается максимально использовать его для переброски грузов. Наша задача — перерезать эту магистраль.

Командир на минуту замолчал, как бы обдумывая, что он хочет еще сказать своим подчиненным. Затем, склонившись над лежащей перед ним картой и осветив ее лучом карманного фонарика, продолжал:

— Здесь, — Голубов указал пальцем на небольшую речку, обозначенную тонкой голубой линией, — мост, в четырех километрах от него — другой. Оба они большого значения не имеют. Но тем не менее нам нужно их взорвать. Это поможет нам выиграть предстоящий бой. — Командир сделал еще паузу. — Из Ровно в этом направлении идет немецкая колонна машин в пятьдесят. Когда машины будут находиться между мостами, нам нужно взорвать оба моста, а затем уничтожить и колонну.

— Судя по всему, немцы подойдут к этому району на рассвете,— вставил начальник штаба.

— Да. Значит, времени остается не так уж и много,— заключил командир.— А сейчас начальник штаба поставит вам задачу.

Через несколько минут все в отряде пришло в движение — началась подготовка к предстоящему бою. Группе Броземана было поручено взорвать первый мост вместе с головной машиной, а затем совместно с другими подразделениями принять участие в огневом бою.

Шлегель с растерянным выражением лица лежал под кустом, рядом с Куртом. Ему казалось, что намерение партизан граничит с безумием. Отряд силой до роты собирается напасть на колонну машин, растянувшуюся почти на километр.

— Я буду есть веники, если из этого что-нибудь получится,— не скрывал своего сомнения Шлегель.

— Тогда приготовь их себе заранее, чтобы всегда под рукой были,— посоветовал Курт.

— Что ты всё ехидничаешь?— вспылил Шлегель.— Я говорю это абсолютно серьезно.

— Я тоже,— спокойно ответил Курт.— Или ты думаешь, что мы дураки и безрассудно рискуем жизнью?

— Но ведь здесь может быть целое сражение. Кто знает, сколько солдат едет на этих машинах?!

— Может быть,— согласился Курт.— Может быть, их будет даже в десять раз больше, чем нас. Но мы все равно победим. Мы так

неожиданно нападем на них, что у них вряд ли будет время оправиться от испуга.

Шлегель наморщил лоб и посмотрел на Броземана прищуренными глазами.

— Все это хорошо, — громко сказал он, — но я не могу понять одного: когда ты стал таким фанатиком? Ты воюешь за русских, рискуешь жизнью. А если войну выиграют немцы, что тогда? Ведь даже если русские продвинутся вперед еще столько же, сколько они уже прошли от Волги, то и тогда они не ступят на немецкую землю. Я думаю, что на своей земле наши солдаты будут сражаться совсем иначе.

Курт всегда слушал Шлегеля спокойно, но эта болтовня вывела его из терпения. Прежде всего его бесило то, что Шлегель задал такие вопросы, на которые он не мог дать убедительные ответы. Курт начал говорить, что он воюет не за что-то неопределенное и не только за русских, а за Германию без фашизма.

— Если я воюю на стороне партизан, то это потому, что они борются за нас, немцев... Да, да. За интересы немцев. Или ты хочешь, чтобы в Германии все осталось по-прежнему, как сегодня, когда ты не смеешь сказать правду о том, что в Берлине под бомбежками гибнут женщины и дети? За это тебя сразу же обвинят в подрыве военной мощи! Ты будешь воевать, если хочешь увидеть своих родителей. Или, по-твоему, лучше сдаться полевой жандармерии?

— Нет, конечно, — примирительно проговорил Шлегель. — Но ведь можно же поразмыс-

лить о том, как окончится война, не правда ли?

Курт уже не сердился. «Да, — думал он, — как окончится война? В какой-то степени это зависит и от меня. Важно, чтобы фашизму был положен конец». Снова обращаясь к Шлегелю, он сказал:

— Как окончится война, ты сейчас увидишь здесь, лежа у этой дороги. Ты убедишься сам, кто победит в войне, хотя нас всего лишь маленькая горстка.

Шлегель не стал больше спорить, хотя ответ Курта не удовлетворил его.

Шоссе проходило через негустой лес. По обеим сторонам от него на расстоянии ста метров немцы вырубили все дерёвья, рассчитывая этим обезопасить движение транспорта от неожиданных налетов партизан, но это мало помогало.

Партизаны заняли позиции вдоль северной стороны шоссе. На флангах — пулеметы и минометы. Кроме личного оружия каждый боец имел не менее трех ручных гранат и бутылку с горючей смесью.

Командир и комиссар отряда расположились на небольшой высотке, откуда хорошо просматривались позиции партизан, протянувшиеся более чем на полтора километра.

— Далеко растянулись, — задумчиво заметил комиссар.

— Да,— согласился командир.— Я что-то волнуюсь. Сердце стучит, как у новичка в первом бою.

— Все будет в порядке. Ребята не подведут. Народ у нас что надо!

Начало светать. По шоссе проехала первая небольшая группа из четырех машин, которую партизаны беспрепятственно пропустили. Броземан долго смотрел машинам вслед. Его мысли были прикованы к мосту, от которого протянулся провод к укрытию, где находились бойцы интернационального отделения. Как только головная машина вражеской колонны въедет на мост, Броземан резко потянет за проволоку, и мост вместе с машиной взлетит на воздух.

Как всегда перед боем, стояла тревожная тишина. Затих даже утренний концерт лесных птиц. На востоке медленно поднималось солнце, рассеивая своими лучами легкий утренний туман. Время тянулось мучительно долго. Казалось, что стрелки часов с трудом ползут по циферблату. Наконец вдали послышался шум моторов; постепенно нарастая, он скоро превратился в сплошной гул. Показались первые машины. Они ехали, строго выдерживая дистанцию. Во главе колонны, шурша шинами по асфальту, катил бронетранспортер.

Курт напряженно следил за головной машиной. За пулеметом, установленным на бронетранспортере, — два гитлеровца, готовые в любой момент открыть огонь. Расстояние между машиной и мостом быстро уменьшается. Сто метров. Пятьдесят... Двадцать... Десять... Сердце Курта учащенно бьется. Руки слегка подрагивают. Проволока натянулась, выпрямилась. «Только бы не отказал запал»,— молнией пронеслось в голове.

Бронетранспортер уже въехал на мост. Под его тяжестью жалобно скрипнули доски на-

стила. Курт с силой дернул проволоку. Бронетранспортер словно вздыбился, и вслед за этим эхо взрыва прокатилось по лесу. На дороге запрыгали фонтанчики разрывов ручных гранат, ожесточенно застрочили автоматы: бой начался.

Через несколько секунд на всем участке шоссейной дороги поднялась невообразимая суматоха. Черный дым окутал вражеские машины, но гранаты все еще продолжали рваться. Через несколько минут в небо взвилась красная ракета.

— Сигнал к отходу! — сказал Педро.

— Легко сказать! — Курт показал рукой на другую сторону шоссе, где залегла большая группа гитлеровцев. Два гитлеровских пулемета вели сильный огонь по левому флангу партизан.

Голубов приказал минометчикам уничтожить огневые точки противника. Вскоре один из фашистских пулеметов смолк. Второй еще продолжал стрелять короткими очередями, держа под огнем весь левый фланг.

— Там, там! У дуба! — закричал Шлегель, обнаруживший вражеский пулемет.

Расстояние до него было около ста двадцати метров.

— Пошли! — крикнул Курт бойцам своего отделения. — Поползем до кювета. Там укрытие лучше.

С правого фланга доносились лишь отдельные выстрелы. Значит, там партизаны уже отошли. Броземан и его бойцы доползли до кювета и укрылись за разбитой машиной. Длинные автоматные очереди невидимыми

нитями прошили густой кустарник, росший вокруг дуба. Сразу же оттуда послышался истошный крик, и вражеский пулемет замолк.

— Вот и все! — переводя дыхание, проговорил испанец.

В этот момент партизаны заметили новую опасность. Минометы партизан перенесли огонь далеко за речку. Теперь они обстреливали машины, подходившие с востока. Сосредоточенный огонь заставил машины остановиться.

Броземан со своим отделением отходил с шоссе последним. Примерно через десять минут они соединились с главными силами отряда. На перекрестке лесных дорог стоял комиссар. Увидев идущего последним Броземана, он громко крикнул:

— Курт Павлович! Что с вами?

— А что такое? — удивленно спросил Курт.

— Вы же весь в крови! Ранены?

Курт стал себя ощупывать, потрогал голову и увидел, что вся левая рука окровавлена.

— Ну что? — волновался комиссар. — Снимите куртку!

— Опять левое плечо. А я думал, старая рана закровоточила.

— Вам повезло, — сказал вызванный комиссаром фельдшер, осматривая рану.— Кость не задета. Сквозное ранение на несколько сантиметров выше старой раны. Сможете ехать верхом?

— Я пойду вместе со всеми пешком!

— Нет, этого я ни в коем случае не допущу.

Комиссар строго посмотрел на Броземана:

— Не прекайтесь! Садитесь на коня, Курт Павлович!

Стоявший несколько поодаль Шлегель с удивлением смотрел на Курта и хлопотавших вокруг него комиссара и фельдшера. «Заботятся как!» — подумал он.

Рана Курта оказалась серьезной. Курта отвели в палатку и заставили лежать.

Однажды его навестил комиссар. Пользуясь случаем, Курт решил задать давно мучивший его вопрос.

— Что, по вашему мнению, будет с Германией после войны? — спросил он.

— Собственно говоря, вы — немец — должны представлять это лучше меня. Я ни разу не был в Германии и мало знаю о вашей стране. Что я могу сказать?

Броземан понял, что Левченко уходит от прямого ответа, чтобы заставить думать его самого. Курт выложил комиссару все, что он думал по этому вопросу, и рассказал о своем споре со Шлегелем.

Левченко от души рассмеялся:

— В ваших руках зеркало, в котором вы можете увидеть себя, каким вы были сами несколько месяцев назад. Честно говоря, с вами нам пришлось поработать.

— Что все же будет с Германией?

— Великие сыны немецкого народа — Маркс и Энгельс вооружили пролетариат всех стран наукой о преобразовании мира. Ленин претворил эту науку в жизнь. Построить мир так, как они учили, — это и есть самая прекрасная, самая благородная задача рабочего класса.

Курт долго молчал, а затем попросил комиссара рассказать ему об этом поподробнее.

Долго длилась беседа. А когда комиссар ушел, слово «социализм» уже не казалось Курту таким чужим и непонятным, каким оно было для него раньше.

«Бороться за новую, социалистическую Германию с оружием в руках — это еще не все. Труднее вести борьбу против того, что вдолблено фашистской пропагандой в головы вот таких немцев, как Шлегель. С ним можно беседовать часами по одному и тому же вопросу, а в конце он скажет: «Да, все это здорово, но так ли это? Что-то не верится». Тут уж поневоле выйдешь из себя».

«Почему,— размышлял Курт,— людей так трудно убедить в хорошем?»

4

В сентябре 1943 года действия партизанского отряда Голубова с каждым днем становились более активными. Крупное летнее наступление Красной Армии успешно завершилось разгромом немецко-фашистских войск под Курском. Гитлеровские армии были отброшены еще дальше на запад. Потерпев ряд поражений, немецко-фашистское командование хотело закрепиться на правом берегу Днепра, где были спешно подготовлены оборонительные позиции, хвастливо названные немцами «Восточным валом». Гитлеровские генералы рассчитывали сосредоточить здесь свежие силы, чтобы весной 1944 года начать новое наступление в глубь Советского Союза.

Но фашисты явно просчитались. Советские войска осенью форсировали в нескольких местах Днепр и захватили на его правом берегу несколько плацдармов, где сосредоточили крупные силы для наступления на Киев.

Когда Курт узнал, что отряд получил новое ответственное задание, он сразу же пошел к Голубову. По пути к командиру он встретился с дежурным наблюдателем.

— Тут недалеко самолет упал, — на ходу бросил наблюдатель.

— Какой самолет?

— А черт его знает! Фашистский.

Начальник штаба выслал к самолету конный дозор, который вернулся примерно через час, приведя трех пленных. Начальник дозора доложил, что самолет совершил вынужденную посадку.

Один из пленных был майор. На допросе, который проводил Фомин с помощью Курта, выяснилось, что гитлеровский офицер летел по специальному заданию штаба армии. Пленный майор показал, что ему, как специалисту по партизанской войне, было поручено провести с армейского склада колонну с военными грузами к важному опорному пункту. Показания майора подтверждались отобранными у него секретными документами.

— А у меня предложение есть, — проговорил Курт.

— Какое? — спросил Фомин.

— Нужно использовать этот случай. Возможность получить со склада вермахта все для нас необходимое представляется не каждый день. А что если вместо этого майора нам

послать своего человека и точно выполнить приказ штаба армии?

Фомин рассмеялся:

— Хорошо сказано: «Точно выполнить приказ штаба армии». Действительно неплохо. Может быть, нам даже орден за это дадут. Хорошо, пошли вместе к командиру.

В штабной палатке было почти все командование отряда. Фомин доложил о результатах допроса немецких пленных.

—Значит, со снабжением у немцев дела плохи, если они для сопровождения транспортных колонн посылают «особоуполномоченных», — выслушав Фомина, сказал комиссар.

— Ничего удивительного! — заметил Голубов. — Наши войска гонят немцев по всему фронту...

— Ну а теперь перейдем к делу! — предложил командир отряда.

Фомин встал:

— У Курта Павловича есть предложение.

Броземан коротко изложил свой план.

— Да, провести такую операцию было бы неплохо.

— Все будет зависеть от того, как сложатся дела с самолетом, — заметил начальник штаба. — Ведь летчик показал, что о вылете самолета сообщено начальнику склада. Так что нам придется лететь туда на этом самолете. Другого выхода я не вижу.

— А как с летчиком? — спросил Голубов.

Начальник штаба пожал плечами:

— Среди наших людей летчиков, к сожалению, нет.

— Товарищ Фомин, есть в районе склада

аэродром? — задал вопрос командир. — И вообще, как там с посадкой?

— Аэродрома в районе склада нет. Такие машины садятся прямо на плац военного городка.

— Да?! Ну так что же будем делать?

— Остается одно: лететь с немецким летчиком, — предложил Курт.

— Но это очень рискованно,— перебил его комиссар. — Достаточно летчику открыть рот, и что тогда?

— Да, риск большой. Это в полном смысле слова игра со смертью, — с сомнением проговорил начальник штаба.

— Любая операция связана с риском, — горячо возразил Курт. — Разрешите мне еще раз поговорить с летчиком.

Привели летчика, обер-фельдфебеля лет сорока. На лице — ни малейшего следа обычного фашистского нахальства, в глазах — смертельный испуг. Немного оправившись, он спросил:

— Меня расстреляют?

Не ответив, Курт спросил:

— Кем работал до армии?

— Механиком. Авиационным механиком.

— Семья большая?

— Да. Жена и трое детей. Старшему на рождество будет двенадцать.

— Давно на фронте?

— Нет. Я все время работал на аэродроме. Сначала механиком, потом облетывал отремонтированные самолеты. А сейчас, когда летчиков стало мало, мне часто приходится летать на фронт.

У летчика начали заметно дрожать колени. Лицо исказила гримаса страха.

— За всю войну я никого не тронул даже пальцем... — дрожащим от страха голосом произнес обер-фельдфебель.

— Так говорят все, — продолжал Броземан.

— Я все время был в глубоком тылу, далеко от фронта...

— Побереги слезы. Сейчас твоя судьба зависит только от тебя. Она в твоих руках. Завтра ты полетишь с нашими людьми туда, куда ты летел с твоим майором. Затем вернешься обратно сюда.

— Но у меня не хватит горючего, — пытался возразить летчик.

— Ну, это мы как-нибудь уладим. Но запомни одно: рядом с тобой все время будет находиться наш человек. Если тебе взбредет в голову сказать хоть одно лишнее слово, будешь застрелен на месте. Еще вот что: возьмешь на самолет взрывчатку. В случае надобности машину взорвешь. Понятно?

— Так точно! Все понятно. Но что будет со мной потом?

— Мы позаботимся, чтобы ты благополучно дожил до конца войны и целым и невредимым вернулся домой.

Этот ответ несколько приободрил обер-фельдфебеля.

Приказав увести летчика, Голубов встал и в раздумье вышел из палатки. Немного погодя он позвал к себе командиров.

— Я пришел к выводу, что в нашем плане нужно кое-что исправить. Черт его знает, а вдруг этот летчик все-таки выкинет какую-ни-

будь глупость. Тогда провалится операция и погибнут наши люди. Надо, чтобы самолет совершил вынужденную посадку где-нибудь на окраине города. Летчик сошлется на то, что у него кончилось горючее. Потом можно будет сообщить на склад, чтобы оттуда выслали машину и бензин. Тогда, если что и случится, то наши люди будут иметь дело не больше как с тремя-четырьмя гитлеровцами.

Все согласились с предложением командира. Началась детальная разработка и обсуждение плана проведения операции. Когда были взвешены и учтены многочисленные «за» и «против», Броземану и капитану Фомину был отдан приказ о проведении операции «Армейский склад».

В этот вечер у Курта было много разных дел. Нужно было привести в порядок немецкую форму, заготовить документы, проведать своего испанского друга Педро, несколько дней назад раненного в бою. Поговорить с Хорстом.

Было уже около двенадцати, когда Курт лег отдохнуть, но сон не приходил. Вдруг он встал и кулаками потер уставшие глаза. Растолкав соседа, только что вернувшегося с поста, он спросил:

— Какое сегодня число?

— Черт его знает! — в полусне ответил сосед. Потом, видимо поняв вопрос, он добавил: — Кажется, одиннадцатое, нет — двенадцатое...

— Да, двенадцатое. А что такое?

— Так, ничего, — уклончиво ответил Курт. Он закрыл глаза, и перед его мысленным

взором четко предстали три офицера — члены военного трибунала. Ровно год назад они приговорили его к восемнадцати годам тюремного заключения. Прошел всего лишь один год. Совсем небольшой отрезок времени. Но как изменилась за эти триста шестьдесят пять дней его жизнь! Он стал совершенно другим человеком. За этот год он нашел много добрых, настоящих друзей. У них он научился отличать хорошее от плохого, истинное от ложного.

Когда Курт проснулся, над осенним лесом взошло солнце. Степа, один из самых уважаемых в отряде партизан, уже ждал его. Этот всегда веселый парень был не только отличным минером. В отряде он исполнял много важных обязанностей. Он один заменял паспортный стол, был первоклассным поваром, хорошим артистом и искусным парикмахером. В его умелых руках удостоверение пленного фашистского майора через несколько часов выглядело как подлинный документ Броземана. Оставалось несколько «подделать» самого Курта. Настоящий майор под носом носил усики а ля Гитлер, поэтому Броземану также прилепили на верхнюю губу клочок волос. Закончив работу и посмотрев на свое творение, Степа шутливо посоветовал Курту:

— Теперь будь осторожен. Не дай бог, партизаны примут тебя за брата Гитлера... Могут, чего доброго, и укокошить.

Через час Курт был уже у самолета. Когда новоявленный майор подошел к немецкому

летчику, тот удивленно заморгал глазами и по привычке вытянулся в струнку. Щелкнув каблуками, он доложил о готовности к полету. Стоявшие вокруг самолета партизаны, глядя на эту картину, так и покатывались со смеху. И действительно, такого еще никогда не было в отряде: гитлеровец докладывал партизану. Будьте, мол, любезны, самолет германских военно-воздушных сил в вашем распоряжении.

Броземан обменялся несколькими словами с Фоминым и подозвал к себе летчика:

— Напоминаю еще раз: будешь дурить — тебе несдобровать. А теперь смотри на карту. Мы сядем около города, вот здесь, на лугу у железнодорожной насыпи. Твой парашют на всякий случай я возьму себе.

— Не понимаю, зачем вам нужен парашют?

— Чтобы ты, чего доброго, не вздумал спасаться с этим парашютом, я и отбираю его. Иначе ты можешь нас потерять. Выпрыгнешь, и тогда наш прекрасный самолет без летчика нам будет нужен, как рыбе зонтик. Понял?

Летчик молча кивнул.

Взревел мотор, и самолет, пробежав немного по лесной поляне, взмыл в воздух. Примерно через двадцать минут машина благополучно приземлилась на лугу неподалеку от железной дороги.

Броземан вылез из кабины и осмотрелся. До железнодорожной насыпи было метров восемьсот — девятьсот. По расчетам Броземана, здесь железную дорогу должно пересекать шоссе. Внимательно наблюдая, Курт вскоре

заметил мчавшийся по шоссе мотоцикл. Быстро вскинув автомат, он дал несколько коротких очередей в воздух.

Мотоцикл подъехал к самолету, и из коляски вышел солдат. Увидев офицера с автоматом в руке, он быстро подбежал к Броземану и представился:

— Господин майор, старший патруля — унтер-офицер Франк.

— Очень хорошо, — ответил Броземан. — Сейчас я дам вам поручение, которое необходимо выполнить немедленно. Поезжайте быстрее на армейский склад... Знаете такой?

— Так точно!

— Передайте начальнику склада, что у самолета из штаба армии кончилось горючее и он совершил вынужденную посадку здесь, за городом. Пусть пришлет за мной машину и бензин для самолета.

Унтер-офицер повторил приказание и доложил:

— Господин майор, мне приказано наблюдать за вашим самолетом. Со вчерашнего дня все патрули имеют такую задачу.

— Хорошо, хорошо. Давайте быстрее. — Броземан закурил сигарету и начал прохаживаться с Фоминым около самолета. Не отводя от них удивленных глаз, летчик готовил машину к заправке.

Меньше чем через полчаса на лугу остановился легковой автомобиль; из него вышел тучный офицер, сопровождаемый фельдфебелем, и бегом направился к самолету. Когда он подошел ближе, Броземану бросились в глаза типичные для военного чиновника вермахта

выправка и осанка. Отдав честь майору и представившись начальником склада, обер-цальмейстер с подобострастной улыбкой на лице заявил, что почитает для себя за честь лично доставить на склад высокого гостя.

— Еще бы немного, и это было бы ненужным, — заговорил Броземан. — На этом разбитом ящике нам еще вчера пришлось сесть в лесу. Чуть было не попали в лапы к бандитам. С трудом удалось уйти.

— Ах, это, должно быть, очень страшно, — испуганно проговорил толстяк.

— Кому как. Нам приходилось переживать и не такое. Все дело, в конце концов, в опыте.

— Слава богу, что он у вас есть. Я уже кое-что слышал о ваших заслугах. Господин майор очень смелый человек!

Между тем со склада подошла грузовая машина с двумя бочками — привезли авиационный бензин. Фомин снова взобрался в кабину, откуда ему было удобнее наблюдать за окружающей местностью. Разговаривая с начальником склада, Броземан не забывал внимательно следить за каждым движением летчика. Указав на обер-фельдфебеля так, что тот задрожал от страха, Броземан сказал обер-цальмейстеру:

— Парень неплохо держался во время полета, особенно при вынужденной посадке. Партизанская пуля пролетела от него на волосок и едва не убила беднягу.

Летчик заговорил было с фельдфебелем, но знак, поданный Броземаном рукой, заставил его замолчать.

Обер-цальмейстер пригласил Броземана в машину:

— Они заправят и без нас.

— Нет, нет, — возразил Броземан. — Я побуду пока здесь. Надо быстрее отправить эту птицу назад. Она срочно нужна в штабе армии.

— Может быть, люди пару часиков отдохнут? — спросил толстяк.

— Полноте, — грубовато ответил Броземан. — Какой там отдых! Русские так жмут, что не до отдыха. Сейчас на счету каждый человек, а тем более самолет. Кроме того, они полетят с посадкой в Житомире.

Самолет заправили. Выражение лица летчика стало совсем мрачным. Глубоко вздохнув, он открыл было рот и хотел что-то сказать. Но Броземан тоном, не терпящим никаких возражений, спросил:

— Все ясно?

— Так точно, — помедлив, ответил летчик и еще раз зачем-то обежал вокруг самолета. Он явно затягивал время. Но когда обер-фельдфебель увидел строгое лицо Броземана, он счел за лучшее побыстрее взобраться на свое сиденье. Через несколько минут летчик поднял руку, винт завертелся и самолет, пробежав по ровному лугу, поднялся в воздух.

На армейском складе работа шла полным ходом. Въезжали и выезжали машины, бегали возбужденные солдаты и военные чиновники. Во всем чувствовалась большая нервозность. Ведь не каждый день штаб армии посылает на склад своего особоуполномоченного. Черт

его знает, зачем приехал этот майор. Только ли по поводу отправки автоколонны? На всякий случай нужно навести по возможности порядок и спрятать неприятные вещи.

А при основательной проверке на складе можно было обнаружить немало такого, за что кое-кому не поздоровилось бы. Здесь стояли ящики со сливочным маслом, которые направлялись не на фронт, а в тыл, в Германию, ящики с консервами и мехами. Даже начальник склада, обер-цальмейстер Функ, в прошлом директор одного из крупнейших в Германии концернов, не смог доказать свою непричастность к этим махинациям. Кроме того, по документам на складе числилось обмундирование общей стоимостью в два миллиона немецких марок, которое концерн должен был поставить еще полгода назад. На самом деле это обмундирование на склад никогда не поступало. Подобная история произошла и с двадцатью тысячами пар горных ботинок. Эти ботинки, если верить аккуратно подшитым документам, направлены в войска, а деньги за них переведены на текущие счета владельца обувной фабрики через различных посредников. В действительности же склад эти ботинки никогда не получал, да и неизвестно, существовали ли они вообще.

Майора все это, казалось, нисколько не интересовало. «Он слишком тактичен, чтобы заниматься такими делами», — сделал для себя вывод бывший директор концерна.

Поблагодарив обер-цальмейстера за прекрасный обед, Броземан попросил показать ему склад и доложить, как готовится транспорт-

ная колонна, которая должна была выйти на следующий день.

— Машины уже погружены, и все готово к отправке.

— А как дела с охраной? — поинтересовался Броземан.

— Охрана, господин майор, поручена обер-лейтенанту Винкельману, командиру охранной роты,— учтиво ответил обер-цальмейстер.

Обер-лейтенант Винкельман монотонно докладывал «майору»:

— Охрана транспортной колонны в составе двадцати шести человек усилена двумя легкими танками и одним бронетранспортером. Вместе с водителями и их помощниками в вашем распоряжении будет девяносто солдат и один офицер.

— Как дела с боевым опытом? Люди обстреляны? Вам лично не приходилось участвовать в боях против партизан?

— Никак нет, господин майор, — признался офицер. — Я совсем недавно на Восточном фронте. После кампании во Франции я все время был в тыловых частях.

— Значит, с партизанами вы еще не знакомы?

Офицер смущенно молчал.

— Каким еще тяжелым оружием располагает ваша рота? — мягко спросил Броземан.

— Двумя легкими танками, четырьмя пехотными орудиями, шестью станковыми пулеметами, — перечислил обер-лейтенант.

— Это уже совсем другое дело. С таким вооружением мы не только благополучно при-

будем к месту назначения, но и сможем в случае чего еще задать партизанам жару.

— Но у нас ничего не остается для охраны склада! — вскричал обер-цальмейстер.

Броземана возмутило это возражение.

— Вы что же, господа, хотите послать колонну без соответствующей охраны? По-вашему, пусть гибнет колонна с грузами, лишь бы была цела ваша толстая задница? Так, что ли?! За такое отношение вас надо судить судом военного трибунала! Кстати, на этот счет у меня есть соответствующие полномочия. — Броземан достал из кармана какой-то листок бумаги и сунул его под нос напуганному обер-цальмейстеру.

После такой угрозы все указания Броземана исполнялись беспрекословно.

Рано утром следующего дня длинная колонна машин под усиленной охраной выехала со склада. Проехав несколько километров в западном направлении, она повернула на север. В голове колонны шли два танка и бронетранспортер. За десятой машиной следовали третий танк с «майором» и два орудия. Колонну замыкали еще один танк и два других орудия. Вдоль колонны на мотоцикле курсировал связной. Водителям и всем солдатам охраны этот рейс не казался особенно приятным. За две недели до этого две колонны, следовавшие по этому же маршруту, не прибыли в пункт назначения. Поэтому-то штаб армии и командировал для сопровождения колонны офицера с большим опытом ведения борьбы с

партизанами. Он должен во что бы то ни стало довести колонну до опорных пунктов, которым немецко-фашистское командование, готовясь к новому перемещению линии фронта на запад, придавало большое значение.

Но присутствие в колонне опытного офицера мало утешало немецких солдат.

— Хорошо, если этот рейс окончится благополучно,— с беспокойством в голосе сказал водитель одной из машин сидящему рядом с ним унтер-офицеру.

Тот, немного подумав, ответил:

— Все будет в порядке, Пауль. Майор собрал все тяжелое оружие, какое только было при складе. Говорят, он дал хороший нагоняй нашему обер-цальмейстеру. Старик хотел послать с нами только два танка.

— И обер-лейтенанта заставили ехать. Вот он теперь небось трясется! У него, наверно, штаны уже мокрые от страха.

— Жаль, что с нами не едет сам толстопузый. Такая поездка была бы ему очень полезна!

Немного помолчав, водитель спросил унтер-офицера:

— Ты давно в этом городе?

— Да. Раньше я служил в городской комендатуре. А почему ты это спрашиваешь?

— Слышал я историю о нападении на полевую жандармерию. Говорят, с партизанами был один немец.

Унтер-офицер ухмыльнулся:

— Ты что, хочешь заработать двадцать пять тысяч марок?

— Как так? —ничего не понимая, удивленно спросил обер-ефрейтор: он всего лишь не-

сколько дней назад вернулся из госпиталя и еще многого не знал.

— Очень просто, — спокойно ответил унтер-офицер. — Такая сумма обещана за голову этого парня. Сначала за него давали только пять тысяч, а теперь, видишь, уже двадцать пять тысяч обещают.

— Ничего не понимаю. Расскажи-ка подробнее.

— Этот предатель, видимо, большой пройдоха. Каторжник. Он не раз сидел в тюрьме, но всегда каким-то образом удирал. А сейчас эта скотина спуталась с партизанами.

— Это он взорвал жандармскую конуру вместе с цепными собаками? — допытывался обер-ефрейтор.

— Да. У него, видимо, были старые счеты с ними. Полгода назад он отколол, надо признать, дьявольски смелый номер. Средь белого дня в форме полковника подъехал к полевой жандармерии, взорвал ее, забрал с собой жандармского шефа и за городом расстрелял его.

— Этот парень, должно быть, чертовски смелый, — с ноткой восхищения в голосе заметил обер-ефрейтор.

— Ничего удивительного. Говорят, в полку он был сорви-головой, имеет несколько наград. Но мне он пусть лучше не попадается! — бахвалился унтер-офицер.

Тем временем колонна подошла к какому-то населенному пункту и остановилась. «Майор из штаба армии» приказал связному позвать обер-лейтенанта Винкельмана, ехавшего в голове колонны. Когда тот доложил о прибытии,

Броземан отвел его в сторону и так, чтобы не слышали другие, сказал:

— Я решил, что нам незачем испытывать свою судьбу и ехать по обычному маршруту, который хорошо известен партизанам. Можно не сомневаться, что они наверняка знают о движении нашей колонны и готовят нам ловушку, тем более что два раза это им неплохо удавалось.— Сделав небольшую паузу, Броземан продолжал:— На этот раз мы постараемся провести партизан. Мы просто их обойдем. Но для этого нам придется несколько отклониться от обычного маршрута и немного проехать по худшей дороге.

Хотя обер-лейтенант не имел ни малейшего представления о партизанах, он был чуть ли не в восторге от тактического замысла «майора». Аргументы «специалиста по борьбе с партизанами» казались ему весьма убедительными. Уж больно соблазнительно было предложение избежать встречи с партизанами, которой он боялся больше всего на свете. Выслушав доводы «специалиста», он начал льстиво осыпать «майора из штаба армии» восторженными похвалами.

Броземан пренебрежительно отмахнулся:

— Восторгаться будете потом. Главное еще впереди. Но об этом позже. — Он несколько раз прошел взад и вперед, над чем-то раздумывая, потом снова подошел к Винкельману. — Слушайте меня, обер-лейтенант, внимательно. Здесь, — Броземан показал пальцем точку на карте, — вот здесь мы свернем вправо. Проедем лес, за лесом — открытое поле. Я его видел с самолета. Там, на поле, мы оста-

новимся еще раз, соберем людей и объясним им обстановку. А сейчас достаточно будет сообщить об изменении маршрута только командирам взводов.

Проехав населенный пункт, колонна съехала с шоссе и двинулась по грунтовой дороге, проезжей только в сухую погоду. Справа и слева от дороги возвышался густой лес. Солдаты боязливо оглядывались по сторонам. Стояла тишина, нарушаемая только гулом моторов да лязгом гусениц танков.

Через полчаса лес кончился и впереди раскинулось ровное поле, освещенное яркими солнечными лучами. Солдаты облегченно вздохнули. Здесь они чувствовали себя значительно увереннее.

Колонна остановилась. Слева от дороги, насколько хватало глаз, протянулся поросший высокой травой луг, над которым отдельными островками возвышались заросли кустарника. Справа от дороги простиралось поле; несколько лет не обрабатываемое, оно заросло сорняками. Обер-лейтенант Винкельман с командирами взводов прибыл к «майору» на совещание. Оно продолжалось всего лишь несколько минут:

— Господа! Здесь мы в полной безопасности, — заявил Броземан. Обращаясь к обер-лейтенанту Винкельману, он продолжал: — В голове и в хвосте колонны выставьте по одному часовому. Остальных людей постройте здесь, у дороги.

Броземан посмотрел на часы. Было около половины двенадцатого. Водители и солдаты построились вдоль дороги лицом к полю.

Обер-лейтенант Винкельман подошел с рапортом к «майору». «Как на казарменном плацу, — пронеслось у Броземана в голове. — Едят глазами начальство». — Броземан тяжело вздохнул. Недавно он сам был таким же, как эти солдаты, так же, как и они, никогда не задумывался над тем, что ему приказывали. Он посмотрел на лица своих земляков, которые по команде «Смирно» застыли в строю.

Броземану было достаточно одного взгляда, чтобы оценить обстановку. Перед ним спиной к машинам стояли солдаты. Из-за кустов показались партизаны. Часовых у машин уже не было видно. Сердце Броземана учащенно билось. «Обойдется ли?» — думал он. Разъясняя солдатам свой «тактический замысел», он не отрывал глаз от колонны, внимательно следил за тем, что там происходит.

Командир отряда Голубов уже сидел на танке и рукой подавал сигналы партизанам. Броземан видел, как его боевые товарищи устанавливали пулеметы.

Вдруг Броземан внезапно заговорил на другую тему:

— Сегодня решается ваша судьба. Война для вас сейчас кончится.

Ничего не понимая, солдаты уставились на Броземана. Не успели они понять, что к чему, как раздалась команда:

— Кругом! Руки вверх!

Строй повернулся. До смерти испуганные, глядели солдаты на стоящие в тридцати шагах машины, из-за которых угрожающе смотрели на них стволы автоматов и пулеметов.

Обер-лейтенант беспомощно глядел на Броземана, как бы спрашивая у него: что делать? Вместо ответа «майор» направил на него дуло автомата.

Пока немцы приходили в себя, пытаясь понять, что же все-таки произошло, подбежавшие партизаны разделили их на мелкие группы. Одного унтер-офицера и нескольких солдат, оказавших сопротивление, партизаны расстреляли на месте. Поднявших руки солдат мигом разоружили. Кстати, большинство водителей оставили свое оружие в машинах. Затем наступила гробовая тишина.

Броземан подошел к командиру отряда. Голубов спрыгнул с танка, обнял и расцеловал Курта.

— Товарищ командир! Ваш приказ выполнен. В указанный район доставлены: тридцать две автомашины, четыре легких танка, один бронетранспортер, четыре пехотных орудия, шесть станковых пулеметов, сто двенадцать человек, в том числе два офицера и четырнадцать унтер-офицеров. Машины гружены продовольствием, оружием и боеприпасами.

— За мужество, проявленное вами при выполнении боевого задания, объявляю вам, товарищ Броземан, благодарность! — Голубов сердечно пожал Броземану руку.

С сияющими от радости глазами к Курту подбежал Шлегель, обнял его и, возбужденный и счастливый, несколько раз повторил:

— Слава богу, что ты жив. Я так за тебя боялся!

— Он тут без тебя совсем извелся, — подтвердил комиссар.

Броземан дружески толкнул парня в бок.

Броземана окружили партизаны. Посыпались вопросы. Каждому хотелось знать, как проходила операция.

— Ну расскажи, черт,— просил донской казак,— каково тебе было одному среди волков?

— Я же вырос среди волков,— отвечал Курт.— Больше всего я боялся за летчика.

— Как настроение у немцев?— поинтересовался капитан Фомин.

— Сидят как на раскаленных углях. Каждый день ждут приказа об отходе.

— Ничего удивительного!— заметил Фомин.— Фронт приближается. Пора им и чемоданы укладывать...

— Есть у меня один сюрприз для командира,— сказал Броземан.

— Можно узнать какой?— остановил его Педро.

— Вещь, за которой мы уже давно охотимся.

— А, знаю, знаю!— обрадованно крикнул донской казак.— Радиостанция! Точно?

— Ну и нюх у тебя!— удивился Броземан.— Точно, радиостанция. Совсем новенькая и очень мощная.

Партизаны, обыскивавшие машины, уже тащили радиостанцию. Нашелся и радист. Он уже развернул радиостанцию и настраивал ее на прием, стараясь установить связь с Большой землей.

Через несколько минут Голубов приказал уходить в лес. Для обеспечения отхода отряда было выделено отделение, которое полу-

чило приказ оставаться на месте, пока подрывники не выведут из строя все ненужные машины. После этого отделение должно было на машине догонять своих.

В отряде царило приподнятое настроение. С Большой землей была восстановлена радиосвязь. Как долго партизаны ждали этого дня! Более девяти месяцев назад в одном из боев радиостанция отряда была разбита. Теперь партизаны вновь получили возможность регулярно слушать сводки Совинформбюро. Самое же главное заключалось в том, что теперь отряд поддерживал постоянную связь с украинским штабом партизанского движения.

7 ноября отряд Голубова вместе с железнодорожниками подготовил и провел одну эффективную операцию.

Блокировав на четыре дня движение поездов по железнодорожной линии на Житомир, отряду удалось задержать эшелон с боеприпасами, направлявшийся к фронту. Только к вечеру 6 ноября фашисты смогли возобновить движение на этом участке дороги.

— Все идет, как мы и предполагали, — доложил начальник штаба командиру отряда. — Завтра утром они, безусловно, пропустят эшелон с боеприпасами одним из первых.

— Пожалуй, — согласился Голубов.

— Поэтому сегодня же ночью на вокзале надо все как следует подготовить. В случае если эшелон задержится с отправлением, он должен взлететь на воздух на вокзале.

Обычный подрыв эшелона на участке железной дороги не давал гарантии, что все боеприпасы взорвутся. Поэтому было принято ре-

шение на каждом вагоне установить магнитные мины замедленного действия. Часовые механизмы взрывателей были установлены на десять часов московского времени. 7 ноября в этот час в Москве на Красной площади всегда начинался военный парад.

Наибольшей трудностью в этой операции явилась доставка мин на вокзал, усиленно охраняемый фашистами. Доступ на вокзал и железнодорожные пути имели только два украинца-сцепщика. Они, конечно, не могли поднести к эшелону все двадцать восемь мин и «приклеить» их к каждому вагону.

Принять участие в опасной операции, как всегда, вызвался Курт. Предложенный им план действий вызвал у командования отряда опасение, что немцы могут узнать Броземана. Фашисты, конечно, еще не забыли партизанскую операцию «Армейский склад».

— Ваше рвение похвально, Курт Павлович,— вступил в разговор командир отряда.— Но мне кажется, что в этом деле вы можете легко потерять голову.

— Буду осторожным.

— Мне кажется, предложение Броземана — наиболее удачное, — высказал свое мнение Фомин.

Некоторые не соглашались с планом Броземана, предлагали другие варианты. После долгих споров и детального обсуждения всех предложений командир принял решение: проводить операцию по плану Броземана. Общее руководство ее подготовкой и проведением Голубов возложил на капитана Фомина. Брозе-

ману и Косте поручалась самая трудная часть задачи — провести на вокзале подготовительную работу.

Под вечер 6 ноября в кабинете начальника станции зазвонил телефон. Обер-инспектор, пожилой железнодорожник, присланный из Берлина, снял трубку.

— Визенбург! Обер-инспектор Визенбург слушает!

— Говорит подполковник Раухман, — послышался голос с другого конца провода. — Господин обер-инспектор! У меня к вам очень большая просьба. Комендатура службы военных сообщений помочь не может. Мне срочно нужны два товарных вагона.

— Да, мой дорогой подполковник, — отвечал железнодорожник, — но я вряд ли могу вам чем-либо помочь. Сейчас у меня нет ни одного пустого вагона.

— Это я знаю. В комендатуре мне уже сказали об этом. Но речь идет о доставке срочного военного груза на фронт.

— К великому сожалению, ничем помочь не могу.

— Послушайте, — просил подполковник, — я не буду мелочным, если вы все же найдете возможность оказать мне помощь. Разрешите, уважаемый обер-инспектор, прибыть к вам лично?

— Пожалуйста. Но я ничего вам не обещаю.

— Хорошо, хорошо. Сейчас я буду у вас. До свидания!

Не прошло и получаса, как на вокзале появился подполковник в сопровождении лейтенанта. Оба офицера выглядели так, как будто они только что прибыли с передовой. Офицеры прошли в кабинет ожидавшего их начальника станции.

— Подполковник Раухман, — представился офицер.

Железнодорожник предложил офицерам сесть.

— Как я уже говорил, — начал разговор обер-инспектор, — при всем моем желании я ничем не могу вам помочь. Вы, видимо, сами знаете, что всем подвижным составом распоряжается комендатура службы военных перевозок.

— Да, разумеется. Это мне известно. Поэтому я и решил обратиться лично к вам. Может быть, вы все же изыщете какую-нибудь возможность. Дело идет о перевозке военной техники, срочно необходимой фронту. По шоссейным дорогам эту технику перевозить нельзя.

— Техника! Что сейчас не важное? Для фронта все важно, — горячился обер-инспектор. — У меня этим «важным» забиты все пакгаузы. Нужно отправлять. А что мы можем сделать? Мы не волшебники. А тут еще эти партизаны кровь портят, житья от них нет. Только в этом году на минах подорвалось около двухсот девяноста поездов. Около восьмидесяти паровозов лежит под откосом. У нас-то еще ничего. А на других участках много хуже. — Железнодорожник беспомощно развел руками.

— Да, да, нам тоже от них не сладко,— сочувственно проговорил подполковник. — Но всего лишь два вагона...

— Ничего не могу, — прервал его железнодорожник.

— Может быть, мы с вами договоримся на деловой, коммерческой основе?

— Я — чиновник и нахожусь на службе, господин подполковник!

— Конечно! Я вас понимаю. Но это вряд ли нам помешает, если мы будем говорить как немец с немцем. Ведь речь идет о вещах, имеющих очень большое значение. Вы окажете добрую услугу фронту, а мы не оставим вас без внимания.

— Я попрошу вас...

— Ну что вы! Надеюсь, вы не откажетесь от нескольких фунтов натурального кофе в зернах? Он вам очень пригодится. Ведь скоро рождество. — Подполковник встал, подошел к обер-инспектору и протянул ему руку.

Визенбург тоже поднялся. Хлопнув по протянутой руке, он как-то нерешительно проговорил:

— Я сделаю, господин подполковник, все от меня зависящее.

— Я буду вам весьма обязан.

Извинившись, железнодорожник на несколько минут вышел из комнаты. Переодетый в форму немецкого лейтенанта Костя, безмолвно слушавший весь этот разговор, всплеснул руками:

— Черт вас побери, торгуетесь, как на самой захудалой ярмарке!

Через несколько минут обер-инспектор вернулся:

— Так, господа! Дела вот какие. Один вагон я могу вам дать уже сегодня ночью. Сейчас он находится под разгрузкой. Кроме того, я поговорю с офицером, ответственным за погрузку полка. Может быть, мне удастся что-нибудь урвать у него. Если ничего не выйдет, то второй вагон вы получите только завтра. Устраивает?

— Еще бы, — сияя от радости, ответил подполковник и крепко пожал обер-инспектору руку. — Вот это действительно услуга, господин обер-инспектор. Об этом я обязательно доложу начальству.

Оформив необходимые документы, начальник станции сказал:

— Пойдемте, я покажу вам место, где стоит ваш вагон, и платформу, с которой вы будете грузиться.

Начальник станции и оба офицера вышли на перрон. К вокзалу подходили шесть железнодорожных путей, из которых два ближних были свободны. На третьем стоял состав с разбитой техникой, а на четвертом и пятом — поезда, составленные из пульмановских вагонов. Один из них, видимо, и был эшелон с боеприпасами. Вдоль шестого пути протянулась погрузочная платформа. Для погрузки какой-то моторизованной части к ней подогнали более двадцати платформ. Справа и дальше от них стояло несколько отдельных вагонов, из которых один разгружался. Указав на него пальцем, начальник станции сказал:

— Этот вагон скоро разгрузят, и около двенадцати ночи он будет в вашем распоряжении.

— Отлично,— ответил подполковник.— Я со своими людьми приду сюда немного пораньше.

Было уже темно, когда Броземан и Костя встретились с Фоминым, ожидавшим их в двух километрах от города.

— Как дела? — спросил Фомин.

— Пока все в порядке, товарищ капитан,— ответил Костя.

— Чего же ты улыбаешься?

— Я вот вспомнил разговор нашего Курта Павловича с немецким железнодорожником.

— Ну и что?!

— Начальник станции хотел сначала показать, что он неподкупный и взяток не берет. А когда услышал о натуральном кофе, забыл все на свете и продал свою душу черту. За кофе он предоставил нам станцию в полное распоряжение.

Капитан Фомин тоже засмеялся:

— Расскажи-ка, Курт Павлович, как там было.

— Костя уже сказал, что все в порядке. Начальник станции дает нам сегодня ночью один вагон. Обстоятельства складываются лучше, чем мы предполагали. Там будет грузиться какая-то моторизованная часть. В толкучке во время погрузки мы сможем делать на вокзале все, что нам нужно, и ходить по путям сколько угодно. Если нас будет десять человек, то каждому придется пройти с минами всего по два раза.

— Что мы будем делать с вагоном? Его ведь нельзя оставлять пустым!

— Я думаю, что прежде всего нам надо отнести начальнику станции несколько фунтов кофе, чтобы он не волновался. Я ему скажу, что вагон мы загрузили и закрыли.

В десять часов вечера пятнадцать партизан, возглавляемые капитаном Фоминым и Куртом Броземаном, направились в город. Перейдя луг, они вышли к поселку железнодорожников. Во дворе одного из домов стояла грузовая машина, оставленная там Броземаном еще днем. В этом не было ничего необычного: немцы часто останавливались в поселке на ночлег. Партизаны сели в машину и поехали на вокзал.

Ночь была темная, моросил мелкий дождь. На платформе, освещенной затемненными фарами автомобилей, шла погрузка воинской части. Подъехавших к «своему» вагону партизан встретил железнодорожник-украинец. Осветив прибывших карманным фонарем, он спросил:

— Кто здесь старший?

— Я,— ответил Фомин.

— Вагон пустой. Так что можете начинать.— Потом шепотом добавил: —Давайте прямо здесь, на путях.

— Спасибо, дядя! Мы уже готовы.

Вскоре пришел Курт, заходивший к начальнику станции.

— Я только что прошел вдоль эшелона с боеприпасами,— сообщил Курт Фомину.— Он охраняется всего четырьмя часовыми.

— У нас остаются лишние мины,— сказал

Фомин.— Шесть штук. Может быть, подарим их этому соседу, что сейчас грузится?

— Идея! — воскликнул Курт.— Разрешите, я это сделаю!

Когда партизаны закончили свою работу, было без десяти минут час. Сидя в «своем» вагоне, они молча курили.

— Часы-то тикают,— прошептал кто-то.

— Да, теперь, пожалуй, можно отсюда и уходить,— сказал Фомин.

На востоке уже занималась заря, когда Фомин и Броземан доложили командиру отряда о своем возвращении. В это время отряд находился в пятнадцати километрах от города, в заболоченном лесу, откуда хорошо просматривался большой участок железной дороги.

Около 8 часов утра 7 ноября из города прошел охранявший железную дорогу бронепоезд. Вскоре за ним проследовал эшелон с грузившейся ночью моторизованной частью.

— Хорошо, что первым они послали этот эшелон,— крикнул своим товарищам Костя, наблюдавший с дерева за железнодорожным полотном.

— С их стороны было бы большим свинством лишать нас спектакля,— заметил один из партизан.

Без четверти девять. Наблюдатель на иве оживился.

— Тихо! Идет еще один поезд.

— Откуда?

— Оттуда! — Костя показал на запад. Он напряженно смотрел в бинокль.

Справа, там, где лес вплотную подходил к железной дороге, показался дымок паровоза.

— Ну что там? — нетерпеливо спрашивали снизу.

— Сейчас, сейчас узнаем... Товарный поезд... Вагоны все закрыты...

На лицах партизан сразу появилось выражение разочарования. Если это эшелон с боеприпасами, то он идет на час раньше, чем следовало. Каждый высказывал свои предположения.

— Ну что там, разведчик? — спросил командир отряда наблюдавшего с дерева Костю.— Эшелон с боеприпасами или нет?

Костя пожал плечами:

— Не могу точно сказать, товарищ командир. Не знаю.

— Вот те раз! Какой же ты разведчик! — полушутя заметил Голубов.— Но ничего. Главное — в десять часов поезд взлетит на воздух. А увидим мы это или нет — это в конце концов не самое важное.— Голубов хотел было уже идти, когда с востока послышался протяжный гудок паровоза. Немного спустя на запад прошел товарный поезд.

— Смотрите как разъездились! Как два года назад,— сердито сказал Костя, слезая с дерева.

— Ненадолго,— посмотрев на часы, ответил командир.— Через тридцать пять минут эта благодать у них кончится.

Партизаны начали расходиться, чаще обычного поглядывая на часы. Несмотря на то что за полчаса поезд мог уйти далеко, они все же надеялись услышать взрыв.

По этому случаю даже комиссар, всегда точный сам и требовавший точности от других, чтобы не лишать бойцов радости, решил поступиться своими принципами и отложил начало праздничного митинга на пятнадцать минут.

Большая стрелка часов медленно ползла по циферблату.

— Еще только без четверти десять,— проговорил притихший донской казак, вопросительно глядя на Педро.

— Что ж, дорогой, ничего не поделаешь.

— Так готовились к этому праздничному салюту, а состав черт знает где. Плохи наши дела,— покачав головой, высказал вслух свои мысли пожилой партизан.

— Надо было взорвать полотно,— поддержал его молодой парень.— Тогда...

— Не болтай чепухи,— грубо оборвал его донской казак.

— Ладно, не ругайся, казак,— примирительно проговорил парень.

— Представь себе, что этот эшелон еще не прошел, а только отправляется с вокзала.

— Хватит, хватит. Успокой свою казачью кровь,— вступился за парня пожилой партизан. Кругом все рассмеялись.

Смех сразу оборвался: вдали послышался резкий паровозный гудок. Вскоре показался и поезд. Как обычно, впереди паровоза шли платформы, груженные камнями, а в хвосте состава — вагон с охраной. Когда поезд поравнялся с партизанами, снова взобравшийся на дерево Костя возбужденно крикнул:

— Двадцать восемь закрытых вагонов. Я их

точно сосчитал. Это наверняка тот... — договорить он не решился.

Как по команде, все посмотрели на часы. У одних было без двух минут десять. Другие уверяли, что до десяти еще четыре минуты. А один клялся, что его часы самые точные и до десяти часов осталось всего лишь несколько секунд. Между тем паровоз уже скрылся за холмом, и теперь его видели только наблюдатели, сидевшие на деревьях.

Люди застыли в напряженном ожидании. Медленно тянулись оставшиеся секунды.

— Десять! — громко выкрикнул кто-то.

Вдали, за холмом, где только что скрылся поезд, в небо взметнулось рыжее пламя, а затем раздался громовой раскат взрыва. За первым взрывом, как по цепочке, последовали другие. Мощь их все время нарастала. Казалось, кто-то выкатил несколько сотен орудий, чтобы отметить праздник Октября невиданным в мире салютом.

В середине декабря 1943 года отряд, насчитывавший около шестидесяти человек, провел несколько операций на железнодорожной линии и шоссейной дороге Житомир — Ровно. Возвращаясь в свой лагерь, отряд неожиданно столкнулся с одним немецким подразделением, направлявшимся на фронт. Это столкновение, к счастью обошедшееся без жертв, вынудило партизан изменить первоначальное направление своего движения.

Необходимо было пробиться на север. Голубов рассчитывал углубиться в густые леса,

куда немцы не решались совать свой нос. Только лес мог надежно укрыть партизан.

— Через несколько дней наши войска будут здесь,— сказал как-то Голубов партизанам.

Но на войне не всегда все идет по плану. Вот и сейчас обстановка заставила повернуть отряд на юго-восток. Двигаясь в этом направлении, отряд через два дня наткнулся еще на одну немецкую часть. Лишь благодаря умелому маневру партизанам удалось оторваться от противника и не понести потерь. Голубов собрал командиров на совещание.

— Обстановку вы все знаете,— начал он.— В нашем районе немецко-фашистские части отступают в основном вдоль дороги Новоград-Волынский — Ровно. Немцы избегают заходить в лес, опасаясь встретиться там с партизанскими отрядами. Наша задача состоит в том, чтобы выбраться из этого потока отступающих немецких войск. Иначе нас прижмут к реке. Что это значит, объяснять вам, наверное, не надо.

Высказывали различные мнения, но все сходились в одном: пробиться к фронту или к лесному массиву можно. Было выдвинуто и такое предложение: пробираться мелкими группами по пять — семь человек.

— Над этим я уже думал, — сказал Голубов. — Но нам нельзя забывать, что до прихода наших войск мы должны выполнять свою боевую задачу.

— Правильно! — согласился с мнением командира парторг одного партизанского взвода. — Надо думать не только о спасении своей

шкуры. Наш долг — до конца бороться за освобождение советской земли.

Решение было твердым: ни при каких обстоятельствах отряд не распылять, пробиваться на север между линией фронта и рекой Случь, до подхода советских войск продолжать наносить удары по врагу.

За время своего пребывания в отряде Курт еще ни разу не видел партизан такими решительными, какими они были в этот день. Сидя с небольшой группой партизан, Броземан заметил, что своеобразное выражение решимости было на лицах всех партизан. За последние дни сильно изменился и Хорст Шлегель.

Разговор шел на различные темы. Казак рассказывал об искусстве верховой езды донских казаков, которые на полном скаку делают головокружительные трюки. Шлегель внимательно следил за каждым движением донского казака, сопровождавшего свой рассказ выразительными жестами. Когда вечно веселый собеседник на минуту смолк, Хорст, повернувшись к Курту, сказал:

— Ничего не понимаю. Сидим, как на необитаемом острове. Кругом противник, а мы ведем себя так, как будто все это пустяки и нам вообще ничто не угрожает.

К ним подсел Костя.

— В вермахте, — продолжал Шлегель, — мне никогда не приходилось наблюдать подобного. Не знаю случаев, чтобы в такой тяжелой обстановке, как сейчас, кто-нибудь чувствовал себя так уверенно. Каждый думал, как бы спасти собственную шкуру. А тут шутят и веселятся, как на свадьбе.

— Кажется, ты становишься нормальным человеком, — Броземан весело рассмеялся. — Что касается духа партизан, то тут ты абсолютно прав. Только раньше ты этого не замечал или не хотел замечать. Ты помнишь, как мы лежали у шоссе и ждали автоколонну?

— Ну, с тех пор прошло уже несколько месяцев, — ответил Шлегель.

— А ты чему-нибудь научился за это время?

— Думаю, что да.

Броземан посмотрел на другую группу сидевших неподалеку партизан.

— За этот год, — медленно говорил Курт, — я узнал больше, чем за всю свою жизнь. Здесь меня впервые научили думать. А это самое главное.

Вечерело. Мороз крепчал. Хотя зима уже давно вступила в свои права, снега еще было мало. Отряд снялся с бивака и без каких-либо осложнений в полночь пересек железнодорожную линию Новоград-Волынский — Коростень. За два с половиной года наладить движение на этом участке немцам так и не удалось. Спустя некоторое время отряд вышел к проселочной дороге, по которой нескончаемым потоком шли отступающие фашистские части, тянулись обозы.

— До рассвета нам во что бы то ни стало надо перейти на ту сторону. Иначе утром нас здесь обнаружат.— Голубов говорил совсем тихо: до дороги было не более двадцати шагов.

— Нужно посмотреть, что делается слева и справа от нас, — предложил Курт.

— В обе стороны я уже выслал разведчиков. Но все равно, надо уже сейчас думать,

как перейти на ту сторону.— Командир минуту помолчал, потом подвинулся ближе к Броземану и шепотом сказал: — Мне только что пришла в голову одна мысль, Курт Павлович. Если здесь есть перекресток, то, может быть, нам удастся как-нибудь остановить колонну или разорвать ее. Как вы думаете?

— Это, пожалуй, можно сделать. Надо только подождать разведку.

— Прорваться через дорогу с боем — не проблема. Но мы можем понести потери. Еще хуже, если фашисты нас обнаружат и начнут преследовать. Сейчас нам нужно избежать этого.

— Я понял, товарищ командир.

Вскоре вернулись разведчики. Они доложили, что прошли вдоль дороги вправо и влево больше километра и не обнаружили ни перекрестка, ни моста. Командир выругался: колонна на дороге неожиданно остановилась.

Броземан снял шинель, прикрепил к ней немецкие погоны и достал из сумки офицерскую фуражку.

— Я возьму коня, — сказал он Голубову, — и верхом проеду вдоль колонны. Посмотрю, что можно сделать.

— Хорошо. Только будьте осторожны!

Через четверть часа Броземан вернулся.

— Ну докладывайте, как там дела? — спросил командир соскочившего с коня Броземана.

— Продвигаются они очень медленно, останавливаются. Часто бывают пробки. — Броземан показал рукой на дорогу. — Я думаю, что мы все же сможем пробраться в промежутки.

— Большие эти промежутки?

— Не очень. Несколько метров.

— Что вы предлагаете, Курт Павлович?

— Слева, метрах в трехстах отсюда, через дорогу проходит узкая тропа. В этом месте я попытаюсь разорвать колонну. Начну там с кем-нибудь ругаться. Когда затею шум, можете переходить через дорогу. Но мне нужен один человек. Разрешите, я возьму с собой Шлегеля?

В нескольких словах Курт объяснил Шлегелю свой несложный план.

— Ты должен испуганным голосом повторять: «Яволь, герр гауптман!»

Шлегель сразу согласился.

Над рощей нависли темные облака, закрывшие бледный диск луны. Броземан медленно ехал верхом вдоль немецкой колонны. Между крытой брезентом повозкой и артиллерийским орудием он заметил небольшой промежуток. Подстегнув своего коня, он быстро подъехал к месту, где дорога была несколько шире, чем в других местах. Здесь должна быть тропинка. Он спрыгнул с коня и быстро нашел подходившую к дороге тропу. Одновременно он считал проходившие мимо него повозки.

— Ага! Вот вы где, негодяи! Ночлежку здесь устроили? Сейчас я вам покажу! — в ночной тишине звучный голос Броземана прозвучал как гром среди ясного неба.

Немецкие обозники начали испуганно погонять своих лошадей, полагая, что какой-то начальник дает нагоняй ездовому, съехавшему с дороги и улегшемуся спать.

Броземан направил своего коня к подходившей повозке.

— Стой! Подожди, пока некоторые господа наведут у себя порядок.

Через несколько минут он снова начал неистовствовать, ругаясь и командуя, как на прусском казарменном плацу: Время от времени между отборной бранью слышалось: «Яволь, герр гауптман!» А партизаны тем временем быстро перешли через дорогу.

Броземан снова подъехал к остановившейся повозке.

— Пошел! Вперед! Быстрее! Догоняй своих! — прогремел Броземан и поскакал вслед за отрядом.

— Как все просто! — сказал Шлегель, потирая окоченевшие руки.

— А ты думал как? — ответил Броземан.

На рассвете отряд вошел в густой лес. Справа раскинулось озеро, по берегу которого выстроились белые хаты небольшого села. Партизаны углубились в лес, где рассчитывали найти подходящее для отдыха место. Направившиеся к деревне разведчики через час вернулись. Движение днем для отряда стало трудным и опасным. Вблизи фронта каждый шаг был связан с риском столкнуться с фашистскими войсками.

Разведчики сообщили, что в селе у озера расположился какой-то штаб, возле штаба стоят две большие антенны, а вокруг населенного пункта отрыты траншеи.

— Сколько немцев в селе? — спросил командир.

— Около двухсот человек.

Пока партизаны отдыхали, Голубов ставил командирам подразделений задачи на ночную операцию.

Ночь была темная, холодная и ветреная. В два часа отряд снялся с бивака и направился к населенному пункту. Ночную тишину лишь изредка нарушал треск мотоциклов вражеских связных, спешивших в штаб. За несколько минут до нападения на фашистский штаб Курт со своей группой из шести человек вышел к первому блиндажу. Часового не было. Курт подполз к входу в блиндаж, откуда ход сообщения вел в село. Он уже хотел было спрыгнуть в окоп, как в нескольких шагах от себя увидел стальную каску. Солдат насторожился. Видимо заметив Броземана, он немного приподнялся над бруствером, но в этот момент один из партизан бросился на него и стиснул фашисту горло. Солдат захрипел, карабин упал. Спавшие в блиндаже четыре других солдата были так же бесшумно уничтожены.

Партизаны пошли по ходу сообщения. Около сарая от хода сообщения начиналось ответвление.

— Это, наверно, ход к соседнему блиндажу, — заметил донской казак.

— Да, пожалуй, — ответил Броземан. — На всякий случай мы и с ним разделаемся. Но нам нужно...

Броземан замолчал. От села по ходу сообщения кто-то шел.

— Внимание! — шепотом предупредил Курт.

Броземан подал своим людям знак, и они быстро выбрались из окопа.

Отойдя немного назад, Броземан присел. Когда немец подошел к нему ближе, он встал и крикнул:

— Стой! Кто идет?

— Дежурный! Это вы, обер-ефрейтор Хюбнер?

— Тише ты, идиот! — ответил Курт и бросился на дежурного. Донской казак схватил его с другой стороны. — Смотри не задуши его. Он нам нужен.

Пока дежурный приходил в себя, партизаны обезвредили гитлеровских солдат во втором блиндаже. Броземан коротко допросил насмерть перепуганного унтер-офицера. Немец с готовностью отвечал на все вопросы:

— В селе расположен штаб корпуса. В штабе около тридцати офицеров и свыше двухсот унтер-офицеров и солдат. В нескольких километрах от села находятся два полка — резерв корпуса.

— Где расквартированы офицеры? — спросил Броземан.

— Офицеры живут в каменных домах, — отвечал унтер-офицер.

— Где сто́ят машины?

— Большая часть — здесь, рядом, в двух сараях. — Он показал на стоящие рядом строения. — Бронетранспортеры — за каменным домом.

Неожиданно, словно из-под земли, появился Голубов:

— Как дела, Курт Павлович?

В нескольких словах Броземан доложил обстановку:

— Предлагаю прежде всего снять посты в селе. Всего их восемнадцать.

Командир посмотрел на часы:

— Сейчас половина четвертого. — Немного подумав, Голубов спросил: — Сколько в селе жителей?

— Не больше двадцати,— ответил Костя.— Остальные убежали в лес.

— Хорошо,— сказал Голубов.— Товарищ Броземан! Вы со своей группой займетесь часовыми. За вами пойдут другие товарищи. Они подготовят к уничтожению машины, радиостанции и убежища. Но где взять бензин? Двухэтажный кирпичный дом взорвем. В три пятьдесят пять все должно быть закончено. По сигналу зеленой ракеты поджигайте и уходите. Предупреждаю еще раз: огонь из стрелкового оружия разрешаю открывать лишь в исключительных случаях. Все ясно?! Ну а теперь — за работу, товарищи!

Мертвая тишина. Только из большого каменного дома изредка слышался громкий голос. Видимо, кто-то разговаривал по телефону.

Не обошлось и без неожиданных столкновений. Вскоре после уничтожения постов из большого каменного дома выбежали унтер-офицер и солдат.

— Куда это вы, друзья? — крикнул им Броземан.

Унтер-офицер повернулся, сделал несколько шагов в сторону Броземана и сердито проговорил:

— Для вас, желторотик, я — унтер-офицер! Понятно?

— Черт возьми! — воскликнул Броземан. —

Если вы — унтер-офицер, то меня крайне удивляет тон, каким вы, хам, разговариваете с офицером!

Унтер-офицер застыл на месте, невнятно бормоча извинения.

— Куда же вы все-таки направляетесь? — еще раз спросил Броземан.

— Срочное приказание резервным полкам, — залепетал унтер-офицер. — Им приказано занять новые позиции. Русские снова нажимают.

— Уничтожить! — спокойно приказал Броземан.

Не успели опешившие унтер-офицер и солдат понять, в чем дело, как с ними было покончено.

Немного погодя из дома вышел офицер. В шинели, накинутой на плечи, он остановился на крыльце. Понюхав воздух, закричал:

— Часовой! Почему пахнет бензином? Вы что, не чувствуете?

Вместо часового ответил Броземан:

— Так точно! Чувствую!

Ругаясь, офицер сошел с крыльца.

— Что это значит «чувствую» и почему не докладываете? — Он подошел вплотную к Броземану и поднял карманный фонарик. — Я вас...

Договорить ему не удалось.

И действительно, в воздухе сильно пахло бензином. Из караульного помещения раздались громкие голоса.

— Куда пропал этот Герберт? — сердито спрашивал кто-то начальническим голосом. — Вставайте! Встать, я сказал!

— Нам пора убираться восвояси, — сказал Шлегель, подойдя с Педро к Курту.

— Не бойся. Это готовится смена постов, — прошептал Броземан.— Больше девятнадцати их не будет.

Курт посмотрел на часы:

— До сигнала осталось минуты две-три.

У большого каменного дома вылили две бочки бензина. Мокрые от пота партизаны заканчивали последние приготовления. Вскоре в ночное небо взвилась долгожданная зеленая ракета. В каменный дом полетели ручные гранаты. Здание потряс мощный взрыв. Через несколько секунд пламя огромным факелом взметнулось в морозное небо, ярко осветив все село и окружающую местность.

Отходившие в лес партизаны не без удовольствия оглядывались на этот уголок ада, где в панике метались перепуганные фашисты. Одни из них куда-то стреляли, другие бежали к окраине села, к озеру, где надеялись найти спасительный выход из страшного пекла. В разных местах населенного пункта начали рваться склады боеприпасов.

Когда партизаны были уже в нескольких километрах от села, там все еще бушевало море огня. Взрывы не прекращались до самого утра.

5

Прошло два дня. С большими трудностями отряд пробирался через поток фашистских войск, отступавших под натиском советских соединений на запад. С востока уже доноси-

лись раскаты артиллерийской канонады. Немецкие войска валом откатывались на запад, с ними можно было столкнуться повсюду — на небольших дорогах, проселках и лесных тропах. До лесного массива, где Голубов рассчитывал найти безопасное укрытие, оставалось тридцать, самое большое сорок километров — расстояние, которое в обычных условиях можно было бы пройти за одну ночь.

Партизаны оставили при себе самое необходимое. Из всех лошадей они взяли с собой лишь несколько — для транспортировки боеприпасов и раненых. Двадцать восьмого декабря пришлось оставить и последних лошадей. Под вечер этого дня гитлеровцы напали на след отряда.

После ожесточенного боя партизанам удалось отогнать фашистов. Но подошедшее подкрепление противника продолжало упорно преследовать отряд. Только что выпавший снег облегчал фашистам преследование.

Утром следующего дня отряд наконец вышел на опушку большого леса. Но проникнуть в глубь леса и укрыться там от врага партизанам не удалось. На пути движения отряда немцы выставили заслон. По всему было видно, что отряд попал в окружение и избежать боя не удастся. Голубов приказал приготовиться к бою. Сразу же на опушку выслали несколько партизан, которые должны были вести огонь с деревьев.

Косте была поставлена задача: найти в расположении противника наиболее слабое место, где отряд мог бы прорвать вражеское кольцо.

Около полудня фашисты открыли по опушке интенсивный минометный огонь. Обстрел окончился так же внезапно, как и начался.

— Теперь смотрите в оба, товарищи. Сейчас они пойдут в атаку. — Едва командир произнес эти слова, как его предположение подтвердилось.

Поднявшись в атаку и продвинувшись немного вперед, фашисты залегли под сильным огнем партизан.

Укрывшись за деревом, Голубов внимательно наблюдал за действиями противника. Партизаны, засевшие на деревьях, спокойно вели прицельный огонь, экономно расходуя патроны. Почти каждый выстрел поражал цель. Немецкие пулеметы на флангах смолкли. Казалось, они начали смену огневых позиций. Фашисты, продолжая лежать, усилили огонь.

На левом фланге снова застрочил пулемет. Но его быстро обнаружили и несколькими выстрелами заставили замолчать. Немецкая пехота залегла в семидесяти — восьмидесяти метрах от позиции партизан. Но Голубов ждал. Бойцы хорошо знали его выдержку. Сейчас шла борьба нервов. Фашисты явно нервничали. Вдруг раздалась громкая команда, и фашисты бросились на штурм лесной опушки.

— Огонь! — скомандовал Голубов.

Встреченная ураганным огнем партизан, волна фашистов на мгновение остановилась и покатилась назад. Один офицер криками и угрозами пытался остановить своих солдат, но меткая пуля заставила его замолчать. Никем не сдерживаемые, солдаты в панике бежали назад.

— Стой! Прекратить огонь! — приказал Голубов. — Теперь они снова будут обстреливать нас из минометов.

— Здесь они уже не скоро соберут свою пехоту для атаки, — потирая подбородок, проговорил Броземан. — Нам нужно по возможности ближе прижаться к другой стороне этого кольца. Ведь минометный огонь они будут вести по опушке леса.

Отряд спешно отошел в глубь леса. Шли очень медленно. Высланная вперед разведка действовала очень осторожно: в любой момент можно было столкнуться с противником.

Шлегель подошел к Броземану:

— Как думаешь, пробьемся?

— Пробьемся. Должны пробиться. Слышишь? Должны! Иначе и быть не может.

— Да, да. Я понимаю... Но положение наше незавидное...

Время шло, но ничего существенного не случилось. Командир то и дело посматривал на компас. Направление движения — правильное.

Отряд пересек какую-то тропу. По предположению Голубова, они отошли в глубь леса километра на три. Неожиданно впереди застучал пулемет. Голубов приказал остановиться. Через несколько минут пулеметный огонь усилился.

Один из разведчиков сообщил, что фашисты расположились вдоль проходящей по лесу узкоколейной железной дороги. Командир отряда поручил нескольким бойцам «прощупать» вражеский заслон. Время от времени показываясь противнику, они должны были разведать его силы и расположение огневых средств.

Вскоре Голубов уже располагал необходимыми сведениями о противнике, позволявшими принять правильное решение.

Подготовившись к атаке, партизаны незаметно подошли к противнику и с расстояния двадцати шагов забросали гитлеровцев гранатами. С криками «ура» бойцы устремились к насыпи. За ней — большой склад древесины. Штабеля бревен протянулись на несколько сотен метров вдоль узкоколейки. Фашисты открыли огонь по складу. С каждой минутой бой становился все ожесточеннее.

— Быстрее! — торопил своих бойцов Голубов. — Фашисты попытаются снова отрезать нам путь.

Командир стоял за штабелем бревен. Он направлял партизан через проход между штабелями. Отряд понес большие потери и израсходовал много боеприпасов.

— Сколько у нас осталось патронов? — спросил командир у Броземана.

— Сотни две будет.

— Ну тогда будем прикрывать наших ребят. У меня тоже осталось несколько дисков. Жаль, гранат маловато.

— Гранаты есть. Когда мы переходили узкоколейку, я наткнулся на какие-то ящики. Посмотрел — гранаты. Немного прихватил с собой.

— Неплохо!

Курт протянул командиру несколько гранат. Через проход между штабелями все еще шли партизаны.

— Мы — последние,— проговорил уставший,

но по-прежнему жизнерадостный донской казак.— Немцы нас провожают.

— Первых фашистов мы забросаем гранатами, а потом отойдем,— сказал Голубов.— Теперь нас четверо.

— Внимание! — Командир показал рукой на проход между штабелями, к которому подползали шесть или семь фашистов.— Не стрелять. Только гранатами,— прошептал Голубов.

Отогнав первых гитлеровцев, четверо смельчаков, перебегая от одного штабеля к другому, все дальше и дальше уходили к лесу. До него оставалось не более шестидесяти метров. Нескольким фашистам удалось подойти к Голубову и его товарищам совсем близко. Но с деревьев, прикрывая отход маленькой группы, уже открыли огонь партизаны.

Кто-то крикнул:

— Беречь патроны!

Недалеко от Курта разорвалась ручная граната. С шумом рухнул штабель дров.

— Помогите! — услышал Курт.

«Шлегель! — пронеслось в голове.— Но где он мог застрять?»

Фашисты в нескольких местах подожгли склад. Пламя быстро пожирало сухую древесину. Наблюдая за противником, Курт заметил, как фашистские пулеметчики перетаскивали свой пулемет из прохода между штабелями вперед. Он быстро вскинул автомат и, не снимая пальца со спускового крючка, дал длинную очередь. Снова раздался крик о помощи. Несколько прыжков, и Курт был около Шлегеля. Заваленный обрушившимися дровами, он никак не мог выбраться из-под много-

пудового груза. Курт начал лихорадочно разбрасывать дрова, пытаясь быстрее помочь товарищу. Через несколько секунд сюда подбежал и донской казак.

— Быстрее, товарищи! Быстрее! — торопил Голубов.

Наконец Шлегеля удалось освободить из-под дров.

— Ты ранен? — спросил Курт.

— Нет, только кости болят.

— Быстрее! Быстрее! — уже нетерпеливо приказал Голубов.

На какое-то мгновение стало тихо. Лишь с востока отчетливо слышался гул орудийной канонады. До опушки леса оставалось метров двадцать. Четверо партизан уже добежали до первых деревьев, когда вдруг Курт, громко вскрикнув, схватился за грудь. Он покачнулся и начал медленно опускаться на землю. Бежавший последним Голубов подхватил его.

— Курт Павлович! Курт Павлович! Что с вами?!

Когда подбежал Шлегель, Курт попытался выпрямиться, но силы оставили его. Командир поднял безжизненное тело Курта и понес его к товарищам.

На глаза у Шлегеля навернулись слезы. Он сжал кулаки и гневно посмотрел в сторону горящего склада. Донской казак положил ему руку на плечо и голосом, полным сочувствия, сказал:

— Пошли. Надо идти дальше.

Вдруг партизан, шедший впереди, закричал:

— Наши! Товарищи, да ведь там наши танки!

Маленькая кучка партизан на какое-то мгновение застыла на месте, а затем еще быстрее побежала на шум моторов.

Через полчаса партизаны и солдаты Красной Армии, радостные и возбужденные, обнимали и целовали друг друга. Один усатый сержант крепко прижал Шлегеля к груди и поцеловал:

— Ох и дали же вы, братцы, здесь жару фашистам! Да и мы всыпали им неплохо. Ну а теперь вместе пойдем на Берлин и добьем фашистского зверя!

Шлегель хотел что-то сказать, но не мог произнести ни слова. В памяти всплыли улицы родного Берлина, и он подумал: «А ведь действительно будет так, как говорил Курт. Германия станет свободной!» Шлегель сильно потряс руку усатого сержанта.

— По машинам! — раздался голос из командирского танка.— Вперед!

Взревели моторы — советские танки продолжали свой победный путь на запад. По отступающим фашистам откуда-то из-за холма била дальнобойная артиллерия.

— До свидания, братцы! В Берлине увидимся! — крикнул усатый сержант и скрылся в люке танка.

Шлегель приветственно помахал ему рукой.

— Обязательно увидимся в Берлине. Обязательно!

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ябс

ВЫБОР

М., Воениздат, 1964 г. 212с.

Редактор *Афанасьев Г. Г.*
Литературный редактор *Морозова В. Д.*
Художник *Айзман О. И.*
Технический редактор *Мурашова Л. А.*
Корректор *Крошкина Т. П.*
Сдано в набор 6.9.63 г.
Подписано к печати 19.12.63 г.
Формат бумаги 70Х90 1/32 — 6 5/8 печ. л.
7,941 усл. печ. л. 7,404 уч.-изд. л.
Изд. № 10/5406 Зак. № 861
Тираж 65 000. ТП 64 г. № 221
2-я типография Военного издательства
Министерства обороны СССР
Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10
Цена 47 коп.